

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического
института МВД России

№ 1 (87)

BULLETIN
of Ufa Law Institute

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2020

12+

Главный редактор:

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель директора, заведующая кафедрой теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Аминев Фарит Гизарович – доктор юридических наук, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета.

Асианова Светлана Рифовна – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Баишева Зия Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Ульяновского государственного университета.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Буканова Роза Гафаровна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева ВИПК МВД России.

Гришко Александр Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

Даянов Ирек Сайфуранович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры зарубежной истории Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета.

Еникеев Зуфар Иргалиевич – доктор юридических наук, профессор, Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан.

Заурова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Ильин Дмитрий Юрьевич – доктор филологических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой русской филологии Волгоградского государственного университета.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Имаева Юлия Борисовна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Исаева Регина Минияровна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Костенников Михаил Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и сотрудников для подразделений по вопросам миграции ВИПК МВД России.

Куракин Алексей Валентинович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и сотрудников для подразделений по вопросам миграции ВИПК МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Линевич Владимир Леонтьевич – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Литвишков Владимир Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России.

Лысенко Евгений Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Миронов Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Мулукаев Роланд Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии естественных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Небрятенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Низаева Светлана Рамилевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Нуркаева Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Сердюк Леонид Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заведующая кафедрой гражданского права, профессор Института права Башкирского государственного университета.

Усманова Резида Минияровна – доктор юридических наук, доцент, Отличник образования Российской Федерации, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.

Хакимова Эльмира Робертовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии Института права Башкирского государственного университета, профессор кафедры криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Яхина Юлия Харисовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Башкортостан.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

научной электронной библиотеки «eLI-BRARY»

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

Литературный редактор, техническая верстка Д. И. Шабазова.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России. Подписано в печать: 27.03.2020.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 23,5. Гарнитура Times. Тираж 60 экз. Заказ № 22. Цена свободная.

BULLETIN

№ 1 (87) 2020

of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – Candidate of Law, the Chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (in research work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Members of the editorial board

Aznagulova Guzel Mukhametovna – Doctor of Law, Associate Professor, the first Deputy Chief of the Institute of Law of the Bashkir State University, the Head of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Aminev Farit Gizarovich – Doctor of Law, the Honoured Employee of the Ministry of Internal Affairs, professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Asyanova Svetlana Rifovna – Candidate of Pedagogics, lecturer of the Chair of Pedagogy and Psychology in the Internal Affairs Officers' Activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, the Honoured Teacher of the Republic of Bashkortostan, professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, docent of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Civil Law and Procedure of Ulyanovsk State University.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, professor of the Chair of the Foreign language and Culture of Speech of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bukanova Roza Gafarovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, the Head of the Chair of Criminalistics and Operative-Detective Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, the chief researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Counteraction against Illegal Drug Trafficking of the International Interdepartmental Training Center for Operational Units named after lieutenant-general of militia A. N. Sergeev.

Grishko Alexander Yakovlevich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal and Penal Executive Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dayanov Irek Saifuranovich – Candidate of Law, Associate Professor, docent of the Chair of Operative-Detective Activity of Internal Affairs of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Emelin Sergei Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Foreign History of the Institute of History and Public Administration of the Bashkir State University.

Enikeev Zufar Irgalievich – Doctor of Law, Professor, the Corresponding Member of the Academy of Sciences, the Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogics, Professor, the Corresponding Member of the International Academy of Pedagogical Education, professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ilyin Dmitriy Yurievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, the Head of the Russian Philology Chair of Volgograd State University.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, the Honoured Lawyer of Kuban, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Imaeva Yulia Borisovna – Candidate of Law, the Deputy Chief of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Isaeva Regina Miniyarovna – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, professor of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor, docent of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, the Head of the Chair of Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kostennikov Mikhail Valerievich – Doctor of Law, Professor, the Honoured Employee of the Ministry of Internal Affairs, professor of the Preparation Center for Police Officers in Maintaining Public Order and Migration Service of the All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kurakin Alexey Valentinovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Preparation Center for Police Officers in Maintaining Public Order and Migration Service of the All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Latypov Vadim Sagitianovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Linevich Vladimir Leontievich – Candidate of Psychology, Associate Professor, the Head of the Chair of Pedagogy and Psychology in the Internal Affairs Officers' Activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Litvishkov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Pedagogics, Professor, professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Lysenko Yevgeniy Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Management in the Internal Affairs of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Iлона Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, the Honoured Lawyer of the Republic of Bashkortostan, the Chairman of the Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mironov Anatoliy Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Constitutional and Municipal Law of Vladimir branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Morozov Sergei Yurievich – Doctor of Law, Professor, the Dean of the Department of Law of Ulyanovsk State University.

Mulukaev Roland Sergeevich – Doctor of Law, Professor, the Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, the chief scientific worker of the Scientific Research Center of Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the President of the Russian Society of History and Law.

Nebratenko Gennadiy Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nizaeva Svetlana Ramilevna – Candidate of Law, docent of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nurkaeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, professor of the Chair of the English language and Cross-Cultural Communication of the Bashkir State University.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, the Excellent Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, the Head of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Management of the Criminal Detection Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Administrative-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Serdjuk Leonid Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alexeyevich – Doctor of Law, Professor, the Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of the Bashkir State University, professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, the Honoured Lawyer of the Republic of Bashkortostan, the Head of the Chair of Civil Law and Procedure, professor of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Usmanova Rezida Miniyarovna – Doctor of Law, Associate Professor, the Excellent Worker of Education of Russia, the Dean of the Law Department of Sterlitamak branch of the Bashkir State University.

Khakimova Elmira Robertovna – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief of the Chair of Administrative-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Khalikov Aslyam Nailevich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, professor of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yakhina Yuliya Kharisovna – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media in the Republic of Bashkortostan. The mass media registration certificate PM № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editors, layout D. I. Shabazova.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 27.03.2019. Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 23.5. Typeface Times.

Circulation: 60 copies. Order № 22. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи и доклады 10

Теория и история государства и права. История учений о праве и государстве

Амиров Р. З. Военно-административная система в контексте проблем обеспечения внутренней безопасности Российской империи 10

Беседа И. И. Особенности исторического формирования и развития правовой культуры государственных должностных лиц российского государства 17

Салтыков К. Г. Значение и смысл положений законодательства о полиции: лингво-юридический аспект 25

Конституционное право. Конституционный судебный процесс.

Муниципальное право

Подгорный В. И., Лысенко Е. С. К вопросу о совершенствовании избирательного процесса в Российской Федерации 31

Ханахмедова Л. В., Стругова Е. В. К вопросу о модернизации Конституции Российской Федерации 39

Уголовное право. Криминология. Уголовно-исполнительное право

Гришко А. Я. Уголовная ответственность лидеров преступного мира: вопросы реализации 46

Джафарова А. А. Проблемы назначения наказания за клевету 52

Курсаев А. В. Уголовная ответственность за несоблюдение безопасных условий труда по законодательству Российской империи 60

Рогова Е. В., Гайдай М. К. Современное состояние практики применения уголовных наказаний к несовершеннолетним 67

Административное право. Административный процесс

Беженцев А. А., Ушенин А. А. Елистратов Аркадий Иванович: концептуальная теория классика и современная наука административного права 74

Кохан Р. Ю. Вопросы процессуального порядка применения сотрудниками полиции медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения 81

Уголовный процесс

Титов П. М. Потерпевший и частный обвинитель в уголовном судопроизводстве 89

Шепелин И. В. Жалоба как вид обращения в уголовном судопроизводстве 96

Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право.

Международное частное право

Батурина Н. И., Котельников Н. В. Регулирование семейных отношений между супругами брачным договором 101

Галиуллина Р. Х., Комлев Н. Ю. Защита прав потребителей: правовое регулирование и сфера действия сотрудников органов внутренних дел 107

Чернова С. С. Показатели эффективности научной деятельности научно-педагогических работников как один из элементов эффективного контракта 115

Судебная деятельность. Прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность

Ильянова О. И. Частная методика противодействия распространению негативной видеoinформации о деятельности полиции на видеохостинговых сайтах 122

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-разыскная деятельность

Луговик В.Ф., Борков В.Н. Надзор за оперативно-разыскной деятельностью: всегда ли законно прокурорское нормотворчество и правоприменение 127

Яцкина И. А. Криминалистическое изучение личности субъектов преступлений, связанных с пропагандой экстремизма, в контексте противодействия экстремистской деятельности 135

Общие вопросы языкознания. Язык и право. Юрислингвистика

Базавлук Л. М. О некоторых структурно-семантических и синтаксических особенностях языкового ощущения Н. В. Гоголя 141

Искандарова Г. Р. О взаимодействии юридического английского языка и общелитературного стандарта 148

Казанцева Е. А., Валиахметова Э. К. Место академического дискурса среди дискурсивных практик в сфере образования и науки 154

Кравчук Л. С., Погорелый М. Ю. Формирование положительного профессионального имиджа сотрудника полиции с помощью иноязычных фонетических навыков 162

Общая педагогика, история педагогики и образования. Теория и методика профессионального образования

Булгаков О. М., Гривенная Е. Н. Проблема педагогической интерпретации служебных отзывов руководителей подразделений органов внутренних дел о профессиональной подготовленности выпускников образовательных организаций МВД России 169

Линевич В. Л. Формирование учебной мотивации у обучающихся образовательных организаций МВД России 180

Памятка 187

CONTENTS

Scientific articles and reports 10

Theory and History of State and Law. History of Law and State Teachings

Amirov R. Z. Military-administrative system in the context of the problems of ensuring the internal security of the Russian Empire 10

Beseda I. I. Features of historical formation and development of the legal culture of state officials of the Russian state 17

Saltykov K. G. The value and meaning of the provisions of the law on police: a linguistic-legal aspect 25

Constitutional Law. Constitutional Trial. Municipal Law

Podgorny V. I., Lysenko E. S. On the issue of improving the electoral process in the Russian Federation 31

Khanahmedova L. V., Strugova E. V. On the issue of modernizing of Constitution of the Russian Federation 39

Criminal Law. Criminology. Penal Law

Grishko A. Ya. Criminal liability of the leaders of the underworld: issues and implementations

Jafarova A. A. Problems of sentencing for libel 46

Kursaev A. V. Criminal liability for non-compliance with safe working conditions under the legislation of the Russian Empire 60

Rogova E. V., Gaydae M. K. Modern state practice of the application of criminal punishment to minors 67

Administrative Law. Administrative Procedure

Bezhentsev A. A., Ushenin A. A. Elistratov Arkady Ivanovich: conceptual theory of the classic and modern science of administrative law 74

Kokhan R. Yu. Features of the procedural of application by police officers of medical examination for drug intoxication 81

Criminal Procedure

Titov P. M. The victim and private accuser in criminal proceedings: similarity and distinctions 89

Shepelin I. V. A complaint is a form of appeal in criminal proceedings 96

Civil Law. Business Law. Family Law. International Private Law

Baturina N. I., Kotelnikov N. V. Regulation of family relations between spouses with a marriage contract 101

Galiullina R. Kh., Komlev N. Yu. Consumer protection: legal regulation and scope employees of internal Affairs bodies 107

Chernova S. S. Performance indicators of scientific activity of scientific and pedagogical workers as one of the elements of an effective contract 115

Judicial Activity. Prosecution Activity. Law Enforcement Activity

Ilyanova O. I. Methods of countering the spread of negative video information about police activities on video hosting sites 122

Criminalistics. Forensic Activity. Operative Detective Activity

- Lugovik V. F., Borkov V. N.* Supervision of operational and investigative activities: is the prosecutor's rule-making and law enforcement always legal 127
- Yatskina I. A.* Forensic study of the identity of the subjects of crimes related to the promotion of extremism in the context of countering extremist activities 135

General Problems of Linguistics. Language and Law. Legal Linguistics

- Bazavluk L. M.* About some structural-semantic and syntactic peculiarities of language feeling of N. V. Gogol 141
- Iskandarova G. R.* On the interaction of English language of law and General literary standard 148
- Kazantseva E. A., Valiakhmetova E. K.* The place of academic discourse among discursive practices in the education and science 154
- Krawtschuk L. S., Pogorely M. Yu.* Creating a positive professional image of a police officer with the help of foreign language phonetic skills 162

General Theory of Education. History of Pedagogy and Education.

Theory and Methods of Vocational Education

- Bulgakov O. M., Grivennaya E. N.* The problem of pedagogical interpretation of official reviews of heads of departments of bodies of internal Affairs on professional preparation of graduates of educational institutions of the Ministry of internal Affairs of Russia 169
- Linevich V. L.* Formation of educational motivation at training educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia 180

- Instruction** 187

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 351.74

Р. З. АМИРОВ, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

R. Z. AMIROV, Assistant Professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, associate professor (Ufa)

ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

MILITARY-ADMINISTRATIVE SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE PROBLEMS OF ENSURING THE INTERNAL SECURITY OF THE RUSSIAN EMPIRE

***Аннотация.** В статье рассматриваются правовые и организационные основы функционирования военно-административной системы в государственном управлении Российской империи в период первой четверти XVIII–XIX вв. Исследуются военизированные императивы обеспечения внутренней безопасности государства. Анализируется содержание нормативных правовых актов, регламентирующих применение военно-административных методов государственного управления. Отмечаются особенности военно-административного управления на отдельных территориях Российской империи: на национальных окраинах и территориях с особыми правовыми режимами. Рассматривается содержание полицейских функций, осуществляемых военнослужащими в процессе деятельности военно-административных структур. Обращается внимание на предоставление особых прав лицам, наделенным чрезвычайными полномочиями по применению мер военно-административного характера в целях обеспечения внутренней безопасности государства. Указывается на традиционность сочетания гражданского и военного управления для Российского государства.*

***Ключевые слова и словосочетания:** военно-административная система, внутренняя безопасность государства, армия, полиция, генерал-губернатор, военный губернатор, полицейские функции.*

***Annotation.** The article discusses the legal and organizational basis for the functioning of the military administrative system in the public administration of the Russian Empire during the first quarter of the 18th–19th centuries. The paramilitary imperatives for ensuring the internal security of the state are investigated. The content of normative legal acts regulating the use of military-administrative methods of public administration is analyzed. Peculiarities of military administrative administration in certain territories of the Russian Empire are noted, namely, in the national suburbs and in territories with special legal regimes. The content of police functions carried out by military personnel in the course of the activities of military administrative structures is considered. Attention is drawn to the granting of special rights to persons vested with extraordinary powers to apply military-administrative measures in order to ensure the internal security of the state. The traditional combination of civil and military control for the Russian state is indicated.*

***Keywords and phrases:** military administrative system, internal security of the state, army, police, Governor General, military governor, police functions.*

Особенность государственного управления Российской империи во многом определялась милитаризацией ее государственного механизма. По оценке И. А. Исаева, такая система зародилась в недрах дружинной организации, а затем превратилась в военно-административную [1, с. 30]. В отечественной историографии преобладает мнение об изначальном военно-административном характере государственности в России, однако проблемы военно-административной системы управления не получили достаточного освещения в исследованиях по истории и теории государственного управления в России [2, с. 16].

С образованием Российской империи правовое регулирование деятельности военно-административных органов управления первоначально осуществлялось на основе отдельных, не составлявших единую систему нормативных правовых актов. К ним относятся:

1) именные указы императора: «О должности полковника по наблюдению земской полиции в уезде определенном для квартирования и продовольствия того полка» от 26 июня 1724 г. и др.;

2) указы Правительствующего Сената: «О подтверждении, чтобы на основании 17 пункта полковничей инструкции помещики не переводили крестьян своих и людей в другие уезды, без разрешения начальства» от 4 июля 1733 г. и др.;

3) инструкции: «Инструкция земскому комиссару» от 26 июня 1724 г. и др.

С развитием законодательства военизированные императивы государственного управления получают дополнительное нормативное закрепление в кодифицированных нормативных правовых актах:

1) учреждения: «Учреждение для управления Большой действующей армии» от 27 января 1812 г. и др.;

2) положения: «Временное Положение об управлении Туркестанской областью» от 6 августа 1865 г. и др.;

3) правила: «О правилах на случай объявления каких-либо местностей За-

падных губерний на военном положении» от 5 августа 1861 г. и др.

При этом продолжалась практика издания указов и инструкций, устанавливающих военно-административные начала государственного управления в отдельных местностях, причем правом издания последних могли обладать лица, наделенные главой государства особыми полномочиями по управлению вверенными им территориями (например, Инструкция виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева от 24 мая 1863 г.). В особых случаях военно-административные меры могли применяться наместниками, генерал-губернаторами по собственному усмотрению.

Полицейский режим, сложившийся в XVIII веке в России, характеризовался прямым принуждением, осуществлявшимся при помощи вооруженной силы. Военные чиновники имели широкое представительство в государственном механизме, занимая должности как в центральных, так и местных государственных органах. Для системы государственного управления было характерно объединение гражданского и военного управления. Военизировались наиболее важные отрасли государственного управления (безопасность государства, добыча природных ресурсов, финансы и другие сферы). По мнению отдельных исследователей, необходимость милитаризации системы государственного управления была вызвана низкой эффективностью традиционной административной системы [3, с. 99]. Наряду с ведомственными структурами, милитаризация охватывала и систему административно-территориального управления. Одним из военизированных элементов данной системы в XVIII веке являлись полковые дистрикты. Порядок размещения войск на территории страны был определен царским указом от 26 ноября 1718 г. [4].

До принятия законов, определявших функции расквартированных войск, их правовое положение регламентировалось

отдельными указами и инструкциями. В соответствии с Артикулом воинским 1715 г. за причинение вреда местному населению: нанесение побоев, оскорблений, военнотружущий подлежал военному суду [5, с. 342–343]. В 1724 г. был принят «Плакат о зборе подушном и протчем», регулировавший взаимоотношения между населением и расквартированными войсками [5, с. 202–212]. По мнению В. О. Ключевского, цель правительства состояла не только в решении вопроса о расквартировании и содержании регулярной армии, но и в использовании ее для выполнения полицейских функций (трактуемых достаточно широко) в местах дислокации [6, с. 204].

Современные исследователи отмечают, что с принятием этого акта воинские начальники получили больше полномочий в осуществлении государственного управления в дистриктах в сравнении с местной гражданской администрацией. В районе размещения полка военнотружущие выполняли не только фискальные, но и полицейские функции [7, с. 206]. Инструкции полковникам и земским комиссарам 1724 г. устанавливали как правила сбора подушных денег, так и обязанности командования воинских частей по обеспечению порядка и благочиния в уездах [8]. Полицейские функции регламентировались также Именным указом от 26 июня 1724 г. «О должности полковника по наблюдению земской полиции в уезде определенном для квартирования и продовольствия того полка» [9]. На военную администрацию возлагались обязанности по борьбе с преступностью, осуществлению общего полицейского надзора за перемещением населения. Согласно указу Сената от 1 июля 1733 г. военные власти должны были осуществлять надзор за соблюдением установленных правил при переводе помещиками крестьян в пределах своих владений [10]. Кроме того, военные должны были контролировать соблюдение законности при сборе налогов, имея право аресто-

вывать лиц, превышающих свои полномочия, обеспечивать государственную монополию на продажу соли и спиртных напитков, направлять крестьян на казенные работы, обеспечивать перевозку казны и колодников. По требованию местной администрации полковник был обязан немедленно выделять офицеров и солдат для поимки «воров и разбойников», сбора и сопровождения подушных денег и рекрутов [11, л. 278–279].

Исходя из полномочий, которыми были наделены полковые командиры, В. О. Ключевский делает вывод о том, что таким образом полки были введены в систему местных учреждений как новый и очень влиятельный орган управления. Однако, по его мнению, введение полков в систему уездных учреждений еще более усложнило и без того громоздкую систему местного управления, созданную Петром I, привело к увеличению побегов и смертности среди крестьян [6, с. 206–208]. Данная точка зрения разделяется Ю. П. Титовым: «В результате на местах сложились две параллельно действующие системы управления – военная и гражданская. Это еще более усложняло и запутывало взаимоотношения местных органов управления, отрицательно сказывалось на эффективности местного аппарата» [12, с. 112–113]. По мнению же Н. И. Костомарова, «сухопутное войско, расставленное на так называемых вечных квартирах, служило для водворения гражданского порядка и безопасности жителей края» [13, с. 177].

В XIX веке осуществляется постепенный перевод армии на казарменное положение. Аналогично полномочиям расквартированных полков на военных поселенцев возлагались полицейские функции в районах дислокации [14, с. 211–212]. Так, в связи с поселением гренадерского батальона в Высоцкой волости Новгородской губернии в соответствии с указом от 5 августа 1812 г. в полицейском отношении волость переходила в подчинение командиру батальона.

Советские исследователи рассматривали военных поселенцев в качестве опоры самодержавия, выделяя как основную функцию подавления антиправительственных выступлений [15, с. 192]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что расквартирование войск было связано не только с необходимостью решить проблему содержания под ружьем регулярной армии, но и с потребностью иметь на местах организованную вооруженную силу, осуществляющую полицейские функции.

По оценке Л. А. Стешенко, это «позволяло феодально-абсолютистскому государству эффективнее контролировать положение дел на местах, активнее бороться с нарастающим сопротивлением со стороны местного населения» [16, с. 216]. В XVIII в. армия являлась наиболее организованной силой и поэтому именно на нее было возложено обеспечение выполнения регламентов государственными органами и населением. На местах оно осуществлялось военными расквартированными полками, в лице которых местная администрация получила орган, осуществляющий обеспечение внутренней безопасности на вверенной территории. Соответствующая деятельность не являлась произволом со стороны военного командования, а опиралась на определенную правовую базу, которую составляли именные указы, указы и распоряжения Сената, законы о расквартировании войск, многочисленные инструкции, выдаваемые командирам полков и офицерам-сыщикам. Кроме того, действия военных находились под контролем центральных и местных государственных органов.

Усиление военно-административных начал государственного управления было характерно для местностей, в которых устанавливались особые правовые режимы. «Учреждение для управления Большой действующей армии» 1812 г. регламентировало функции войск по обеспечению общественного порядка в районе их дислокации. Военнослужа-

щие должны были обеспечивать паспортный режим, «истреблять бродяжничество, непозволительные сходбища, игры, распутства и малейший ропот против начальства». Основными субъектами полицейской деятельности являлись дежурный генерал, комендант главной квартиры и военная полиция. В подчинение коменданту переходила местная администрация и земская полиция. Военные суды рассматривали дела не только в отношении военнослужащих, но и гражданских лиц [17]. Таким образом, на военнослужащих действующей армии возлагалось обеспечение внутренней безопасности и общественного порядка в занимаемой ею местности.

Одним из проявлений военно-административных аспектов государственного управления Российской империи можно назвать институт генерал-губернаторства. Как отмечает Л. М. Лысенко, за весь период существования данного института только 18 генерал-губернаторов (9 % от их общего числа) имели гражданский чин [18, с. 237]. При этом П. П. Литвинов критикует данного автора за утверждение о том, что все губернаторы и генерал-губернаторы подчинялись исключительно МВД, отмечая, что «в дореволюционный период довольно значительные по объему территории находились под управлением военного министерства» [18, с. 26–27].

В правление Павла I военные и гражданские функции разграничивались между гражданскими и военными губернаторами. Александром I были внесены изменения, предусматривавшие подчинение отдельных гражданских губернаторов военным губернаторам. Так, гражданской частью ведали херсонский военный губернатор (Херсонская и Таврическая губернии), киевский военный губернатор (Подольская и Волынская губернии). Военизация губернаторской власти получает дальнейшее развитие в царствование Николая I. Это нашло проявление в институте военных гене-

рал-губернаторов, управлявших обеими столицами и национальными окраинами. В данный период в должности военных губернаторов были возведены градоначальники Одессы и Феодосии (городов центрального подчинения).

По оценке Л. М. Лысенко, в связи с усилением революционного движения со второй половины XIX в. в деятельности генерал-губернаторов полицейские функции начинают преобладать над военными [18, с. 238]. Однако, по нашему мнению, обеспечение общественного порядка в этих условиях было невозможно без привлечения вооруженных сил. Соответственно, это требовало сохранения военизированных императивов генерал-губернаторской власти. В случае беспорядков в соответствии с Инструкцией от 29 мая 1853 г. генерал-губернаторам требовалось принять «как меры к восстановлению спокойствия, так и к отражению всяких причин возобновления сих беспорядков» [19], к числу которых относились традиционно и меры военно-силового принуждения.

Несмотря на проводимую Александром II политику ослабления чрезвычайных мер в системе государственного управления, оно по-прежнему сохраняло определенную степень милитаризованности, что было связано с обострением внутренних угроз безопасности Российской империи. Так, усиление сепаратистских проявлений в Северо-Западном крае («манifestационное движение») вызвало необходимость предоставить генерал-губернатору право объявлять военное положение по своему усмотрению. Высочайше утвержденными правилами от 5 августа 1861 г. в местностях, объявленных на военном положении, начальнику края предоставлялись широкие полномочия по обеспечению внутренней безопасности (отстранение чиновников от должности, назначение военных начальников, предание суду служащих полиции, утверждение приговоров военных судов и др.) [20]. Именным указом от

6 июля 1862 г. в целях укрепления безопасности в западных приграничных регионах были образованы Варшавский, Виленский и Киевский военные округа во главе с генерал-губернаторами – командующими войсками округа. Они наделялись правами командира отдельного корпуса, получая под свое начало полевые войска и иррегулярные части округа [21]. В мае 1863 г. командующим Виленским, Киевским и Одесским военными округами дополнительно были подчинены части резервной пехоты и артиллерии, внутренней стражи, инженерного ведомства и корпуса жандармов [22]. Таким образом, генерал-губернаторы наделялись высшей военной и гражданской властью.

Несмотря на то что режим военного положения позволил прекратить манифестационное движение, уже в 1863 г. в Царстве Польском началось вооруженное восстание, перекинувшееся на Западный край. Для его подавления царским рескриптом от 14 января 1863 г. виленскому военному генерал-губернатору В. И. Назимову предоставлялись полномочия использовать чрезвычайные меры по своему усмотрению для сохранения «спокойствия» [23]. Он наделялся властью командира отдельного корпуса в военное время.

Согласно Инструкции виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева от 24 мая 1863 г. в систему местного управления вводился институт военно-уездных начальников, подчинявшихся военным губернаторам. По согласованию с начальниками губерний они назначались главными начальникам войск в основном из числа штаб-офицеров, командующих войсками на соответствующих территориях. В подчинение военно-уездным начальникам переходили гражданские власти и становые военные начальники. Для обеспечения внутренней безопасности вверенных территорий военная администрация распоряжалась значительными силами и средствами: регулярными войсками, полицией, лесной стражей, лесни-

чими, сельскими караулами. Внедрение военно-административных мер в систему государственного управления позволило за короткий срок восстановить порядок на территории края [24, с. 45, 48–49].

Исследователи обращают внимание на особый статус наместников Кавказа как главнокомандующих войск, наделенных императором «неограниченными полномочиями» [5, с. 213]. В соответствии с Именным указом «Об учреждении внутреннего для Грузии управления» от 12 сентября 1801 г. главное управление Грузией вверялось главноуправляющему, являвшемуся одновременно и командиром отдельного грузинского корпуса [25]. С ликвидацией в Закавказье прежних государственных образований учреждалась русская, как правило, военная администрация. В городах Грузии назначались коменданты из числа русских офицеров, в подчинении которых находились полицмейстеры из грузинских дворян. Территория Азербайджана была разделена на несколько провинций, во главе которых были назначены военные коменданты. Комендантские управления наделялись значительными административно-полицейскими и судебными полномочиями (вплоть до применения смертной казни). Комендант обладал административной, судебной, полицейской властью.

К середине 60-х гг. XIX в. система военно-административного управления сформировалась в среднеазиатском регионе. Именным указом «Об образовании Туркестанской области» от 12 февраля 1865 г. управление и командование войсками возлагалось на военного губернатора (ст. 2). В военном отношении он подчинялся командующему войсками Оренбургского края, а в гражданском – оренбургскому генерал-губернатору [26]. Согласно «Временному Положению об управлении Туркестанской областью» от 6 августа 1865 г. она управлялась оренбургским генерал-губернатором – командующим военным

округом [27]. Военный губернатор области осуществлял как военное, так и военно-народное управление (ст. 4). С образованием в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства управление краем полностью переходит под начало Военного министерства. При этом сложились две управленческие системы: административно-полицейская, представленная Министерством внутренних дел, и военно-административная, представленная Военным министерством. В связи с этим возникали определенные проблемы межведомственного взаимодействия: полиция, подчиненная военному ведомству, возглавлялась военными офицерами, в то время как в ведении МВД находилась общегосударственная полиция, комплектовавшаяся по вольному найму.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что военизированные императивы государственного управления в Российской империи были связаны с исторически сложившейся практикой совмещения гражданской и военной службы, имели место в условиях обострения угроз безопасности государства на национальных окраинах империи, а также при введении особых правовых режимов на территории страны и в ее отдельных местностях. Правовые основы функционирования военно-административной системы управления составляли именные и сенатские указы, инструкции и различные кодифицированные акты (положения, учреждения). В советский и постсоветский периоды государственного строительства исторический опыт военно-административного управления был использован при разработке норм чрезвычайного законодательства. На наш взгляд, видится целесообразным (учитывая отечественный опыт и опыт такой федерации, как США) предоставление права на применение вооруженной силы в целях обеспечения внутренней безопасности государства главам отдельных субъектов Российской Федерации либо полномочным представителям Пре-

зидента Российской Федерации (в том числе верховного главнокомандующего) в федеральных округах (в частности,

в Северо-Кавказском регионе для борьбы с терроризмом, ликвидации незаконных вооруженных формирований).

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев И. А. История государства и права России: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. 768 с.
2. Литвинов П. П. Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам): монография. Елец: ЕГУ имени И. А. Бунина, 2007. 539 с.
3. Соболева Т. Н., Разгон В. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Управление и обслуживание. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1997. 255 с.
4. Пережогин А. А. Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2005. 262 с.
5. Щербинин Н. П. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. СПб.: типография Э. Веймара, 1858. 354 с.
6. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1990. Т. 8. 445 с.
7. История Отечества: люди, идеи, решения: очерки истории России IX – нач. XX в. / сост. С. В. Мироненко. М.: Политиздат, 1991. 365 с.
8. Полное собрание законов Российской империи: собрание 1-е: с 1649 г. по 12 декабря 1825 г. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 7. № 4328.
9. Полное собрание законов Российской империи: собрание 1-е: с 1649 г. по 12 декабря 1825 г. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 7. № 4535.
10. Полное собрание законов Российской империи: собрание 1-е: с 1649 г. по 12 декабря 1825 г. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 10. № 6453.
11. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2. Оп. 14. Ед. 1. Д. 17.
12. Развитие русского права второй половины XVII–XVIII в. / Е. А. Скрипилев, А. А. Преображенский, В. М. Клеандрова [и др.]; отв. ред. Е. А. Скрипилев. М.: Наука, 1992. 307 с.
13. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. Вып. 6. XVIII столетие. СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1876. 885 с.
14. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. / отв. ред. С. С. Дмитриев. М.: Наука, 1989. 238 с.
15. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке: военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. 616 с.
16. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. Т. 4. 511 с.
17. Учреждение для управления Большой действующей армии. СПб.: Медицинская типография, 1812. 590 с.
18. Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 515 с.
19. Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г. Т. 28. Отд. 1. № 27239. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1854.

20. Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1863. Т. 36. Отд. 2. № 37328.

21. Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1865. Т. 37. Отд. 1. № 38452.

22. Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1866. Т. 38. Отд. 1. № 39596.

23. Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1866. Т. 38. Отд. 1. № 39161.

24. Камзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. 380 с.

25. Полное собрание законов Российской империи: собрание 1-е: с 1649 г. по 12 декабря 1825 г. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 26. № 20007.

26. Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867. Т. 40. Отд. 1. № 41792.

27. Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867. Т. 40. Отд. 1. № 42372.

© **Амиров Р. З.**

УДК 340.114.5

И. И. БЕСЕДА, адъюнкт адъюнктуры
Ростовского юридического института
МВД России (г. Ростов-на-Дону)

I. I. BESEDA, adjunct of the post-graduate
course of Rostov Law Institute of the Ministry of
Internal Affairs of the Russia (Rostov-on-Don)

**ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

**FEATURES OF HISTORICAL FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE LEGAL CULTURE OF STATE OFFICIALS OF THE RUSSIAN STATE**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности исторического формирования и развития правовой культуры государственных должностных лиц Российского государства. Особое внимание уделяется историческим условиям формирования правовой культуры полицейских. Анализируются хронологически сложившиеся условия, повлиявшие на вектор развития правовой культуры государственных должностных лиц. Подробно изучаются наиболее важные этапы формирования Российского государства, которые наложили свой отпечаток как на развитие общей правовой культуры, так и правовой культуры полицейских. Проводится анализ исторического формирования правовых основ службы в полиции России, которые стали значимыми

факторами формирования правовой культуры. В работе делаются выводы об основных закономерностях исторического развития правовой культуры полицейского.

Ключевые слова и словосочетания: эволюция, правовая культура полицейского, исторические факторы, формирование правовой культуры, функции правовой культуры.

Annotation. The article deals with the features of the historical formation and development of the legal culture of state officials of the Russian state. Special attention is paid to the historical conditions for the formation of the legal culture of police officers. The author analyzes chronologically existing conditions that influenced the vector of development of the legal culture of state officials. We study in detail the most important stages of the formation of the Russian state, which have left their mark on the development of the General legal culture, and directly on the development of the legal culture of the police. The analysis of the historical formation of the legal foundations of the Russian police service, which have become significant factors in the formation of legal culture, is carried out. The paper draws conclusions about the main regularities of the historical development of the police legal culture.

Keywords and phrases: evolution, legal culture of the police, historical factors, formation of legal culture, functions of legal culture.

Российское государство прошло путь развития от раннефеодальной княжеской монархии до современной демократической республики. Он был достаточно сложным, зачастую противоречивым. Это породило большое количество подходов к изучению истории российского государства. В данной статье мы хотим выделить такой подход к рассмотрению генезиса и формирования отечественной государственности, как эволюция правовой культуры представителей органов государственной власти. Он способен научно обогатить анализ сущности государства и права, а также расширить представление об их предназначении в жизни общества.

Формирование правовой культуры должностных лиц Российского государства тесно связано с эволюционными изменениями в государственном аппарате и правовой системе. Кардинальные изменения правовой доктрины оказывают прямое влияние на процесс формирования и функционирования правовой культуры как всего общества, так и представителей власти. Поэтому научный анализ исторических особенностей формирования правовой культуры государственных должных лиц позволит более глубоко понять закономерности ее развития и предложить наиболее оптимальные и эффективные способы воздействия на процесс

ее функционирования в контексте социального порядка [1, с. 21–22].

Для того чтобы обеспечить принцип системности анализа, необходимо детерминировать структуру исторических процессов с момента возникновения отечественного права до его современного состояния. Это даст возможность проанализировать закономерности эволюции правовой культуры государственных служащих, а также особенности процессов возникновения и развития правовой культуры полицейского. Безусловно, проблема гармонизации при изучении данного вопроса играет существенное значение [2, с. 188]. На наш взгляд, в данном контексте всю историю российской правовой культуры можно разделить на две части: это монархический период (княжеский, царский, имперский этапы) и республиканский (буржуазно-демократический, советско-социалистический, а также либерально-демократический этапы). В каждом этапе можно выделить основные части. Так, монархический период можно разделить на допетровский и постпетровский, а республиканский – на советский и современный.

Согласно отечественной историографии российская государственность возникает во второй половине IX в. [3, с. 10]. Соответственно, генерируются право и правовая культура. Но, на наш взгляд, ее

следует отнести к правовой культуре переходного типа, так как уровень развития общественных отношений более тяготеет к мононормам языческого периода, чем к созданию правовой системы в ее современном понимании. Поэтому в чистом виде правовая культура начинает формироваться с принятием христианства на Руси [4, с. 118]. Дело в том, что процессы христианизации населения оказали существенное влияние на развитие Российской государственности и определили её сущность, содержание и формы вплоть до правления Петра I. В допетровский период закладываются христианская этика, которая стала основным источником морально-нравственных координат жизнедеятельности русского общества [4, с. 119], в том числе правовой культуры государственных служащих в великокняжеский и царский периоды.

Религиозные источники доминировали и выводили все остальные источники регулирования общественных отношений в свой контекст. Поэтому правовая культура фактически формировалась на основе религиозной культуры, которая во многом выступала ее матрицей [5, с. 267]. Тем не менее следует подчеркнуть, что главное требование религиозной правовой культуры заключалось в честном и преданном служении монарху и государству. Считалось, что, выполняя свои государственные обязанности, должностное лицо выполняет волю Бога и несёт не только персональную ответственность в соответствии с нормативными правовыми актами, принятыми в государстве, но и религиозную. В том числе вера людей в загробный мир требовала от них безупречного выполнения своих должностных обязанностей, так как понятие правонарушения тесно переплеталось с понятием греха [4, с. 121]. Это обстоятельство выступало одним из основных трендов правовой культуры государственных служащих периода Древнего и Средневекового права и в дальнейшем закрепило принцип жертвенности

государственных служащих, в том числе сотрудников правоохранительных органов, что находит свое отражение и сегодня, например, в Присяге сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации [6].

В раннефеодальный период функции охраны общественного порядка и борьбы с преступностью возлагаются на государственных должностных лиц самим князем. Государственный аппарат раннефеодальной монархии был устроен так, что его ядром выступала дружина, которая выполняла основные государственные функции, а также поручения князя – расследовать преступления, находить виновных. Надо понимать, что это были наиболее значимые для самого князя преступления. Он воспринимал происходящие вокруг него общественные процессы как систему частнопрововых отношений. Монарх считал государство, земли и самих людей, которые проживают на его территории, своей собственностью, что наглядно просматривается в системе княжеского наследования. Поэтому в правосознании князя обеспечивать общественный порядок и реализовывать принцип законности в государстве – это то же самое, что поддерживать в должном состоянии и передавать по наследству имущество своим детям. То есть в этот период нет понимания о различии публично-правовой и частнопрововой сфер. И лишь спустя столетия правосознание монарха начинает выделять элементы абстрактного правопонимания публичности государственных интересов. Возникает устойчивое осознание того, что личные интересы монарха существуют параллельно с конкретными интересами государства и общества. В этом контексте формируется само понятие правовой культуры «государевых людей». Первоначально они делятся на две группы: это ближние дружинники (соратники князя и близкие слуги) – тиуны, которые выполняют наиболее важные поручения монарха.

Так появляются бояре (от слова «боярый» – наиболее яростные в битве) и дворяне – служилое сословие, возникающее от категории «слуги по дворским». На этих двух сословиях государственных людей формировалась вся система государственного управления и государственной службы вплоть до петровских реформ, то есть на протяжении более восьмиста лет. Показательным является тот факт, что правовая культура боярства выродилась из правовой культуры государственных служащих в правовую культуру феодального сепаратизма и олигархии, о чем свидетельствуют исторические события XII–XIII, XVI–XVII вв. В данные периоды прослеживается феодальный сепаратизм, повлекший раздробленность и опричнину. Эти исторические процессы показывают глубину негативного воздействия деформации правовой культуры государственных служащих на совокупность общественных отношений. Их деструктивные последствия отразились и на общественном порядке, и на национальной безопасности. В данном случае возникает связь между необходимой правовой культурой государственных должностных лиц и стабильным функционированием всех основных сфер жизнедеятельности общества и государства.

Переходный период в формировании правовой культуры государственных должностных лиц, отвечающих за охрану общественного порядка и борьбу с преступностью, происходит во времена Ивана III, который создал единое централизованное русское государство и общерусское право. Он сформировал единую правовую систему, вертикаль власти и систему служения государству. В частности, право отъезда бояр он преобразует в крамолу – государственное преступление, за которое полагается смертная казнь. Данная норма была закреплена в княжеском судебнике. Так, исследователь А. А. Кузнецов указывает: «В Судебнике 1497 года преступления против

государства уже выделяются в отдельную группу. Первое место среди них занимает преступление против Великого Князя и целостности государства, сюда относятся «крамола», «подым» и «зажигальничество». Под крамолой Судебник Ивана III понимает как государственную измену, заговор против действующей власти, призывы к свержению существующего строя или поднятия восстания, так и феодальный отъезд вассала к другому сюзеру, а также другие действия, направленные против центральной власти и её представителей на местах» [7, с. 72].

Иван III, женившись на Софье Палеолог, перенял не только византийские символы императорской власти, но и принципы внутренней и внешней политики. Он устанавливает достаточно эффективную для того времени систему реализации государственных функций. Это было связано с изменением правовой культуры государственных служащих, а также их правового сознания и мышления. У них возникает понимание единства правового поля и системы регулирования общественных отношений, что, с одной стороны, влечет преодоление проблемы правового партикуляризма, а с другой – создает условия для формирования профессиональной правовой культуры.

В этот период формируется централизованная система органов государственной власти, состоящая из Великого Князя, Боярской Думы, Освященного Собора и приказных чинов. И в среде светской власти генерируется правовая культура, краеугольным камнем которой выступает понятие «государственный интерес». Закладывается абстрактное понимание интересов государства, отделенное от частноправовых интересов самого князя. Начинает формироваться правовая культура нового типа, где государственные должностные лица осознают объективность государственных интересов. В частности, можно найти подтверждение этому в тексте Судебника Ивана III

1497 года, где закрепляется право подданных на получение правосудия. Это право призвано создать юридическую интеграцию общества, преодолеть судебный произвол феодалов, обладающих низкой правовой культурой, и обеспечить правоприменительный процесс в контексте единого централизованного государства [8, с. 73]. Таким образом, начинает формироваться привычная для сегодняшнего правового понимания картина единого правового пространства и целостности государственных интересов.

«Существуют две позиции правовой культуры. Согласно первой позиции – личной – акценты смещаются на свойства и качества личности. Вторая позиция – общественная, в которой внимание обращается на функционирование социального организма как целого. Составными частями логической структуры правовой культуры личности являются деонтические модальности или нормативные суждения, которые включают такие модальные операторы, как «обязательства», «разрешено», «запрещено». На основе правовых знаний и оценок возникают нормативные суждения, которые способствуют саморегулированию правового поведения индивида» [9, с. 236]. Но здесь необходимо отметить, что существует еще третий вид – правовая культура отдельных групп населения. Именно данный вид получает свое воплощение, когда с середины XVI в. до второй половины XVII в. структурируется сословно-представительная монархия. На наш взгляд, каждое сословие обладало своим видом правовой культуры. И в этот период было окончательно сформировано сословие дворянства, получившее «служилую» правовую культуру. Одним из критериев для дифференциации правовой культуры сословия выступали правовые ценности. И если для бояр большей ценностью являлось право-привилегия на владение землей, то для дворян большее значение имело право на государственную службу. Это во многом определило исход борь-

бы Петра Великого с боярским сословием, после которой оно перестало существовать.

В период патриархальной традиционной России основным регулятором общественных отношений было православие. Петр взял курс на секуляризацию, ему был нужен эффективный регулятор, находящийся вне сферы влияния церкви. Таким регулятором стало право. В данный период в правовой культуре российской политической элиты происходит переворот – переход от религиозных ценностей к государственно-правовым. И хотя Артикул воинский 1715 года начинается с главы, посвященной преступлениям против религии и церкви, а законодатель в первую очередь защищает православные ценности, которые в обществе считаются высшими, тем не менее церковь и религия утрачивают доминирующие позиции и посредством Синода попадают под государственное управление. Петр устанавливает право в качестве главного универсального регулятора. Исследователь В. М. Саакян указывает: «Право в гораздо большей степени дисциплинирует человека, чем логика и методология или чем систематические упражнения воли. Право по преимуществу социальная система и притом единственная социально дисциплинирующая система. Социальная дисциплина создается только правом; дисциплинированное общество и общество с развитым правовым порядком – тождественные понятия» [10, с. 129]. Разумеется, Петр остро нуждался в дисциплине, так как он создавал новую армию и флот, и в данном контексте право выступало для него прямым способом закрепить свою волю. И в этот сложный исторический момент появляется специализированный и структурно выделенный орган государственной власти, уполномоченный бороться с преступностью и охранять правовой и общественный порядок. «Появление российской регулярной полиции связано с деятельностью Петра I. Россия вступила в пер-

вой четверти XVIII в. в период сверхнапряженного, модернизационного рывка, потребовавшего от государственной власти жесткой мобилизации всех ресурсов общества для достижения главной цели – преобразовать страну в конкурентоспособную европейскую державу, обладающую прочным социально-экономическим фундаментом и всеми атрибутами военно-стратегической мощи. Под нужды и цели модернизации реформировался весь государственный аппарат, в том числе и его правоохранительная часть. Волей Петра Великого создается полиция – регулярный, военизированный, исполнительный орган государственного управления, повседневно и профессионально охранявший общественный порядок и внутреннюю безопасность» [11, с. 126]. 7 (18) июля 1718 года был издан Указ об учреждении в Санкт-Петербурге должности генерал-полицмейстера. С этого момента складывается сама сущность полицейской службы, которая и определяет правовую культуру правоприменителя, ответственного за обеспечение общественной безопасности и борьбы с преступностью. Формируется профессиональная правовая культура полицейского.

Петр возлагал на полицию большие надежды, поэтому и предоставлял ей огромные полномочия, которые были закреплены в Регламенте Главному магистрату 1721 г. В нем была отражена главная функция: «Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства» [12, с. 333]. Эта формулировка подчеркивает, какое качество правовой культуры глава государства хотел сформировать у полиции. Но это качество вытекало из обширных обязанностей, возлагаемых императором на полицию. «Понеже полиции особое свое состояние имеет; а именно: она споспешествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравоучения, всем безопасность подает от разбойни-

ков, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинит добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне, и приносить довольство во всем потребном к жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домашних расходах и все явные погрешения, призирает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных, по заповедям Божиим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках» [12, с. 333]. Широкий спектр функций полиции подчеркивает ее значимость в системе органов государственной власти и важную роль в жизни общества.

Весь XVIII в. данные принципы получали закрепление и реализацию. Однако правовое обеспечение, придавшее мощный импульс развитию правовой культуры полиции, было положено в период правления Екатерины II. Утвержденный ею «Устав благочиния или полицейский» 1782 года определял некий компромисс между государственными интересами и православной этикой: «Не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь; не токмо ближнему не твори лиха, но твори ему добро, колико можешь; в добром помогите друг другу, веди слепого, дай кровлю невинному, напой жаждущего; с пути сошедшему указывай путь» [12, с. 363].

С момента образования подразделения полиции носили военизированный характер, что отчетливо проявилось в Отечественной войне 1812 года. Тогда полиция оказала ощутимую помощь регулярной армии в борьбе с агрессором, в том числе координируя действия партизанского движения. Во многом эта эффективная деятельность стала возможной в результате формирования такой

структуры, как Министерство внутренних дел Управления Государственных дел Российской империи, основанное в 1802 году. Эти преобразования, оказавшие важнейшее историческое влияние на формирование правовой культуры сотрудников полиции, проходили при непосредственном участии Александра I, В. П. Кочубея и М. М. Сперанского. В это время была создана правовая база, определившая матрицу формирования правовой культуры российского полицейского. Ее основные принципы: служение Отечеству, защита населения, борьба с беззаконием, и сегодня отражены в действующем законодательстве Российской Федерации.

«Новый этап в истории МВД и полиции был связан с эпохой преобразований Александра II. Руководители и служащие министерства, сотрудники полиции на своих плечах вынесли многосложную административную нагрузку по обеспечению Великих реформ» [11, с. 127]. Император-Освободитель изменил весь общественный строй, а за ним государственную систему и систему управления. Все это требовало соответствующего правового обеспечения. Реформирование права затронуло все отрасли законодательства Российской империи. И в таких условиях существенно менялась правовая культура полиции. Теперь подавляющее большинство населения было не крепостными крестьянами, а свободными сельскими обывателями.

В то же время резко усиливаются процессы урбанизации, что крайне негативно сказывается на криминальной обстановке. Они были связаны с разрушением сословного строя и формированием классового общества. И к предыдущим проблемам борьбы с законностью добавляется проблема подавления революционного террора. Конец XIX – начало XX в. убедительно показали сложность и опасность работы полицейского. Террористами были убиты министры внутренних дел В. К. Плеве, Д. С. Сипягин,

председатель правительства П. А. Столыпин и многие другие государственные чиновники, отвечавшие за охрану общественного порядка и государственного строя. Однако полиции совместно с остальными правоохранительными органами Российской империи не удалось сохранить действующий государственной строй. Монархия рухнула, а вместе с ней все законодательство, социальная система, экономика и другие сферы. В состоянии глубокого кризиса вошли все сферы общественных отношений. В этих экстремальных условиях начинает формироваться правовая культура сотрудников советской милиции.

«28 октября (10 ноября) 1917 г. Народный комиссар по внутренним делам РСФСР А. Н. Рыков подписал постановление «О рабочей милиции», в соответствии с которым все Советы Рабочих и Солдатских Депутатов учреждали рабочую милицию, находившуюся всецело и исключительно в их ведении, все гражданские и военные власти были обязаны содействовать вооружению рабочей милиции вплоть до выдачи ей казённого оружия» [13]. Советская власть решила провести эксперимент, в соответствии с которым планировалось создать добровольную милицию из числа рабочих. Они после своей основной трудовой деятельности должны были выполнять функции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью. Но это нововведение не увенчалось успехом. Так, для работы стража правопорядка необходима особая правовая культура и правовое сознание, которого у работников других профессий попросту нет. Закономерен результат: «... уже 15 мая 1918 г. НКВД разослал по телеграфу во все губернские исполнительные комитеты Советов распоряжение о воссоздании милиции как государственной организации с собственным штатом сотрудников» [13].

При формировании правовой культуры советской милиции на начальном

этапе развития основными источниками стали «революционное правосознание» и «революционная законность». После гражданской войны с принятием целой серии советских кодексов, Конституции СССР 1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г. основным источником правовой культуры сотрудников милиции становится коммунистическая идеология. Здесь мы также можем отметить такие принципы, как верность службе, защита граждан от противоправных посягательств, необходимость жертвовать собой во имя интересов общества и государства. Эти принципы функционирования правовой культуры сотрудников советской милиции действовали вплоть до развала Советского Союза.

После принятия Конституции Российской Федерации 1993 года начинается новый период построения правового государства, всеобщей демократии и гражданского общества. Возникают принципы выборности и сменяемости власти путем непосредственной демократии. Институт прав и свобод человека провозглашается высшей ценностью.

Это обуславливает формирование новой российской государственности, а следовательно, и новой правовой культуры. Данные факторы имеют прямое воздействие на правовую культуру полицейского, главной задачей которого становится охрана жизни, здоровья и законных интересов человека и гражданина.

Таким образом, правовая культура сотрудника полиции в России прошла сложный исторический этап формирования и развития. Этапы ее эволюции были полностью обусловлены соответствующими этапами развития государства и права. Это подчеркивает особый государственный характер правовой культуры сотрудника полиции. Она связана с функциями полицейского, который должен в своей служебной деятельности руководствоваться интересами российского народа как источника власти и высшей ценности. Поэтому высокий уровень правовой культуры полицейского – это залог реализации принципа законности, охраны общественной безопасности, защиты национальных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев С. Н. Понятие «социальный порядок» в парадигме юридической техники // Аспирант и соискатель. 2016. № 4 (94). С. 21–24.
2. Дорская А. А. Проблема гармонизации подходов к периодизации истории государства и права России в научных исследованиях и преподавании // Гармонизация подходов в исследованиях и обучении праву. Жидковские чтения: материалы Всероссийской научной конференции. М.: Российский университет дружбы народов, 2015. С. 188–194.
3. Глоба Н. С. Варяги: точка отсчета российской государственности // История государства и права. 2012. № 21. С. 10–14.
4. Овчинников А. И. Библейские идеи царской власти в истории русской государственности // Философия права. 2018. № 4 (87). С. 118–121.
5. Мамычева Д. И., Мамычев А. Ю., Овчинников А. И. Матрица социокультурного кодирования политико-правовых процессов // *Advances in Law Studies*. 2015. Т. 3. № 5. С. 266–274.
6. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Кузнецов А. А. Государственные преступления в истории русского права // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 2 (16). С. 71–77.
8. Амплеева Т. Ю. Борьба с судебным произволом чиновников в Московской Руси (XVI–XVII вв.) // Государство и право. 2006. № 10. С. 73–81.

9. Геворкян Т. В. История формирования и развития правовой культуры населения // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 3 (47). С. 236–239.
10. Саакян М. В. Пути повышения правовой культуры российского общества // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. № 2. С. 129–131.
11. Румянцев Н. В. Российская полиция: историко-правовой анализ // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 126–129.
12. Хрестоматия по истории государства и права СССР (Дооктябрьский период) / под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1990. 479 с.
13. Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/history/619705> (дата обращения: 15.12.2019).

© **Беседа И. И.**

УДК 340.113:351.741(470)

К. Г. САЛТЫКОВ, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Хабаровск)

K. G. SALTUKOV, Head of the Chair of state and law disciplines of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, associate professor (Khabarovsk)

ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПОЛИЦИИ: ЛИНГВО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

VALUE AND MEANING OF PROVISIONS OF LAW ON POLICE: LINGUISTIC-LEGAL ASPECT

Аннотация. В статье представлены результаты анализа текста нормативных правовых актов, регулирующих деятельность полиции, в контексте понимания языка как специфического человеческого феномена. Терминологический аппарат законодательства о полиции в целом утвердился в юридической науке. Однако при использовании юридического термина в тексте нормативного правового или судебного акта он попадает в сеть многообразных семантических отношений. Содержание закона базируется на его денотативной структуре, отражающей представления законодателя об идеальном состоянии общественных отношений. Смысл представляет собой мысль об этой действительности, то есть интерпретацию единиц текста.

Ключевые слова и словосочетания: законодательство о полиции, смысл, термин, интерпретация, значение, текст, лингво-юридический аспект.

Annotation. The article presents the results of the analysis of the text of normative legal acts regulating activities of police in the context of understanding language as a specific human phenomenon. The terminological apparatus of police legislation has generally established itself in legal science. But when a legal term is used in the text of a normative legal or judicial act, it falls into a network of diverse semantic relations. The content of the law is based on its denotative structure, reflecting the views of the legislator about the ideal state of public relations. Meaning is the thought of this reality, that is, the interpretation of the units of the text.

Keywords and phrases: police legislation, meaning, term, interpretation, value, text, linguistic-legal aspect.

Целью обеспечения основных прав и свобод институциональными и функциональными гарантиями является воплощение в жизнь зафиксированных в Конституции РФ и других законах положений о юридическом статусе личности, придание им фактического характера [1, с. 33]. Эффективность обеспечения прав и свобод граждан напрямую зависит от организации работы правоохранительных органов, разграничения сфер ответственности между ними. Вопросы охраны и защиты прав и свобод граждан относятся к предметной, территориальной и функциональной компетенции различных правоохранительных органов, одно из ключевых мест среди которых занимает полиция как составная часть Министерства внутренних дел Российской Федерации. Приоритетным объектом полицейской деятельности являются неотчуждаемые, данные от природы права, выступающие в качестве высшей социальной ценности [2, с. 342].

Полицейское воздействие, охватывающее разнообразные общественные отношения, связано в первую очередь с реализацией различных правовых форм и методов работы. Всестороннее законодательное обеспечение улучшения эффективности и действенности полицейских сил, повышение этических и профессиональных стандартов, усиление антикоррупционных мер предполагают обоснованное с позиций юридической техники использование понятийно-терминологического аппарата законодательства, регламентирующего деятельность полиции, а также строгое соблюдение требований системного подхода к использованию специальной юридической лексики. Вместе с этим в условиях стремительного развития российского законодательства, а также увеличения объема нормативной правовой базы внимание к вопросам охраны и защиты прав и свобод граждан не

может ограничиваться лишь формально-юридическим аспектом. Необходим всесторонний анализ качества текста нормативных правовых актов, регулирующих деятельность полиции в Российской Федерации, в контексте понимания языка как специфического человеческого феномена.

В настоящее время приобретают актуальность и выступают на первый план проблемы семантической вариативности юридической терминологии, определяющие характер и особенности использования приемов юридической техники, что не может не учитываться в процессе формирования и совершенствования правовых основ деятельности органов внутренних дел. Важно определить характер и суть не только собственно правовых, но и лингво-юридических проблем в данной сфере.

Обращаясь к Федеральному закону от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции»), прежде всего как к юридическому тексту, с целью определения степени и причин интерпретационной вариативности его лексики, необходимо отметить, что такая работа изначально осложнена отсутствием в теории текста общепринятой терминологии, употребление которой происходит без четкой дифференциации [3, с. 6]. Итак, текст ФЗ «О полиции» – есть структурное целое, характеризующееся внутренней организацией элементов и закономерностями взаимосвязи структурных единиц. Текст рассматриваемого нормативного правового акта обладает микро- и макросемантикой. Это объясняется следующим.

Терминологический аппарат законодательства о полиции в целом утвердился как в юридической науке, так и на практике. Большинство его элементов вне первоначального или производного юридического текста моносемизируется

[4]. Однако при использовании юридического термина в тексте нормативного правового или судебного акта он попадает в сеть многообразных семантических отношений, порождающих смысловую вариативность. Примером этого может стать термин «вооруженное нападение», использованный законодателем в п. 6 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции», под которым понимается нападение не только с использованием «оружия любого вида либо предметов, конструктивно схожих с настоящим оружием и внешне неотличимых от него», но и нападение с использованием «предметов, веществ и механизмов, при помощи которых могут быть причинены тяжкий вред здоровью или смерть» [5]. Вместе с тем семантика термина «вооруженное нападение» при его использовании, например, для раскрытия содержания оснований применения оружия и боевой техники в ст. 35 Закона РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» [6], очевидно, не в полной мере соответствует интерпретации данного термина авторами ФЗ «О полиции». Кроме того, дефиниция термина «вооруженное нападение», предложенная в ФЗ «О полиции», представляется результатом расширительного толкования в контексте определения понятия «оружие», закрепленного в ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», под которым понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов [7].

В отечественной судебной практике можно обнаружить случаи как признания и обеспечения семантической определенности положений законодательства о полиции, так и констатации присущего им смыслового варьирования. В качестве примера первого можно привести позицию Конституционного Суда РФ по поводу обращения гражданина А. В. Лопатина о несоответствии Конституции РФ положениям чч. 1, 3 и 8 ст. 17 ФЗ «О по-

лиции», закрепляющим право полиции обрабатывать данные о лицах, подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию, и хранить указанные данные в целях выполнения возложенных на нее функций.

В своем определении Конституционный Суд РФ отметил, что «данные права подлежат использованию полицией только в соответствии с ее предназначением и в рамках исполнения возложенных на нее обязанностей». Также указал на невозможность толкования права полиции обрабатывать соответствующие данные во взаимосвязи с другими положениями ФЗ «О полиции», если результат такого толкования вступает в противоречие с положениями Конституции РФ. В данном случае очевидна попытка Конституционного Суда РФ признать и обеспечить единообразие понимания текста положений чч. 1, 3 и 8 ст. 17 ФЗ «О полиции» и таких его элементов, как терминологическое словосочетание «право полиции обрабатывать данные» [8].

При рассмотрении п. 13 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», предусматривающего защиту жизни и здоровья участника одиночного пикета от непосредственной угрозы посредством доставления его в служебное помещение, Конституционный Суд РФ, оценивая сформулированное в законе «право полиции доставлять граждан в целях защиты гражданина от непосредственной угрозы его жизни и здоровью», отметил, что применение полицией данной меры к гражданам при отсутствии оснований «может расцениваться как неправомерное ограничение конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность и на проведение публичных мероприятий». Более того, в рассматриваемом постановлении Конституционного Суда РФ прямо говорится о потенциальной возможности истолкования п. 13 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», расходящегося с его конституционно-правовым смыслом [9, с. 152].

Аналогичную двоякую оценку текст законодательных велений получает в доктринальных источниках, где нередко отмечалось наличие в нем логических отношений и связей, «обусловленных системностью действующего законодательства и единством его понятийной структуры» [10, с. 35], которые обеспечивают семантическую инвариантность. Но одновременно с этим любое когнитивное обращение к законодательному языку основано на том, что относится к языку, как частное к общему, и, следовательно, в определенной степени обладает семантической вариативностью [11, с. 142].

В лингво-юридическом контексте указанную семантическую вариативность различных элементов текста нормативного правового акта можно объяснить тем, что содержание закона базируется на его денотативной структуре, отражающей представления законодателя об идеальном состоянии общественных отношений, и формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте. Вместе с тем смысл представляет собой мысль об этой действительности, то есть интерпретацию представленного в тексте.

Первая статья ФЗ «О полиции», где указано, что полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и обеспечения общественной безопасности, свидетельствует о таком подходе законодателя, который предполагает, наряду с определением полиции как структуры, состоящей из совокупности подразделений, организаций и служб, наличие иной интерпретации данного термина, связанной с деятельностью, которая направлена на охрану государственного правового порядка при помощи ограничения свободы отдельного лица в форме принуждения [12, с. 20].

Причем употребление термина «полиция» в значении «деятельность»,

берущее свое начало от греческого «*πολιτεία*» – город как средоточие государственного управления [13, с. 1], является для отечественного правоведения не менее традиционным. Так, обратившись к Малому энциклопедическому словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона 1907 г., можно обнаружить, что под полицией в широком смысле разумелась деятельность государства, направленная на охрану безопасности населения, общественного порядка, здоровья и имущества граждан, содействие благосостоянию населения [14, с. 1018].

Подобная семантическая вариативность термина «полиция» характерна и для зарубежного законодательства. Так, принятие в 2016 году Положения о полиции (поведение) в Северной Ирландии было обусловлено пониманием сущности полиции через ее деятельность, а утвержденное в 2017 году Положение о полицейской службе Шотландии (старшие должностные лица) (служебные обязанности) основано на интерпретации термина «полиция» как системы служб и должностей [15; 16]. Кроме того, анализ полицейской деятельности в функциональном аспекте позволил В. В. Черникову, наряду с «общей полицией», вести речь о «таможенной полиции», «судебной полиции», «охранной полиции», «финансовой полиции» и т. д. [17, с. 43].

Выявленные оттенки смысла термина «полиция», обнаруживаемые при его употреблении в различных отечественных и зарубежных нормативных правовых актах и справочниках, объясняются прежде всего многоаспектностью «той области общественной жизни, которая связана с социально-правовой защищенностью человека», где «интегрируются экономические, политические и социальные проблемы» [18, с. 10]. Процедура логико-методологического распространения умозаключений, произведенных на основании приведенных примеров, касающихся особенностей текста ФЗ «О полиции» и его отдельных элементов,

на все множество положений законодательства о полиции позволяет сформулировать следующие выводы.

Нормативные правовые установления, составляющие в своей совокупности законодательство о полиции, рассматриваемые как фрагменты текста, характеризуются наличием как смысла, так и объективного содержания высказывания (денотата) [19, с. 190]. При этом значение того или иного законодательного положения, регулирующего деятельность полиции, является объективным отражением системы связей и общественных отношений посредством юридического языка [20, с. 55].

Стоящая перед законодателем задача по созданию устойчивых нормативных основ деятельности полиции в конкретных исторических условиях предполагает подготовку, принятие и обнародование правовых решений (актов) с помощью научно обоснованного комплекса принципов, средств, приемов и правил в соот-

ветствии с принятыми планами и имеющимися прогнозами, то есть применение юридической технологии [21].

Одновременно с этим законодатель, оперируя значениями языковых единиц, конструирует необходимые ему смыслы – руководящие идеи, определяющие восприятие нормативных правовых основ деятельности полиции [22]. Совокупность таких идей в систематизированном виде является частью правовой идеологии российского государства, отражает и оценивает правовые явления [23, с. 24].

Таким образом, текст положений законодательства о полиции характеризуется наличием концептуального и содержательного планов, которые, так или иначе сочетаясь, обеспечивают представление семантики положений законодательства о полиции различными структурами, надстраиваемыми в разных плоскостях друг над другом и отражающими существующие между их компонентами отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хазов Е. Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина: монография. М., 2014. 342 с.
2. Бельский К. С. Полицейское право: лекционный курс / под ред. А. В. Куракина. М., 2004. 816 с.
3. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 250 с.
4. Раздьяконова Е. В. Основы нормотворчества: курс лекций. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2016. 246 с.
5. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. № 25.
6. О Государственной границе Российской Федерации: закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 // Российская газета. 1993. № 84.
7. Об оружии: федеральный закон от 13.01.1996 № 150-ФЗ // Российская газета. 1996. № 241.
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лопатина Александра Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 13, частями 1, 3 и 8 статьи 17 Федерального закона «О полиции»: определение Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 335-О // СПС «КонсультантПлюс».
9. Виноградов Т., Манжосова Е. Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 3. С. 148–164.
10. Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М.: Норма, 2004. 160 с.
11. Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Содержание и форма в праве и проблема законодательной стилистики: учебное пособие. Пермь: Изд-во Пермского университета, 1967. 206 с.

12. Белявский Н. Н. Полицейское право (Административное право). Петроград, 1915. 409 с.
13. Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. М., 1897. 718 с.
14. Малый энциклопедический словарь: в 4 т. М.: ТЕРРА, 1997. Т. 3. 852 с.
15. Положение о полиции (поведение) (Северная Ирландия) 2016 г. (Police (Conduct) Regulations (Northern Ireland)). URL: <http://www.legislation.gov.uk/> (дата обращения: 15.01.2020).
16. Положение о полицейской службе Шотландии (старшие должностные лица) (служебные обязанности) 2016 г. (The Police Service of Scotland (Senior Officers) (Performance) Regulations). URL: <http://www.legislation.gov.uk/> (дата обращения: 15.01.2020).
17. Черников В. В. Конституционные основы полицейской деятельности: некоторые вопросы теории и практики // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 40–47.
18. Братко А. Г. Правоохранительная система: понятие и основные элементы ее содержания // Проблемы развития правоохранительных органов. М., 1994. С. 8–23.
19. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1977. 217 с.
20. Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Московского университета, 1998. 335 с.
21. Бахвалов С. В. Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 28 с.
22. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М.: МГТ, 2001. 270 с.
23. Максимова И. М. Правосознание как источник правового поведения личности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 181 с.

© Салтыков К. Г.

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ
СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

УДК 342.8:004(470)

В. И. ПОДГОРНЫЙ, доцент кафедры теории и истории государства и права Белгородского университета кооперации, экономики и права, кандидат юридических наук, доцент (г. Белгород)

V. I. PODGORNYY, Assistant Professor of the Chair of theory and history of state and law of Belgorod University of cooperation, economics and law, Candidate of Law, associate professor (Belgorod)

Е. С. ЛЫСЕНКО, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

E. S. LYSENKO, Head of the Chair of management in the bodies of Internal Affairs of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, associate professor (Ufa)

**К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ON THE ISSUE OF IMPROVING THE ELECTORAL PROCESS
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. Цель статьи – проанализировать основные проблемы правового регулирования избирательного процесса в России и общие направления его совершенствования, а также сформулировать рекомендации, призванные скорректировать избирательную политику в направлении укрепления демократии и законности в стране. Авторами статьи предлагается унифицировать федеральное избирательное законодательство так, чтобы оно было понятно как кандидатам, политтехнологам, так и избирателям, участвующим в выборах. В статье обозначены проблемы, связанные с муниципальным фильтром на выборах глав субъектов федерации в современных российских условиях. На основании публикаций в средствах массовой информации и ряда научных работ проводится краткий анализ применения муниципального фильтра на практике. Затронуты вопросы правового регулирования досрочного голосования и голосования по открепительным удостоверениям. Проанализированы проблемные вопросы реформирования и работы избирательных комиссий муниципальных образований. Обращено внимание на применение цифровых технологий в современных избирательных кампаниях.

Ключевые слова и словосочетания: выборы, законодательство, избирательная система, избирательное право, избирательная комиссия, кибербезопасность, муниципальный фильтр, цифровизация выборов.

Annotation. *The article aims to analyze the main problems of legal regulation of the electoral process in Russia and general directions of its improvement and formulates recommendations to correct electoral politics in the direction of strengthening democracy and the rule of law in the country. The authors of the article propose to unify the Federal electoral legislation so that it is clear both to candidates, political strategists and to voters participating in the elections. The article highlights the problems associated with the municipal filter in the election of the heads of federal subjects in modern Russian conditions. Brief analysis of the municipal filter application in practice based on publications in mass media and a number of scientific papers is carried out. The issues of legal regulation of early voting and voting on absentee ballots were discussed. The article analyzes the problematic issues of reforming and working with the election commissions of municipalities. Attention is drawn to the use of digital technologies in modern election campaigns.*

Keywords and phrases: *elections, legislation, electoral system, electoral law, election Commission, cybersecurity, municipal filter, digitalization of elections.*

Трансформация политической системы современной России происходит в контексте совершенствования законодательной и иной деятельности федеральных, региональных и муниципальных избирательных процедур и механизмов. За прошедшее десятилетие был пройден трудный путь реформирования и становления избирательной системы российского государства. С одной стороны, избирательная система становится динамично развивающимся государственным и одновременно общественным институтом, отвечающим международным избирательным стандартам, а с другой – подвергается постоянным изменениям. В настоящее время российская избирательная система характеризуется чрезмерной сложностью и нестабильностью. Наблюдаются двойные стандарты ее применения, снижение доверия избирателей, появление «несистемной» оппозиции.

Изучение существующих нормативных правовых актов как на федеральном, так и региональном уровнях свидетельствует о том, что идеальная модель не может быть создана в принципе. В этом мы солидарны с профессором М. С. Саликовым, который считает, что «сначала на уровне научных изысканий, а позднее на уровне нормативного регулирования необходимо установить такую модель, которая бы в данный исторический период в наибольшей мере соответствовала степени развития политической системы

и ожиданиям избирателей» [1, с. 51]. Нынешняя российская политическая элита находится в постоянном поиске наиболее эффективных избирательных технологий, осуществляет корректировку, апробации различных систем проведения выборов. В сентябре 2019 г. Президент РФ В. В. Путин на встрече с лидером КИРФ Г. А. Зюгановым заявил, что готов рассмотреть предложения парламентариев по «ремонту избирательной» системы [2]. В последнее десятилетие российскими учеными проведено значительное количество исследований по вопросам избирательного законодательства, но вместе с тем требуется реальное реформирование избирательной системы Российской Федерации. На наш взгляд, к основным направлениям реформирования избирательной системы необходимо отнести следующие: совершенствование избирательного законодательства; организационно-кадровое обеспечение выборов; цифровизацию выборов.

В настоящее время большую актуальность приобретает вопрос совершенствования избирательного законодательства Российской Федерации. По мнению Председателя Центральной избирательной комиссии России (далее – ЦИК России) Э. А. Памфиловой, «все избирательное законодательство в России должно логично проистекать от того политического вектора, который сейчас в стране существует. Само по себе избирательное законодательство не существу-

ет – оно неотделимо от всех политических процессов» [3]. Сегодня представители парламентских фракций Госдумы РФ заявляют о важности совершенствования избирательного законодательства и готовы вносить предложения, касающиеся корректировки избирательного законодательства. Ныне действующие избирательные практики проведения выборов свидетельствуют о том, что в современной России представители политических партий и движений зачастую используют «грязные технологии». Грешат ими как представители официальной оппозиции, так и представители партии власти. «Грязные технологии» породили немало скандалов в период избирательной кампании в сентябре 2019 года. По итогам голосования было подано 184 иска об отмене итогов голосования, результатов выборов всех уровней в 9 регионах из 85. Центризбирком отменил результаты выборов на восьми участках в четырех регионах – в Санкт-Петербурге, Московской и Орловской областях и Крыму [4]. На прошедших выборах применялись незаконные предвыборные технологии: удаление наблюдателей, попытки вбросов бюллетеней, подкуп избирателей, организация «каруселей», участие партийных кандидатов на выборах в качестве самовыдвиженцев, образование «дачных» участков для голосования, бездействие избирательных комиссий в ходе избирательной кампании. Как видим, в подобных условиях нужен не просто «ремонт», а полномасштабная и многовекторная реформа, которая затронула бы всю избирательную систему для искоренения предпосылки возможных нарушений. Прошедшие выборы показали, что в правовом поле избирательного процесса еще остается ряд неурегулированных до конца вопросов, требующих внимания законодателя.

Во-первых, ныне действующее федеральное избирательное законодательство следует упростить. Оно должно быть по-

нятым как кандидатам, политтехнологам, так и избирателям, участвующим в выборах.

Во-вторых, в целях увеличения электоральной конкуренции необходимо осуществить корректировку муниципального фильтра на выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, который значительно снижает реальную политическую конкуренцию.

В-третьих, назрел вопрос о порядке отмены досрочного голосования и голосования по открепительным удостоверениям.

В-четвертых, требуется реформирование порядка формирования и работы избирательных комиссий муниципальных образований.

В-пятых, необходимо развивать цифровые избирательные технологии, которые могут сделать голосование доступным из любой точки страны и мира, при этом обеспечив безопасность информационно-коммуникативных процессов.

По нашему мнению, реально требует разрешения проблема унификации всего массива законов о выборах. В этом весьма перспективной видится идея создания Избирательного кодекса РФ, который вводил бы в качестве общей части «рамочные» нормы, регулирующие любые выборы в России. Безусловно, что такой кодекс должен иметь прямое действие и «работать» на всей территории страны. В настоящее время избирательные кодексы уже приняты в некоторых субъектах Российской Федерации, например, Избирательный кодекс Белгородской области. Это вполне соответствует конституционному принципу разграничения предметов ведения и полномочий (ч. 3 ст. 5 Конституции РФ). Поэтому каких-либо конституционных ограничений или запретов принятия нового избирательного закона в форме кодекса нет.

В то же время идея о принятии избирательного кодекса в России постоянно сопровождается «демонизацией» Федерального закона от 12 июня 2002 г.

№ 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Закон № 67-ФЗ). Активист движения «Голос» А. Е. Любарев считает, что российские выборы в основном не соответствуют своему конституционному предназначению, и предлагает комплексную реформу избирательного законодательства и проект Избирательного кодекса, подготовленного под его руководством [5, с. 1904]. На сегодняшний день вопрос о принятии единого нормативного документа неоднозначен. Так, например, П. А. Борноволоков полагает, что не стоит преждевременно принимать Избирательный кодекс РФ, так «как законодательство России о выборах еще не стабильно, и практика проведения выборов всех уровней не отличается единством и совершенством» [6, с. 42]. По мнению ученых Г. Н. Комковой и С. Н. Шевердяева, в настоящее время наиболее активно проявляется федеральное влияние на законотворчество в субъектах РФ, а значит в Кодексе должен быть найден ответ на вопрос: «Какие отношения будут императивно урегулированы на федеральном уровне, а где регионы вправе быть самостоятельными?» [7, с. 63]. Председатель ЦИК России Э. А. Памфилова в целях единообразного применения избирательного законодательства не исключает «возможности кодификации законодательства о выборах в формате разработки и принятия Избирательного кодекса России на основе широкого обсуждения с институтами гражданского общества» [8].

Приведенные в качестве примеров разные точки зрения по созданию Избирательного кодекса РФ свидетельствуют о наличии огромного массива нормативных актов, требующих упорядочения, устранения несоответствия и дублирования нормативных положений для удобства пользования правоприменителями. Придерживаясь этих позиций, мы не исключаем принятие нового закона о выбо-

рах в форме кодекса. Тем более что работу над его проектом уже ведет группа экспертов и ученых на базе факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова при участии Российского фонда свободных выборов.

Анализ прошедших выборов 2019 года обнажил множество проблем. По их итогам в октябре 2019 года состоялось заседание Научно-экспертного совета при ЦИК России. Лидеры парламентских партий внесли на рассмотрение Госдумы пакет законопроектов по совершенствованию избирательного законодательства и общественного контроля за выборами. Инициативы, которые содержатся в законопроектах, направлены на отмену досрочного голосования и открепительных удостоверений; снижение муниципального фильтра и количества подписей избирателей, необходимых для выдвижения депутатов всех уровней; введение персональной ответственности для председателей избиркомов за нарушения; прекращение практики самовыдвижения поддерживаемых партией кандидатов на губернаторских выборах.

Форма досрочного голосования и голосования по открепительным удостоверениям, как свидетельствует избирательная практика, может порой использоваться для фальсификаций, когда у одних и тех же граждан на руках может быть по несколько бланков, а значит, есть возможность голосовать по несколько раз. Это ведет к искажению воли избирателей, нарушает публичные интересы граждан государства. Открепительные талоны заменила введенная в 2017 году технология «Мобильный избиратель», которая позволила максимально сократить количество голосующих досрочно. Тем не менее отменить досрочное голосование полностью будет непросто. Основания для него были сокращены в 2010 году, эту форму голосования оставили в основном для избирателей из труднодоступных или отдаленных территорий – тех, кто работает на по-

лярных станциях или в аналогичных местах. Однако такое ограничение его применения в 2014 году Конституционный Суд РФ признал неконституционным. После этого досрочное голосование вернулось для всех избирателей, которые по уважительной причине не могут в день голосования прийти на участок [9]. Список этих причин открытый, поэтому одни комиссии дают возможность проголосовать всем желающим даже без достаточных к тому оснований, а другие – требуют не только заявления с указанием уважительной причины, но и подтверждающие документы, например, билеты на воздушный или железнодорожный транспорт. Тем не менее, отменяя в очередной раз досрочное голосование, необходимо будет предложить избирателям адекватную альтернативу. По нашему мнению, альтернативой досрочному голосованию могут стать «цифровые избирательные участки». Эту технологию опробовали в Москве во время единого дня голосования в 2019 году.

Возникает целый комплекс вопросов вокруг проблемы, связанной с процедурой сбора подписей муниципальных депутатов и глав муниципальных образований в поддержку кандидатов на должности губернаторов. Данная процедура, получившая название «муниципальный фильтр», призвана обеспечить качественный отбор претендентов на высшую должность в субъекте, отсеять популистов, криминалитет, фейковых кандидатов и других случайных людей. В 2012 году Конституционный Суд РФ вынес постановление, в котором указал, что федеральный законодатель вправе предусмотреть специальные предварительные условия, позволяющие исключить из избирательного процесса участников, не имеющих достаточной поддержки избирателей [10]. Число депутатов представительных органов и (или) глав муниципальных образований, которые должны поддержать выдвижение кандидата, определяется законом

субъекта Российской Федерации, но не может быть менее 5 и более 10 % от количества муниципальных депутатов в субъекте. Как показала избирательная практика последних лет, в нашем обществе началась дискуссия по поводу максимума надобности и минимума параметров муниципального фильтра. По мнению сопредседателя мониторинговой группы Совета по наблюдению за выборами И. Б. Борисова, «установление любых квалифицирующих требований к кандидатам, выдвигаемым на те или иные выборные должности, – это общепризнанная мировая практика» [11]. Муниципальный фильтр, проработавший с 2012 года, сохранился и в текущем цикле – выборах 2019 года. Российская система избрания губернаторов считается одной из самых демократичных в Европе. Это признано венецианской комиссией Совета Европы. Вместе с тем процедура организации демократического изъявления на выборах губернаторов имеет ряд проблем и подвергается критике не только оппозиционными силами и мелкими политическими партиями, но и специалистами в области избирательного права и процесса. Так, например, Л. А. Андреева обращает внимание на такие проблемы, связанные с муниципальным фильтром на выборах глав субъектов Федерации, как использование административного ресурса, вмешательство представителей государственной власти в местное самоуправление, искажение волеизъявления избирателя [12, с. 40]. По мнению профессора М. С. Саликова, муниципальные цензы являются барьером в избирательном процессе, поэтому кандидатам, выдвинутым иными партиями, довольно сложно получить муниципальную поддержку [1, с. 51].

Действительно, в данный момент сложилось такое положение, что депутаты-поддержанты должны представлять не менее 75 % от общего количества муниципалитетов региона. Это привело к тому, что в 2018 году лишь «Единая

Россия» и КППФ (в некоторых субъектах Российской Федерации) могли самостоятельно выдвигать кандидатов на посты глав регионов. На выборах в 2019 году лишь эти две партии – «Единая Россия» в 22 регионах и КППФ в 3 – единолично преодолели барьер. В итоге сложившаяся за несколько лет практика привела к нежеланию большинства партий участвовать и во многих муниципальных выборах. Результатом стало сужение числа претендентов. По сути, лишь парламентские партии могли претендовать на закрытие более чем 10 % оспариваемых мандатов.

В целом же рассматриваемая проблема является предметом самостоятельного исследования, выходящего за рамки нашего исследования, поэтому мы ограничимся лишь некоторыми предварительными предложениями, которые могут представлять интерес в контексте рассматриваемого вопроса.

Во-первых, отказываться от муниципального фильтра при выдвижении на должность главы региона нецелесообразно. Кандидат должен иметь определенный авторитет среди представителей политической элиты региона. Данный инструмент в избирательном процессе является фактически подтверждением общественного согласия по кандидату.

Во-вторых, муниципальный фильтр на региональных выборах в России необходимо снизить хотя бы до 5 %. Такая мера будет способствовать развитию политической конкуренции.

В-третьих, целесообразно осуществлять сбор подписей депутатов в половине, а не в трех четвертях муниципалитетов. Каждому депутату разрешить поставить лишь одну подпись в поддержку претендента на высшую должность в регионе.

В-четвертых, парламентские партии и партии, представленные в региональных законодательных собраниях, освободить от прохождения муниципального фильтра как прошедших «квалифика-

цию», то есть получивших уже поддержку избирателей.

Полагаем, что внесение подобных изменений в федеральное законодательство будет способствовать повышению общественного признания, легитимности выборов на региональном уровне, росту интереса к выборам.

Итоги избирательной кампании 2019 года выявили ряд проблем, связанных с порядком формирования и работой избирательных комиссий муниципальных образований (далее – ИКМО). Так, прошедшие муниципальные кампании в Санкт-Петербурге продемонстрировали большое число нарушений на муниципальных выборах, что явилось следствием неуправляемости ИКМО. Почему это стало возможным? Дело в том, что при проведении выборов в органы местного самоуправления ИКМО в нынешнем виде практически неподконтрольны ни ЦИК России, ни избирательной комиссии субъекта Российской Федерации. ИКМО – это своего рода «отростки», которые формируются под конкретные муниципальные выборы и, по сути, не подчиняются избирательным комиссиям субъектов Российской Федерации, так как финансируются из муниципального бюджета. Сделать ИКМО независимыми в финансовом отношении от районных и муниципальных администраций по Закону № 67-ФЗ в настоящее время невозможно. Осуществлять контроль за деятельностью ИКМО вышестоящие избирательные комиссии могут только путем рассмотрения жалоб на нарушения избирательных прав граждан. Как справедливо отмечают Е. В. Демьянов и И. В. Мухачев, «единственным выходом в данной ситуации является обращение в органы прокуратуры, чтобы понудить избирательную комиссию муниципального образования выполнить определенные действия» [13, с. 43].

Становится очевидным, что необходимо совершенствовать избирательное

законодательство и процесс, касающиеся изменения законодательства о выборах в части статуса ИКМО. В связи с этим считаем целесообразным:

– закрепить положение о том, что ЦИК России и комиссия субъекта Российской Федерации являются вышестоящими избирательными комиссиями по отношению к другим комиссиям в части осуществления контроля за соблюдением избирательных прав и права на участие в референдуме. Это исключит возможность утверждать, что ЦИК России и комиссии субъектов Российской Федерации не имеют отношения к муниципальным выборам, а также послужит основанием для принятия соответствующих решений в отношении ИКМО;

– предусмотреть ответственность ИКМО и территориальных избирательных комиссий в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения возложенных полномочий, повлекших массовые нарушения избирательных прав;

– необходимо исключить из законодательства положение о том, что полномочия ЦИК могут возлагаться на ИКМО. Тем самым будет полностью закончено формирование комиссий территориального уровня. Это позволит в дальнейшем не формировать ИКМО, а возлагать их полномочия на территориальные избирательные комиссии в пределах всей территории страны;

– установить, что председатель ИКМО, городского округа, внутригородской территории избирается исключительно по предложению избирательной комиссии субъекта Российской Федерации.

Говоря о современной практике в области цифровизации электоральных процессов, следует отметить, что она неизбежно ведет к закреплению электронного голосования в качестве основного способа проведения выборов. По мнению специалистов информационно-коммуникативных технологий, электронная форма голосования значительно расширяет возможности активного избирательного права без тер-

риториальной привязки и обладает рядом преимуществ перед традиционным голосованием. Но так ли это на самом деле? Способны ли современные цифровые технологии решить существующие проблемы в реализации избирательных прав граждан, не породив новые? В связи с этим возникает необходимость осмысления преимуществ и недостатков электронного голосования с точки зрения повышения вовлеченности граждан в избирательный процесс и их доверия избирательной процедуре и результатам выборов.

Рассмотрим, насколько убедительно выглядят доводы сторонников дистанционного электронного голосования в российском социально-политическом контексте. По их мнению, применение электронных технологий поможет лучше работать со списками избирателей (при программном действии исключается сдвоенность избирателей в списках), снизить временные издержки на голосование и повысить удобство процесса за счет онлайн-сервисов. Технологически онлайн-голосование практически исключает давление на членов избирательных комиссий, классические выборные фальсификации с «мертвыми» душами и вбросами бюллетеней. Благодаря переходу на интерактивные приложения и сайты, внутрипартийное голосование станет более открытым, а отбор кандидатов для выдвижения на выборах – более прозрачным и с лучшей информационной поддержкой. В этом контексте цифровизация избирательного процесса имеет очевидные преимущества перед традиционным голосованием.

Однако учитывая преимущества в части охвата аудитории и удобства формата электронного голосования, особую обеспокоенность вызывают повышенные риски информационных сбоях, кибератаки и манипуляции. Сегодня существуют серьезные препятствия для перехода к практике Интернет-голосования в нашей стране. Экспериментальный опыт электронного голосования в Мосгордуму

в 2019 году, с точки зрения явки Интернет-избирателей, был вполне успешным (при более чем 11 000 зарегистрировавшихся отдали свои голоса через сеть «Интернет» 10 396 человек) [14].

Однако ключевая проблема с обеспечением информационной безопасности и технических сбоях все же имела место. Поэтому прежде чем думать о целесообразности введения электронного голосования по всей стране, нужно провести несколько экспериментов и тщательно проанализировать результаты. Наряду с этим нужно принять соответствующие нормативные правовые акты, регулирующие электронное голосование в России. По нашему мнению, при должном институциональном регулировании и обеспечении кибербезопасности в перспективе электронное голосование действительно

может стать основой цифровой демократии. Электронная форма голосования должна быть использована в качестве дополнительной возможности для голосования, хотя бы исходя из той реальности, что в нашей стране далеко не все населенные пункты имеют доступ к Интернету.

В итоге рассмотрения данной проблематики мы пришли к выводу о том, что российское избирательное законодательство нуждается в коррекции и требует глубокого научного осмысления и анализа. Автор статьи проанализировал только некоторые наиболее важные пути совершенствования избирательного процесса в Российской Федерации. Безусловно, они нуждаются в дальнейшей проработке, но в какой-то мере помогут активизировать работу профессиональных структур в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саликов М. С. Об установлении и устранении барьеров в российском избирательном процессе // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 5. С. 49–56.
2. В Госдуме заявили о готовности обсуждать «ремонт» избирательной системы 18 сентября 2019 г. URL: <https://www.interfax.ru/russia/676966> (дата обращения: 25.09.2019).
3. Памфилова признала невозможность избирательной реформы: «У власти другой вектор» 3 октября 2019 г. URL: <https://www.rline.tv/news/2019-10-03-pamfilova-priznala-nevozmozhnost-izbiratelnoy-reformy-u-vlasti-drugoy-vektor/> (дата обращения: 12.10.2019).
4. ЦИК: в 9 регионах подали 184 заявления об отмене итогов выборов 2 октября 2019 г. URL: <https://ia.ru/20191002/1559361482.html> (дата обращения: 15.10.2019).
5. Любарев А. Е. Соответствуют ли российские выборы своему конституционному предназначению // Право и политика. 2013. № 13. С. 1903–1915.
6. Борноволоков П. А. Некоторые вопросы совершенствования избирательного законодательства России // Юридическая наука и правоохранительная практика 2006. № 1. С. 42–50.
7. Шевердяев С. Н. Обсуждение в МГУ концепции Избирательного кодекса РФ // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 62–66.
8. Голосование без барьеров. В ЦИК отметили 25-летний юбилей избирательной системы 29 октября 2018 г. URL: <https://vybor-naroda.org/stovyborah/121463-golosovanie-bez-barerov-v-cik-otmetili-25-letniy-yubiley-izbiratelnoy-sistemy.html> (дата обращения: 22.10.2019).
9. По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» в связи с запросом Законодательного Собрания Владимирской области: постановление Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2014 г. № 11-П II // Собрание законодательства РФ. 2014. № 16. Ст. 1922.
10. По делу о проверке конституционности отдельных положений ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: поста-

новление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 32-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 3.

11. В СПЧ назвали соответствующим мировой практике муниципальный фильтр на выборах губернаторов 27 июля 2017 г. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/173726997> (дата обращения: 22.10.2019).

12. Андреева Л. А. «Муниципальный фильтр» на выборах высшего должностного лица субъекта федерации: законность и обоснованность // Вопросы современной юриспруденции. 2017. № 7 (68). С. 74–77.

13. Демьянов Е. В., Мухачев И. В. Система избирательных комиссий в субъектах Российской Федерации // Конституционное право. 2016. № 4. С. 40–47.

14. ВЦИОМ: цифровое голосование в России: первые эксперименты и перспективы 11 ноября 2019 г. URL: <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/2535313-echo/> (дата обращения: 14.11.2019).

© Подгорный В. И.

© Лысенко Е. С.

УДК 342.4-048.35(470)

Л. В. ХАНАХМЕДОВА, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (г. Рязань)

L. V. KHANAHMEDOVA, assistant professor of the Chair of State and Civil-Legal Disciplines of Ryazan branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, Candidate of Law (Ryazan)

Е. В. СТРУГОВА, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (г. Рязань)

E. V. STRUGOVA, assistant professor of the Chair of State and Civil-Legal Disciplines of Ryazan branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, Candidate of Law (Ryazan)

К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ON THE ISSUE OF MODERNIZING THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье дается анализ поправок к Конституции Российской Федерации, а также особенностей их нормативного закрепления, предложенных Президентом Российской Федерации.

Федерации в своем обращении к Федеральному собранию в январе 2020 года. В. В. Путин абсолютно своевременно обратил внимание на необходимость разрешения ряда важных внутригосударственных проблем, в частности, в области демографии, социальной поддержки детей, семей с низким доходом, социального контракта, материнского капитала, образования, продолжительности жизни, здравоохранения, оплаты труда, пенсионного обеспечения и др. Концептуально значимыми являются поправки, касающиеся совершенствования деятельности органов государственной власти. Предложено расширение полномочий Президента Российской Федерации и закрепление за Государственным Советом Российской Федерации статус государственного органа. Заслуживают внимания и предлагаемые консультационные процедуры с Советом Федерации по вопросам назначения и освобождения от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти, которые занимаются вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности. Поправки было предложено внести для реализации вышеуказанных вопросов на качественно новом уровне.

Ключевые слова и словосочетания: поправки к Конституции, модернизация Конституции, совершенствование деятельности, государственная власть.

Annotation. The article analyzes the amendments to the Constitution of the Russian Federation, as well as the features of their normative consolidation proposed by the President of the Russian Federation in his address to the Federal Assembly in January 2020. V.V. Putin promptly drew attention to the need to resolve a number of important domestic problems, in particular, in the field of demography, social support for children, low-income families, social contract, maternity capital, education, life expectancy, health care, labor remuneration, pension provision and many others. Amendments related to improving the activities of public authorities are conceptually significant. It is proposed to expand the powers of the President of the Russian Federation and consolidate the status of a state body for the State Council of the Russian Federation. Noteworthy are the proposed consultation procedures with the Federation Council on the appointment and dismissal of heads of federal executive bodies that deal with defense, state security, internal affairs, justice, foreign affairs, emergency prevention and natural disaster response, and public safety. Amendments were proposed for the implementation of the above issues at a qualitatively new level. Amendments to the Constitution of the Russian Federation 2020, improving the activities of public authorities.

Keywords and phrases: amendments to the Constitution, modernization of the Constitution, improvement of activities, state power.

15 января 2020 года в своем Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации Президент РФ В. В. Путин абсолютно своевременно обратил внимание на необходимость разрешения ряда важных внутригосударственных проблем. Были озвучены проблемные вопросы в области демографии, социальной поддержки детей, семей с низкими доходами, социального контракта, материнского капитала, образования, продолжительности жизни, здравоохранения, оплаты труда и многие другие.

Для их реализации на качественно новом уровне им было предложено внести в Конституцию РФ ряд поправок. Через два часа после оглашения обращения

председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев объявил об уходе Правительства РФ в отставку в полном составе, ввиду того, что предложенные Президентом РФ изменения в Конституцию РФ предполагают организацию работы органов исполнительной власти на иных принципах [2].

20 января 2020 года, используя свое право внесения поправок и пересмотра положений Конституции РФ, в соответствии со ст. 134 Конституции РФ, Президент РФ внёс в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума РФ) законопроект «О совершенствовании регулирования отдельных во-

просов организации публичной власти» [3]. 21 января 2020 года Государственная Дума РФ, рассмотрев законопроект, приняла его в первом чтении, предложив профильному комитету внести необходимые коррективы в двухнедельный срок (к 6 февраля 2020 года). Напомним, что порядок рассмотрения поправок к главам 3–8 Конституции РФ регламентируется Федеральным законом № 33-ФЗ [4]. Проанализируем предложенные Президентом РФ поправки в Конституцию РФ более подробно.

1. Законопроект в изложенной редакции предлагает внести в Конституцию РФ 22 поправки, которые будут приниматься, используя процедуру всенародного голосования ввиду того, что изменения не затрагивают положения главы 1, 2, 9 (для которых необходимо проведение референдума).

Обратим внимание на поправку 2 п. «а», в которой на конституционном уровне предлагается дополнить ст. 75 Конституции РФ частью 5, закрепляющей гарантии минимальной оплаты труда на уровне не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации и индексации социальных пособий и иных социальных выплат в порядке, установленном федеральным законом. Это положение по своей сути дополняет ч. 2 ст. 7 Конституции РФ, содержание которой ранее раскрывалось на уровне федерального законодательства и было закреплено в п. 1 ст. 1 федерального закона № 82-ФЗ от 19 июня 2019 г. «О минимальном размере оплаты труда» [5]. С одной стороны, вынесение этой нормы на конституционный уровень автоматически ставит под запрет возможность несоблюдения этого правила в случае каких-либо бюджетных затруднений, с другой – уже имеющееся федеральное законодательство позволяет проводить необходимое индексирование с уже сформированных финансовых и нормативных инструментов.

Кроме того, ст. 75 в новой редакции раскрывает содержание гл. 3 Конституции РФ «Федеративное устройство». Однако по своему предмету правового регулирования, как представляется, конкретизирует содержание ст. 7 гл. 1 Конституции РФ «Основы конституционного строя». Первая часть ст. 7 указывает на то, что Российская Федерация является социальным государством, и конкретизация принципа социальной справедливости, выражающаяся в установлении зависимости минимально заработной платы от прожиточного минимума, выглядит более логично, чем конкретизация содержания ст. 75, посвященной раскрытию содержания монетарной политики, осуществляемой в Российской Федерации.

По нашему мнению, наиболее юридически верным было бы отнести указанную поправку к гл. 1, изменив соответствующим образом и процедуру принятия решения по ней. Аналогичным видится и содержание п. «б» вышеуказанной поправки, предлагающей внести дополнение этой же ст. 75 частью 6 следующего содержания: «6. В Российской Федерации формируется система пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений и поддерживается ее эффективное функционирование, а также регулярно осуществляется индексация размера пенсий в порядке, установленном федеральным законом».

Вопросы пенсионного обеспечения в действующей Конституции РФ закреплены в ст.ст. 7 и 39, причем в ст. 7 раскрывается содержание понятия социального государства, а в ст. 39 гл. 2 конкретизируется положение именно о социальном обеспечении граждан Российской Федерации в контексте имеющихся у них прав и свобод. Если статья закрепляет принципиальные основы функционирования пенсионной системы, то логичным видится эта поправка в качестве дополнения, раскрывающего в новой редакции

содержание ч. 2 ст. 39, но никак не ч. 6 ст. 75, предложенной в проекте.

Следует обратить внимание и на принцип солидарности поколений, который предлагается внести в текст действующей Конституции РФ. Применительно к пенсионной системе это означает, что те денежные средства, которые работающие ныне отчисляют в пенсионный фонд, идут на выплату пенсий тем, кто достиг пенсионного возраста, а следующие поколения будут выплачивать содержание по старости тем, которые работают сегодня.

Думается, что с учетом скорости развития современного общества словарное определение поколения как отношение отцов и детей или выявление специфики какого-либо знакового поколения «декабристы», «дети войны», «революционеры» не отражает всей сложности этого понятия. Поколение – это еще и условия его жизни, показатель жизнеспособности, отражающий баланс преемственности и изменений в социальной, культурной, экономической и политической сферах. И новый мир вырабатывает новые модели жизни, совершенно непохожие на те, которыми жили даже наши родители. Современное общество по разным подсчетам включает в себя от трех до шести поколений, каждое из которых имеет свои отличные ценности и приоритеты [6]. И одним из видов связи между поколениями выступает пенсионная система, которая работает стабильно до тех пор, пока демографическая ситуация либо улучшается, либо стабильна. Как только она начинает ухудшаться, в системе, которая построена по принципу солидарности поколений, возникают проблемы. Официальный прогноз Росстата даже по среднему уровню показывает, что за следующие 20 лет соотношение работающего населения и достигшего пенсионного возраста ухудшится в полтора раза с учетом ожидаемого роста продолжительности жизни пенсионеров [7]. Таким образом, закрепление в Конститу-

ции РФ принципа солидарности поколений представляется избыточным ввиду того, что скорее всего не будет реализован, а в перспективе соотношение пенсий и зарплат будет только ухудшаться [8].

2. Концептуально значимой, на наш взгляд, является поправка 5, которая предлагает изложить ст. 79 Конституции РФ в новой редакции, дополнив ее следующим тезисом: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Подобная редакция ст. 79, полагаем, может стать причиной конкуренции норм с ч. 4 ст. 15 действующей Конституции РФ ввиду того, что «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Это указывает на сходность предмета правового регулирования данных конституционных установлений, а для них, как известно, предусматривается иной порядок пересмотра.

Напомним, что в соответствии со ст. 135 Конституции РФ положения гл. 1, 2, и 9 являются неизменяемыми. Для них в соответствии с ч. 2 вышеуказанной статьи предусматривается особый порядок изменения путем созыва Конституционного Собрания, порядок созыва которого утверждается соответствующим федеральным конституционным законом. Несмотря на то, что проект такого закона был разработан еще в 2000 году [9], на сегодняшний момент он все еще не принят (отклонен 14 сентября 2012 г. Государственной Думой РФ) [10].

Исходя из конструкции ч. 3 ст. 135 Конституции РФ, Конституционное Собрание либо подтверждает неизменность Конституции РФ, либо разрабатывает проект новой конституции, который принимается двумя третями голосов этого

собрания или выносятся на всенародное голосование. Причем на всенародном голосовании такие поправки будут считаться принятыми, если за них проголосуют более половины избирателей при условии общей явки более 50 %.

Таким образом, внесение поправок в ст. 79 Конституции РФ конкретизирует содержание гл. 1, что, по нашему мнению, нарушает процедурный порядок внесения изменений в системообразующий документ нашего государства. Подтверждением сказанного может выступать правоприменительная практика Конституционного Суда РФ, которым в 2016 году было принято решение, разрешившее имеющуюся неоднозначную, с точки зрения толкования, конструкцию ч. 4 ст. 15 Конституции РФ [11].

3. Проект по внесению изменений в Конституцию РФ предлагает на рассмотрение ряд согласительных процедур, которые до этого момента не содержались в тексте Конституции РФ.

Так, согласно поправке 7 предлагается п. «а» ст. 83 изложить в новой редакции: «... назначает Председателя Правительства Российской Федерации, кандидатура которого утверждена Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации по представлению Президента Российской Федерации, и освобождает Председателя Правительства Российской Федерации от должности». Напомним, что в действующей редакции п «а» ст. 83 выглядит следующим образом: «а) назначает с согласия Государственной Думы Председателя Правительства Российской Федерации». Как видим, в действующей редакции происходит замена «назначает с согласия» на «назначает Председателя Правительства Российской Федерации, кандидатура которого утверждена» и «согласовывает» на «утверждает», что не меняет содержание данного пункта.

Если в новой редакции назначение Председателя Правительства РФ усложняет процедуру путем дополнительно-

го утверждения кандидатуры Государственной Думой РФ, то возникает вопрос: «Почему процедура освобождения от должности Председателя Правительства РФ осуществляется без такой согласительной процедуры?». Аналогичный вопрос возникает и по поводу предлагаемого этой же поправкой изменения п. «д» ст. 83 по процедуре назначения заместителя Председателя Правительства РФ.

Заслуживают внимания и предлагаемые консультационные процедуры с Советом Федерации по вопросам назначения и освобождения от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти, которые занимаются вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности согласно п. «д¹» ст. 83. Что понимается под такими консультационными процедурами, в чем они выражаются, к сожалению, из текста предлагаемых изменений либо сопроводительных документов к ним не ясно.

4. Поправка 7 содержит предложение п. «к», согласно которому ст. 83 Конституции РФ должна быть дополнена п. «ж¹», расширяющим полномочия Президента РФ в части формирования Государственного Совета РФ в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства.

Напомним, что с момента подписания Конституции РФ это уже третья поправка в ст. 83. Первые две касались изменения редакции п. «е» и добавления п. «е.1», которыми был изменен механизм назначения судей Конституционного и Верховного судов РФ, а также Генерального прокурора РФ, его заместителей, прокуроров субъектов и иных

прокуроров, кроме прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров [12]. Третья поправка включила в ст. 83 п. «е.2» и наделила Президента РФ правом назначать и освобождать от должности представителей Российской Федерации в Совете Федерации [13].

Предложенная поправка также направлена на расширение полномочий Президента РФ и закрепляет за Государственным Советом РФ статус государственного органа. Этот совещательный орган был образован Президентом РФ в 2000 году в целях содействия реализации полномочий главы государства по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти [14]. Анализ положения о Государственном Совете РФ показывает, что на его заседаниях обсуждаются вопросы укрепления федерализма и государственного строительства, исследуются проблемы реализации действующего законодательства федерального, регионального и местного уровней власти, содействуют в преодолении разногласий между федеральными и региональными органами государственной власти.

В состав Государственного Совета РФ, помимо руководителей палат Федерального Собрания РФ, а также руководителей органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, входят полномочные представители Президента РФ. Правовой основой их функционирования выступает Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 [14]. К основным задачам полномочного представителя в округе относится организация работы по реализации органами государственной власти основных направлений внутренней и внешней политики, контролю за исполнением решений федеральных органов государственной власти, кадровой политики, обеспечению национальной безопасности и т. д.

В предложенной редакции, как представляется, может возникнуть ситуация

дублирования полномочий или, еще хуже, конфликта между конституционными органами государственной власти, так как аналогичными компетенциями наделено и Правительство РФ. К сожалению, ни в самих поправках, ни к сопроводительным документам к ним какой-либо информации, конкретизирующей компетенцию, принципы функционирования, критерии разграничения полномочий, а также порядок формирования Государственного Совета РФ как государственного органа, не отражается. Указывается лишь на то, что порядок его деятельности определяется федеральным законом. Причем ряд поправок предусматривает конституционное закрепление некоторых дополнительных цензов, которые предъявляются к отдельным должностным лицам: достижение определенного возраста, оседлости. При этом не совсем понятно, почему с точки зрения юридической техники нельзя было закрепить эти критерии на уровне федерального законодательства (за исключением требований к Президенту РФ).

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы отметить, что большинство из предложенных поправок объективно оправданы и обусловлены необходимостью перехода системы государственного управления на качественно новый уровень функционирования. Тем не менее, с точки зрения юридической техники, ряд новелл нуждается в конкретизации. Например, нуждается в уточнении расположение поправок по вопросам, закрепляющим соотношение минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума, пенсионного обеспечения. Аналогичные вопросы возникают и в отношении дополнений к ст. 79 Конституции РФ при коллизии решений государственных органов, принятых на основании положений международных договоров, если их истолкование противоречит Конституции РФ. Нуждаются в более развернутой характеристике и новые термины, предложенные

для включения в текст Конституции РФ, процедуры назначения на должности, полномочия вновь создаваемых органов,

а также целесообразность введения новых цензов, необходимых для назначения отдельных категорий должностных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Правительство России подало в отставку. URL: <https://meduza.io/live/2020/01/15/putin-predlozhit-perepisat-konstitutsiyu-pravitelstvo-rossii-podalo-v-otstavku-hronika> (дата обращения: 28.01.2020).
3. Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 885214-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7> (дата обращения: 28.01.2020).
4. О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации: федеральный закон от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 10. Ст. 1146.
5. О минимальном размере оплаты труда: федеральный закон от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 26. Ст. 2729.
6. Полюшкевич О. А. Солидарность поколений: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 180 с.
7. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/folder/13877> (дата обращения: 28.01.2020).
8. Гурвич Е. Распутать узлы пенсионных компонент. URL: <https://iq.hse.ru/news/177672846> (дата обращения: 28.01.2020).
9. О Конституционном Собрании: проект Федерального конституционного закона № 4800-3 (ред. от 08.09.2000) // СПС «КонсультантПлюс».
10. О проекте Федерального конституционного закона № 4800-3 «О Конституционном Собрании»: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 14 сентября 2012 г. № 778-6 ГД // Собрание законодательства РФ от 24 сентября 2012 г. № 39. Ст. 5226.
11. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П // Собрание законодательства РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.
12. О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации: закон РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 548.
13. О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: закон РФ о поправке к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4202.
14. О Государственном совете Российской Федерации: указ Президента РФ от 1 сентября 2000 г. № 1602 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 36. Ст. 3633.

© Ханахмедова Л. В.
© Стругова Е. В.

УДК 343.341(470)

А. Я. ГРИШКО, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России; профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа)

A. YA. GRISHKO, Professor of the Chair of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, professor (Ufa)

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИДЕРОВ ПРЕСТУПНОГО МИРА: ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ

CRIMINAL LIABILITY OF THE LEADERS OF THE UNDERWORLD: IMPLEMENTATION ISSUES

Аннотация. В данной статье затронуты правоприменительные проблемы реализации уголовной ответственности лидеров преступного мира. Автором обращено внимание на то, что на легитимном уровне отсутствует правовая регламентация дефиниции «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», что существенно образом осложняет работу правоохранительных и судебных органов. В связи с чем предложено в основу определения данной категории заложить признаки, характеризующие «воров в законе» как высшую касту «профессиональных преступников-лидеров», и по аналогии с Законом республики Грузия от 20.12.2005 «Об организованной преступности и рэкете» в примечаниях к ст.ст. 210, 2101 УК РФ определить стратификационные категории лиц, занимающих ведущее место в преступной иерархии.

Ключевые слова и словосочетания: преступное сообщество, противодействие организованной преступности, лидеры преступного мира, «воры в законе», «воровской мир», «смотрящие», «положенцы».

Annotation. This article touches upon the law enforcement problems of the realization of the criminal responsibility of the criminal world leaders. The author draws attention to the fact that at the legitimate level there is no legal regulation of the definition of a «person holding the highest position in the criminal hierarchy», which significantly complicates the work of law enforcement and judicial authorities, and, therefore, proposes to provide the definition of this category with the features characterizing «thieves in law», as the highest caste of «professional criminal leaders», and, by analogy with the Law of the Republic of Georgia of December 20, 2005 «On Organized Crime and Raket», to determine the stratification categories of persons occupying a leading place in the criminal hierarchy in the notes to Art. Art. 210, 2101 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords and phrases: criminal community, countering organized crime, leaders of the underworld, «thieves in law», «thieves' world», «watchers», «polozhentsy».

Показатели, характеризующие состояние дел в сфере противодействия организованной преступности, свидетельствуют, что данная тема должна быть актуальной. Количество преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами, в последние годы характеризуется отрицательной динамикой. По данным авторского исследования оно составило: в 2016 г. – 12,6 тыс.; 2017 г. – 13,2 тыс.; 2018 г. – 15,6 тыс. В 2018 г. выросло количество участников данных организованных преступных формирований с 9 286 по 9 722. В целом имеет место отрицательная динамика в количестве лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ. В 2017 г. оно составило 488, в 2018 г. – 591.

Приведенные показатели обусловили принятие соответствующих мер по усилению противодействия организации преступных сообществ (преступных организаций) и участию в них, среди которых основополагающее место заняли меры уголовно-правового характера. Речь идет прежде всего о совершенствовании норм ст. 210 УК РФ, предусматривающих ответственность лиц, которые сами преступления не совершают, но организуют их исполнение. Приведенная динамика увеличения их количества обуславливает необходимость совершенствования и уголовно-правовых средств противодействия данной категории преступников. Это привело в декабре 2009 г. к выделению в ст. 210 УК РФ особенного субъекта преступления – как лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (ч. 4). Указанная норма установила ответственность за совершение деяний, указанных в чч. 1, 11 ст. 210 УК РФ.

Санкции данных статей отличаются достаточной жесткостью. Часть 11 ст. 210 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 12 до 20 лет со штрафом в размере до 5 миллионов рублей, заработной платы

или иного дохода осужденного за период до 5 лет либо без такового и с ограничением свободы от одного года до двух лет или пожизненное лишение свободы. Предшествующая часть названной статьи предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы до 20 лет.

Вопросы совершенствования уголовно-правовых норм в данной сфере имеют место не только относительно деяний, совершаемых указанными лицами, но и за сам факт занятия такого места в преступной иерархии. В апреле 2019 года по инициативе Президента РФ была установлена уголовная ответственность за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ).

Однако не может не вызвать озабоченность относительно перспектив применения данной статьи. Дело в том, что такие понятия, как «преступная иерархия», «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», на законодательном или каком-либо другом нормативном правовом уровне не раскрыты, не определены категории лиц, которые могут быть субъектами данного преступления. Соответственно, это обуславливает субъективный оценочный подход определения лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Практика свидетельствует, что, боясь квалифицированного оппонирования по данному вопросу со стороны адвокатского сообщества, вышестоящих правоохранительных и судебных органов, следователи и судьи избегают привлечения к ответственности лидеров преступного мира по данным статьям. Подтверждением этому служит более чем девятилетнее существование ч. 4 ст. 210 УК РФ и единственный случай вынесения по ней приговора.

В качестве косвенного доказательства выступает законодательная практика Грузии. Раскрытие содержания понятий основных категорий лидеров преступного мира в Законе от 20 декабря 2005 г. «Об организованной преступно-

сти и рэкрете» и введение уголовной ответственности так называемым «ворам в законе» (члены «воровского мира», которые в соответствии со специальными правилами «воровского мира» в любой форме управляют и/или организуют «воровской мир» или определенную группу лиц) и за принадлежность к «воровскому миру» (любое объединение лиц, действующих в соответствии с установленными/признанными ими специальными правилами, чьей целью является извлечение выгоды для своих членов или для других лиц путем устрашения, угрозы, принуждения, условиями молчания, воровского разбора, вовлечения в преступные действия несовершеннолетних, совершения преступления или подстрекательства к совершению преступления) привели к тому, что, по мнению экспертов, в настоящее время рассматриваемая проблема в Грузии отсутствует. Зато в России среди указанной категории лиц, отбывающих лишение свободы, грузины преобладают. Среди осужденных их доля составляет 33 % (32 % – русские, 8 % – армяне, 5 % – азербайджанцы) [1, с. 544].

Ретроспективный анализ практики применения норм ст. 210 УК РФ также свидетельствует о важности такого определения понятий и их признаков в активизации привлечения лидеров преступного мира к уголовной ответственности. Первоначальная редакция ч. 1 указанной статьи, содержащая оценочные признаки преступного сообщества (преступной организации) – устойчивость и сплоченность, негативно сказывалась на следственной и судебной практике. В период разгула организованной преступности – в середине 90-х гг. XX в., случаи привлечения к уголовной ответственности составляли единичные случаи. И только совершенствование норм ст. 210 УК РФ, принятие постановлений Пленума Верховного Суда РФ, раскрывающих в том числе содержание понятий «устойчивость» и «сплоченность», привели к резкой ак-

тивизации правоохранительной практики в этой сфере. Количество преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ, регистрируемых в настоящее время, составляет около 250.

Приведенное позволяет обозначить пути активизации применения нормы ч. 4 ст. 210 УК РФ. Безусловно, речь идет о закреплении понятий «преступная иерархия» и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». Определяющим при этом является раскрытие второй дефиниции. С точки зрения криминологии, указанная тема не является новой. Она была и остается в поле зрения многих криминологов [1–3]. Представляется, что их наработки в рассматриваемой сфере и могут быть положены в основу решения указанной проблемы.

Среди названных лиц криминологи выделяют «воров в законе». «Это всегда опасный преступник, занимающий наивысшую ступень в иерархии среды правонарушителей и пользующийся наибольшим авторитетом среди них. «Воры в законе» являются своеобразными суперлидерами антисоциальных неформальных общностей и представляют собой модель или эталон криминализованной личности, в которой фокусируются основные ценности субкультуры преступника, а также социально-политические и нравственные черты, детерминирующие отчужденность человека от интересов общества и положительно ориентированных социальных групп», – пишет Ю. М. Антонян [3, с. 70–71].

«Воры в законе» отличаются особыми психологическими и юридическими свойствами: они решительны по своим действиям, имеют сильные волевые качества. Это позволяет им подчинять своей воле других участников организованных преступных формирований, оказывать на них свое воздействие. В их личности сконцентрированы все отрицательные свойства субкультуры преступного мира, профессиональных

преступников. «Воров в законе» также отличает своеобразный «юридический статус» и процедура коронования. По законам «воровского мира» наиболее значимые преступные деяния требуют одобрения «вора в законе» или их собрания – «воровской сходки».

В аспекте рассматриваемой проблематики необходимо отметить, что к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, наряду с «ворами в законе», следует отнести и другие категории преступной «элиты». В первую очередь речь идет о «положенцах» – лицах, имеющих право принимать решение в отсутствие «вора в законе», и «смотрящих» – лицах, наделенных правом принимать решения по определенному направлению или в сфере деятельности [4, с. 176].

Указанные понятия активно используются в практике органов внутренних дел, учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Представляется, что указанные понятия должны быть закреплены на законодательном уровне. Перечень таких лиц не может быть исчерпывающим. Если правоохранительный орган или суд придет к заключению, что определенное лицо не является ни одним из перечисленных выше, но, по их мнению, относится к категории, занимающих высшее положение в преступной иерархии, они должны привлечь его к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 УК РФ или ст. 2101 УК РФ. В целях придания указанным понятиям законодательной силы, наряду с понятием «преступная иерархия», они могут быть закреплены в качестве примечания к одной из указанных статей уголовного закона.

Следует заметить, что в деле активизации уголовно-правовых норм об ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, свое место определяет также и уголовно-процессуальное законодательство. Объективная сторона преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210, ст. 2101

УК РФ, характеризуется тем, что деяние выступает в форме бездействия, в связи с чем особенности доказательства принадлежности лица к преступной иерархии не могут не иметь своих особенностей в их сборе.

В основе таких доказательств значительная роль должна быть отведена материалам, полученным в ходе оперативно-разыскной деятельности. Так, например, криминальный статус того или иного лица наиболее успешно может быть установлен в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности, результаты которой после их рассекретивания, приобщения к материалам уголовного дела и процессуального исследования будут являться доказательством его наличия. В этих целях требуется иная редакция УПК РФ, регламентирующая вопросы собирания доказательств.

Говоря о средствах активизации приведенных норм, нельзя не отметить позицию, занимающую отдельными авторами относительно правомерности установления уголовной ответственности за «звание» «вор в законе», а не за совершение таким лицом преступного деяния. «Сам по себе факт занятия высшего положения в преступной иерархии не может быть основанием уголовной ответственности, поскольку является не деянием, а характеристикой личности. Это определение состояния, но не акт человеческого поведения» – пишет А. В. Иванчин [5, с. 160]. Такую же позицию занимают другие авторы [2, с. 34–35; 6, с. 531–532].

Трудно разделить такую точку зрения. По убеждению автора, в данном случае имеет место деяние в форме бездействия, которое заключается в особом состоянии лица. Последнее имеет возможность выйти из категории «воров в законе» и тем самым перестать оказывать свое влияние на активизацию преступного мира, формирование криминальной субкультуры. «Именно создание реальной возможности причинения большого вреда, обусловленное повышенной

общественной опасностью лидера преступного сообщества, и является основанием для уголовной ответственности за занятие такого положения. Лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, в известной степени являются хранителями преступных традиций, благодаря им преступная деятельность получает устойчивость», – отмечает В. Ф. Щепельков [7, с. 83].

Данное заключение подтверждается и решением Европейского суда по правам человека по делу «Ашларба против Грузии». Осужденный, приговоренный к 7 годам лишения свободы за принадлежность к «воровскому миру» (ч. 1 ст. 223 УК Грузии), в своей жалобе указывает, что норма ч. 1 ст. 223 УК Грузии является недостаточно точной или предсказуемой, и он не мог определить для себя, какие конкретно деяния образуют данный состав преступления. Европейский суд в своем постановлении отметил, что приведенные дефиниции глубоко укоренились в обществе и понятия «воровской мир», «вор в законе» широко известны и хорошо принимаются всеми его членами. Также Закон «О борьбе с организованной преступностью и рэкетом» подробно раскрывает данные определения и тем самым информирует любого человека обо всех элементах, составляющих данный состав преступления. Соответственно, при необходимости осужденный сам или с помощью адвоката мог предвидеть, что его действия будут влечь уголовную ответственность по ч. 1 ст. 233 УК Грузии. По делу не было допущено нарушений требований Конвенции о правах человека [8].

Решение указанных вопросов, безусловно, будет способствовать активизации правоохранительной и судебной практики в сфере противодействия лидерам преступного мира, а то, что необходимость в этом есть, свидетельствуют минимальная практика привлечения их к уголовной ответственности и в то же время значительное количество указанных лиц, состоящих

на оперативном учете органов внутренних дел. Данные авторского исследования показали, что число таких лиц составляет более 200 человек, в местах же лишения свободы отбывают наказание всего около 90 человек.

Имеющие место сомнения относительно целесообразности законодательного закрепления приведенных стратификационных категорий лиц, занимающих ведущее место в преступной иерархии, не имеют под собой оснований. Представляется, что они не обоснованы: ведь законодатель признал наличие преступной иерархии, а она, естественно, должна иметь свою структуру. Поэтому законодательное закрепление и определение понятий, характеризующих лидеров преступного мира, только будет способствовать активизации правоприменительной и судебной практики в сфере противодействия организации преступных сообществ (преступных организаций).

Высокая степень влияния так называемых «воров в законе» на тюремную субкультуру, на лиц, отбывающих наказание, обуславливают необходимость усиления дифференциации и индивидуализации назначения исполнения наказания в виде лишения свободы [9, с. 97].

Исходя из значительного воздействия осужденных определенных категорий на других лиц, отбывающих наказание, из особого характера преступлений, совершенных ими, законодатель усилил степень их изоляции. Согласно ч. 21 ст. 58 УК РФ отбывание части срока наказания мужчинам, осужденным за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205¹, 205³, ч. 1 ст. 205⁴, ст. 205⁵, чч. 2–4 ст. 206, ст. 208, чч. 2–4 ст. 211, ст.ст. 277–279, 281, 317, 361 УК РФ, назначается в тюрьме.

Представляется, что данную норму следует распространить и на лиц, совершивших преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 210 УК РФ. Тем более что по степени тяжести оно является более

тяжким, чем отдельные из приведенных преступлений. Следует заметить, что при определении места отбывания наказания в виде лишения свободы законодатель, в основном, не отделяет осужденных за данное преступление от других осужденных за иные преступле-

ния. Лица, осужденные в том числе за указанные преступления, направляются для отбывания наказания в соответствующее исправительное учреждение, расположенное в местах, определяемых ФСИН России (ч. 4 ст. 73 УИК РФ).

ЛИТЕРАТУРА

1. Разинкин В., Тарабрин А. Цветная масть – элита преступного мира. М., 1998. 198 с.
2. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон. Уголовная политика. СПб., 2004. 339 с.
3. Многократный рецидив преступлений: монография / под ред. Ю. М. Антонына. Рязань, 2009. 367 с.
4. Кутякин С. А. Организация противодействия криминальной организации в уголовно-исполнительной системе России: монография. Рязань, 2012. 96 с.
5. Иванчин А. В. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 2101 УК РФ) – пример необоснованной криминализации // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 г.) / под общ. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2019. С. 159–161.
6. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. М., 2014. Ч. 1. 752 с.
7. Щепельков В. Ф. Высшее положение в преступной иерархии как основание уголовной ответственности. Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 г.) / под общ. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2019. С. 81–85.
8. Дело «Ашларба против Грузии» (жалоба № 554/08): постановление Европейского суда по правам человека от 15 июля 2014 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2014. № 11.
9. Золторов Д. А. К вопросу о противодействии экстремизму в учреждениях ФСИН // Преступление, наказание, исправление: сборник тезисов, выступлений и докладов участников III Международного пенитенциарного форума (г. Рязань, 21–23 ноября 2017 г.): в 8 т. Рязань, 2017. Т. 7. С. 95–99.

© Гришко А. Я.

УДК 343.631(470)

А. А. ДЖАФАРОВА, преподаватель
кафедры профессиональной подготовки
Уфимского юридического института
МВД России (г. Уфа)

A. A. JAFAROVA, lecturer of the Chair of
Professional Training of Ufa Law Institute of
the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА КЛЕВЕТУ

PROBLEMS OF SENTENCING FOR LIBEL

Аннотация. В настоящей статье проведен сравнительный анализ двух редакций УК РФ, рассматриваются вопросы, связанные с законодательной регламентацией санкций, предусматривающих уголовную ответственность за клевету, а также проблемные вопросы, связанные с назначением наказания, предельных размеров наказания в виде штрафа в санкциях статьи о клевете. В статье на основе теоретико-прикладного анализа высказывается мнение о необходимости совершенствования редакции ст. 1281 УК РФ «Клевета» и расширению альтернативных наказаний в пределах санкций ст. 1281 УК РФ, через возвращение к возможности применения исправительных работ. Цель статьи – изучить имеющуюся научную литературу и правоприменительную практику по данному вопросу и предложить возможные варианты решения указанных правоприменительных проблем, а также расширить санкции за клевету.

Ключевые слова и словосочетания: клевета, наказание, санкция, исправительные работы, обязательные работы, штраф.

Annotation. This article provides a comparative analysis of the two revisions of the Criminal Code of the Russian Federation, discusses issues related to the legislative regulation of sanctions that criminalize libel, as well as problematic issues related to sentencing, penalties in the form of a fine in the sanctions of the article on defamation. Based on theoretical and applied analysis, the article expresses an opinion on the need to improve the editorial staff of Art. 1281 of the Criminal Code of the Russian Federation («Libel») and the expansion of alternative sentences within the sanctions of Article 1281 of the Criminal Code of the Russian Federation, through a return to the possibility of corrective labor. The purpose of the article is to study the available scientific literature and law enforcement practice on this issue and suggest possible solutions to these law enforcement problems, as well as expand sanctions for defamation.

Keywords and phrases: libel, punishment, sanction, correctional work, compulsory work, fine.

В настоящее время отечественный законодатель ищет наиболее оптимальные пути установления уголовной ответственности за те или иные деяния. Многие нормы уголовного закона в связи с этим претерпевают серьезные изменения, затрагивающие как диспозиции, так и санкции статей Особенной части УК РФ. Не стала исключением и норма о клевете, которая за сравнительно непродолжительный период време-

ни сначала была исключена из текста УК РФ, а позднее вновь криминализована. По этому вопросу справедливо отметили В. Б. Поезжалов и Т. В. Николаева: «При этом законодателем был полностью сохранен основной состав (клеветы – авт.), а изменения коснулисьотягчающих обстоятельств и санкций» [1, с. 145].

В санкции ч. 1 утратившей силу ст. 129 УК РФ предусматривалось альтернативное наказание: либо штраф до

восьмидесяти тысяч рублей в размере заработной платы или иных доходов осужденного за время до шести месяцев, либо обязательные работы от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительные работы до одного года, либо ограничение свободы на тот же срок. Квалифицированная клевета (ч. 2 ст. 129 УК РФ) влекла за собой ответственность в виде штрафа до ста двадцати тысяч рублей в размере заработной платы или иных доходов осужденного за время до одного года либо обязательные работы от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительные работы до двух лет, либо ограничение свободы на такой же срок, либо арест на срок до полугода. Деяние, предусмотренное ч. 3 ст. 129 УК РФ, было отнесено законодателем к числу преступлений средней тяжести, поскольку санкция предусматривала возможность применения, наряду со штрафом, ограничением свободы и арестом, наказания в виде лишения свободы сроком до трех лет.

В современной редакции ст. 1281 УК РФ «Клевета» санкции статьи предусматривают альтернативно только два наказания: штраф или обязательные работы. Их размеры варьируются в пределах до пятисот тысяч рублей штрафа и до ста шестидесяти часов обязательных работ в ч. 1, затем до пяти миллионов рублей и до четырехсот восьмидесяти часов в ч. 5. Возникает проблема соответствия указанных видов наказаний, назначаемых в рассматриваемых пределах, принципам уголовной ответственности и наказания. По мнению В. Н. Кудрявцева, «оптимальные пределы санкций иначе как умозрительным путем определить не удастся» [2, с. 5]. С этим связана целесообразность наших суждений по поводу того, как законодатель формулирует виды наказаний за клевету в обозначенных ранее пределах.

Правоприменитель обладает возможностями, ограниченными лишь верхними пределами санкции, а нижние

пределы в применении к основному и квалифицированным составам совпадают: пять тысяч рублей в виде штрафа и шестьдесят часов обязательных работ. Таким образом, с одной стороны, наблюдается «разброс», а с другой – «перехлест» наказаний, и это сложно объяснить с рациональной точки зрения. При сопоставлении в рассматриваемом нами вопросе санкции ст.ст. 129 и 1281 УК РФ легко заметить, что изменение в подходах к определению размеров возможных наказаний за клевету определяется желанием законодателя «качать рублем за ложь». Верхний предел наказания в виде штрафа в ч. 1 ст. 1281 УК РФ вырос более чем в шесть раз по сравнению с санкцией ст. 129 УК РФ.

Необходимо заметить, что в ситуации с особо квалифицированной клеветой, когда она соединяется с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, верхний предел санкции возрос почти в семнадцать раз. В то же время возможность выбора наказаний у суда в соответствии с современной редакцией статьи о клевете весьма скудная. Законодатель в применении к конструкции, отмененной ст. 129 УК РФ, максимально использовал возможности альтернативных наказаний: штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, а в случае особо квалифицированной клеветы – арест и лишение свободы на определенный срок.

Многие авторы отмечают, что санкции действующей редакции статьи о клевете предполагают более широкие возможности для ее произвольного применения с целью преследования за критику, так как санкция в виде штрафа до пяти миллионов рублей по факту является более строгой [3, с. 1072], несмотря на формальное смягчение наказания за клевету. Раньше в случае привлечения к уголовной ответственности за клевету, особенно впервые, обвиняемый мог рассчитывать на условное наказание. В настоящее же время по ч. 5 ст. 1281 УК РФ

ему может быть назначен максимальный размер штрафа, предусмотренный ч. 1 ст. 46 УК РФ. При этом сохраняются и все иные правовые последствия назначаемого наказания.

Действующая редакция санкций статьи о клевете состоит из двух видов наказаний, относящихся, по мнению законодателя, к числу наименее строгих, так как находятся в самом верху «лестницы наказаний», предусмотренной ст. 44 УК РФ. Если исходить из пределов, имевшихся в распоряжении ст. 129 УК РФ, то штраф, действительно, выступал в качестве наименее строгого наказания. Сейчас, сравнивая современные размеры штрафа с наказаниями, связанными с выполнением определенных работ, в частности, исправительными работами и обязательными работами, можно прийти к выводу о том, что штраф является наиболее строгим видом наказания. Т. В. Непомнящая по этому поводу замечает, что «несложные арифметические расчеты денежных взысканий в виде штрафа и в виде удержаний в доход государства от 5 до 20 % при назначении исправительных работ за аналогичное преступление показывают, что штраф будет более строгим видом наказания, чем исправительные работы, так как суммы взыскания будут значительно выше при назначении штрафа» [4, с. 165].

Необходимо помнить о том, что все виды наказаний являются составляющими одной системы, и должен соблюдаться баланс их соотношений. В частности, штраф должно быть таким, чтобы его размер был посильным для осужденного и была реальная возможность его взимать. Иначе уголовное наказание в виде штрафа утрачивает свое значение [5, с. 186]. Предусмотренное в санкции статьи наказание должно находиться в пределах тяжести, которая определяется уголовным законом для той или иной категории преступлений. При этом следует поддерживать мнение ученых, предлагающих вернуться к прежней редакции ст. 46 УК РФ,

в которой предусматривалось, что штраф, превышающий определенные размеры, назначается лишь за совершение тяжких и особо тяжких преступлений [6, с. 42]. Справедливость этой идеи обоснована тем, что в противном случае наказание, назначенное за меньшее по тяжести преступление, будет (точнее сказать, может быть) гораздо строже.

Исходя из вышесказанного, представляется целесообразным изменить современный подход к определению предельности наказания в виде штрафа и внести соответствующие изменения в ст. 46 УК РФ с указанием: «Штраф в размере от пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период свыше трех лет может назначаться только за тяжкие и особо тяжкие преступления в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса». Такое положение позволит привести к единому значению размеры санкций за сопоставимые по степени общественной опасности действия и сохранит системность уголовно-правовых предписаний.

Таким образом, существующее состояние штрафа в качестве вида наказания необходимо пересмотреть применительно к преступлениям небольшой или средней тяжести и к санкциям ст. 1281 УК РФ. Предполагается, что если исходить из предлагаемого нами подхода, то предельные размеры наказания в виде штрафа в санкциях статьи о клевете нужно будет пересмотреть в сторону их значительного смягчения.

На обоснованность такого подхода указывает и современная практика правоприменения, которая складывается применительно к назначению наказания в виде штрафа за клевету. Например, по приговору мирового судьи судебного участка № 53 Вяземского района Хабаровского края Овчинникова была приговорена к наказанию в виде штрафа в размере пяти тысяч рублей за то, что

в присутствии нескольких лиц высказала в адрес потерпевшей заведомо ложные сведения, порочащие ее честь и достоинство, утверждая, что она должным образом не занимается воспитанием своей малолетней дочери, проводит время дома в кругу посторонних мужчин, ведет разгульный образ жизни [7].

По другому делу М. Ф. Муравьева была признана виновной в некалвалифицированной клевете, так как ходила по кабинетам предприятия, где работала главным бухгалтером, и распространяла заведомо ложные сведения о своем руководителе, утверждая, что «она лично уличила его в воровстве средств акционерного общества». Приговором мирового судьи судебного участка № 3 Саровского судебного района М. Ф. Муравьева была осуждена к штрафу в размере пяти тысяч рублей [8].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что правоприменитель, определяя меру ответственности за простую клевету, ориентируется на минимальные пределы санкции статьи и назначает наказание в виде штрафа, как правило, в пределах пяти тысяч рублей икратно этой сумме (10 000, 15 000, 20 000). К примеру, В. А. Маковьяк была приговорена судом к штрафу в размере десяти тысяч рублей за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство А. И. Ничипоренко, а именно за указание в обращении к его руководству на то, что он в течение двух недель употребляет спиртное, дает пиво малолетнему ребенку своей супруги, зарегистрировал брак с ее дочерью по подложным документам, применяет насилие в отношении несовершеннолетнего ребенка, был задержан сотрудниками ГИБДД за употребление спиртных напитков, при устройстве на работу скрыл сведения о наличии судимости [9].

За редким исключением в процессе изучения материалов судебной практики мы находим примеры назначения «иногo» размера штрафа (максималь-

но – двадцать тысяч рублей [10]). Правоприменительная практика тоже не ориентируется на верхние и даже средние величины штрафа, предусмотренные в санкциях всех пяти частей ст. 1281 УК РФ. Эти пределы излишне велики, поэтому не избираются судами для достижения целей наказания за клевету.

Все вышесказанное является основанием для необходимости пересмотра пределов наказаний в виде штрафа. По нашему мнению, максимальные пределы назначенного наказания могут варьироваться от ста до пятисот тысяч рублей: по ч. 1 – до ста тысяч рублей; по ч. 2 – до двухсот тысяч рублей; по ч. 3 – до трехсот тысяч рублей; по ч. 4 – до четырехсот тысяч рублей; по ч. 5 – до пятисот тысяч рублей. Кроме того, в санкции ч. 5 ст. 1281 УК РФ следует предусмотреть нижний предел штрафа в сто тысяч рублей, так как отсутствие нижнего предела в этом случае путает правоприменителя и делает «вилку» наказания в виде штрафа слишком «размытой». Также необходимо учесть, что наличие конкретно определенного нижнего предела штрафа в этом случае будет являться средством не только дифференциации, но и индивидуализации уголовной ответственности за наиболее опасную особо квалифицированную клевету.

Обязательные работы в санкциях ст. 1281 УК РФ выступают в качестве альтернативного наказания, которое, по сути, является более строгим по сравнению со штрафом, если исходить из «лестницы наказаний», предусмотренной ст. 44 УК РФ. Поэтому судьи, как бы исправляя недочеты законодателя в конструировании санкций статьи о клевете, используют обязательные работы обычно в случаях назначения наказания за квалифицированную клевету. Такое обстоятельство имело место в 100 % случаев изученных нами материалов вынесенных обвинительных приговоров по делам о клевете. Штрафные санкции, которые предусмотрены в чч. 4–5 ст. 1281

УК РФ, к лицам, совершившим виновные деяния, не применялись. Например, наказание в виде 120 часов обязательных работ было назначено З. Землюкову по ч. 4 ст. 1281 УК РФ за распространение в социальной сети «Одноклассники» информации о потерпевшей о том, что она «ВИЧ-инфицирована», т. е. представляет опасность для окружающих [11].

Более суровое наказание было применено судом по отношению к А. М. Башлыкову, разместившему статью без названия в группе «Самые ужасные дороги Верхнекамского района» в социальной сети «Одноклассники» с заведомо ложной информацией о том, что на территории Верхнекамского района Кировской области незаконно открываются, работают и выдают денежные средства населению микрокредитные организации, которыми руководят и осуществляют мошеннические действия прокурор Верхнекамского района Кировской области и начальник ОМВД России по Верхнекамскому району, тем самым обвинив указанных лиц в совершении мошенничества, совершенного с использованием своего служебного положения (данное преступное деяние относится к числу тяжких). Приговором Верхнекамского районного суда Кировской области А. М. Башлыков по данному факту был приговорен по ч. 5 ст. 1281 УК РФ к 300 часам обязательных работ [12].

Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» определяет, что штраф как вид наказания и его размер «определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления, имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода (ч. 3 ст. 46 УК РФ). В этих целях следует выяснять наличие или отсутствие места работы у осужденного, размер его зара-

ботной платы или иного дохода, возможность трудоустройства, наличие имущества, иждивенцев и т. п.». В соответствии с п. 14 указанного постановления суд, учитывая, что наказание в виде обязательных работ предполагает привлечение осужденного к труду, должен выяснить трудоспособность виновного, наличие или отсутствие у него основного места работы, места постоянного жительства, а также другие обстоятельства, свидетельствующие о возможности исполнения указанного вида наказания [13].

Несмотря на вышеуказанные рекомендации, суды не всегда одинаково применяют положения о штрафе и обязательных работах. Например, по делу Хусаеновой мировой судья судебного участка по Куяргазинскому району Республики Башкортостан назначил наказание в виде 60 часов обязательных работ на основании того, что ее личные доходы и доход семьи в целом складываются из ее пенсии и пенсии мужа, следовательно, наказание в виде штрафа было бы для нее строже, чем обязательные работы [14].

По делу Т. Т. Плат мировой судья, наоборот, учитывая в качестве смягчающего обстоятельства пенсионный возраст виновной, назначил наказание в виде штрафа в размере семи тысяч рублей, поскольку оно будет способствовать исправлению подсудимой и не повлияет на условия ее жизни [15].

Заметим, что в обоих случаях судьи не рассматривали вопрос наличия или отсутствия возможностей к труду у виновных в клевете пенсионеров. Необходимо также отметить, что по делу Хусаеновой был сделан вывод о доходе семьи – это ее пенсия и пенсия мужа. В соответствии с ч. 1 ст. 49 УК РФ «обязательные работы заключаются в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно-полезных работ». У неработающего пенсионера нет основной работы, и он, как правило, уже нигде

не обучается. Таким образом, назначенное наказание противоречит правилам, заложенным в тексте уголовного закона, и требованиям, предъявляемым высшей судебной инстанцией в названном выше постановлении. По нашему мнению, выбор обязательных работ в этой ситуации был обусловлен ограниченностью возможностей наказаний за рассматриваемое деяние, а также тем, что наказание в виде общественных работ будет более «справедливым» (посильным) для пенсионера. По факту правоприменитель приходит к выводу о том, что штраф для пенсионеров представляет собой намного более строгое наказание, чем обязательные работы.

Справедливость санкции статьи уголовного закона является необходимым условием успешного выполнения уголовным правом поставленных перед ним задач. Следовательно, в целях назначения справедливого наказания и индивидуализации ответственности требуется увеличить количество альтернативных наказаний в пределах санкций ст. 1281 УК РФ через возвращение к возможности применения исправительных работ. Это подтверждают результаты проведенного нами социологического опроса. 75 % опрошенных видят необходимость в увеличении количества альтернативных наказаний в санкциях ст. 1281 УК РФ. При этом 80 % отмечают неэффективность «завышенных» пределов наказаний в виде штрафа применительно к клевете.

Необходимость введения наказания в виде исправительных работ за клевету согласуется и с зарубежным опытом регламентации уголовной ответственности за аналогичные преступные деяния. В частности, во всех странах СНГ, где сохраняется уголовная ответственность за клевету (Азербайджан, Армения, Республика Беларусь, Казахстан, Узбекистан), исправительные работы используются законодателем в качестве альтернативы штрафу. Наказание в виде исправительных работ

мы предлагаем варьировать в следующих пределах: по ч. 1 – до шести месяцев; по ч. 2 – до одного года, по ч. 3 – до полутора лет; по ч. 4 – до двух лет.

Расширение санкций за клевету через наказание в виде исправительных работ, безусловно, сталкивается с необходимостью определения и сравнения материальных ограничений данного и уже имеющихся в санкции наказаний. В первую очередь речь идет о соотношении штрафа и исправительных работ.

Если исходить из предлагаемых нами размеров санкции ст. 1281 УК РФ, нужно соотнести предлагаемый нами предел наказания в виде штрафа от пяти до ста тысяч рублей и исправительные работы на срок от двух до шести месяцев с удержанием из заработной платы в доход государства от 5 до 20 %. Если же мы исходим из максимальных пределов наказания в виде исправительных работ (применительно к нашим расчетам), то при зарплате осужденного к исправительным работам лица в сорок тысяч рублей в месяц удержания составят восемь тысяч рублей в месяц (20 % от сорока тысяч рублей) \times 6 мес. = сорок восемь тысяч рублей. Указанная сумма в два раза меньше максимального предела наказания в виде штрафа, и возникает впечатление, что назначаемое наказание в виде исправительных работ будет заведомо менее строгим, чем названный вид наказания.

Исследование санкций статей Особенной части УК РФ позволяет утверждать, что по общему правилу такое положение недопустимо. Тем не менее встречаются и такие санкции, где используется аналогичный рассмотренному нами подход. Так, в санкции ч. 1 ст. 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав» максимальные размеры штрафа и исправительных работ в два раза превышают обозначенные применительно к предложенным нами пределам и составляют, соответственно, двести тысяч рублей и один год исправительных работ.

В основе наших предложений по расширению альтернативных наказаний применительно к клевете лежат не только материальные пределы ответственности, но и стремление добиться «реальной альтернативности». Согласно современному законодательству, если виновный не в состоянии заплатить штраф, ему следует назначить наказание в виде обязательных работ, которые, как указано в ч. 1 ст. 49 УК РФ, могут отбываться только в свободное от учебы или работы время, иначе виновный, не имея таковых, не может быть подвергнут такому виду наказания. В этом случае исправительные работы, которые в соответствии с ч. 1 ст. 50 УК РФ могут назначаться и тому, у кого нет основного места работы, становятся реальным альтернативным звеном в цепи назначаемых за клевету наказаний. Необходимо также отметить, что привлечение к труду создает условия для результативного исправительного воздействия, что свидетельствует о возможности достижения целей наказания.

Таким образом, считаем целесообразным применять в случае особо квалифицированной клеветы, соединенной с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 1281 УК РФ, наказание в виде лишения свободы на определенный срок.

Следует отметить, что на необходимость использования в качестве наказания за клевету лишения свободы (тюремное заключение) указывает опыт уголовного законодательства стран Западной и Восточной Европы. Уголовное законодательство указанных государств фактически применяет альтернативой штрафным санкциям за клевету именно лишение свободы или краткосрочное тюремное заключение. Исходя из вышеизложенного, предлагается:

1) внести изменения в ст. 46 УК РФ, предусмотрев сумму штрафа в пятьсот тысяч рублей как предельную для преступлений небольшой и средней тяжести;

2) пересмотреть пределы штрафа в санкциях ст. 1281 УК РФ в сторону их значительного уменьшения, сохранив при этом размер наказания в виде обязательных работ;

3) расширить санкции ст. 1281 УК РФ за счет включения в качестве альтернативных штрафу и обязательным работам наказаний в виде исправительных работ и ограничения свободы, а применительно к ч. 5 ст. 1281 УК РФ – еще и в виде лишения свободы на определенный срок и принудительных работ; в санкции ч. 3 ст. 1281 УК РФ предусмотреть дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поезжалов В. Б., Николаева Т. В. Спорные вопросы конструирования в уголовном законе квалифицирующих признаков клеветы (чч. 2–5 ст. 1281 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 145–148.
2. Уголовное право в борьбе с преступностью / под ред. В. М. Когана, Н. С. Малеина, А. М. Яковлева. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1981. 157 с.
3. Безруков А. В., Кондрашев А. А. Российские конституционно-политические реформы 2012–2013 годов: реализация в законодательстве и перспективы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1067–1076.
4. Непомнящая Т. В. Система наказаний: истоки, реалии, перспективы совершенствования // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права. М., 2011. С. 213–216.

5. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / под ред. В. М. Лебедева. М., 2005. 919 с.
6. Долотов Р. О. Взаимосвязь между штрафом и лишением свободы в российской системе уголовных наказаний // Адвокат. 2015. № 8. С. 39–51.
7. Приговор мирового судьи судебного участка № 53 Вяземского района Хабаровского края от 27 октября 2015 г. Дело № 1-3/2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-53-vyazemskogo-raiona-xabarovskogo-kraya-s/act-224485893/> (дата обращения: 17.05.2019).
8. Приговор мирового судьи судебного участка № 3 Саровского судебного района от 17 августа 2015 г. Дело № 1-4/2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-3-g-sarov-nizhegorodskoj-oblasti-s/act-225756488/> (дата обращения: 27.06.2019).
9. Приговор мирового судьи судебного участка № 4 судебного района г. Новый Уренгой Ямало-Ненецкого автономного округа от 22 января 2016 г. Дело № 1-3(4)/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-4-g-novyyj-urengoj-s/act-229768842/> (дата обращения: 17.05.2019).
10. Приговор мирового судьи судебного участка № 4 Кировского района г. Махачкалы от 11 сентября 2015 г. Дело № 1-18/2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-4-kirovskogo-raiona-g-machachkaly-s/act-225203772/> (дата обращения: 27.06.2019).
11. Приговор мирового судьи судебного участка № 1 Пролетарского судебного района Ростовской области от 5 мая 2016 г. Дело № 1-16/. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-1-proletarskogo-raiona-rostovskoj-oblasti-s/act-229675553/> (дата обращения: 17.05.2019).
12. Приговор Верхнекамского районного суда Кировской области от 8 сентября 2015 г. Дело № 1-77/2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/pwJEESL86IH/> (дата обращения: 22.07.2019).
- 13 О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
14. Приговор мирового судьи судебного участка по Кююргазинскому району Республики Башкортостан от 12 мая 2016 г. Дело 1-27. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-po-kyuyurgazinskomu-rajonu-respubliki-bashkortostan-s/act-229677223/> (дата обращения: 22.07.2019).
15. Приговор мирового судьи судебного участка № 2 Алексеевского района и г. Алексеевка Белгородской области от 27 мая 2016 г. по делу Т. Т. Плат URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-2-mirovogo-sudi-alekseevskogo-raiona-i-g-alekseevka-belgorodskoj-oblasti-s/act-229491364/> (дата обращения: 05.06.2019).

© Джафарова А. А.

УДК 343.6:351.83(470)«1860/1917»

А. В. КУРСАЕВ, главный эксперт-специалист
Договорно-правового департамента МВД России,
кандидат юридических наук (г. Москва)

A. V. KURSAEV, chief expert-specialist of the
Contract and legal Department of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Moscow)

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕСОБЛЮЖДЕНИЕ БЕЗОПАСНЫХ УСЛОВИЙ ТРУДА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

CRIMINAL LIABILITY FOR NON-COMPLIANCE WITH SAFE WORKING CONDITIONS UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE

Аннотация. В представленной статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности за несоблюдение безопасных условий труда в пореформенной России (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). Анализируется фабрично-заводское законодательство Российской империи и тенденции его развития. Делается вывод о том, что универсальных норм по охране труда, распространяющих свое действие на все категории работников, в России сформировано не было. Автором прослеживается история развития законодательных актов Российской империи об ответственности за нарушение требований охраны труда в различных сферах и их трансформациях в советском уголовном законодательстве. Обращается внимание на изменение законодательных подходов к противодействию преступлениям против трудовых прав граждан и безопасности условий труда в Уголовном уложении 1903 года. Приводятся статистические данные о состоянии охраны труда.

Ключевые слова и словосочетания: уголовное право, безопасность условий труда, Российская империя, фабрично-заводское законодательство.

Annotation. The article deals with the issues of criminal liability for non-compliance with safe working conditions in post-reform (60s of the XIX century – 1917) Russia. The article analyzes the factory legislation of the Russian Empire and its development trends. It is concluded that there were no universal labor protection standards that apply to all categories of employees in Russia. The author traces the history of development of legislative acts of the Russian Empire on responsibility for violation of labor protection requirements in various fields and their transformations in the Soviet criminal legislation. Attention is drawn to the change in legislative approaches to countering crimes against the labor rights of citizens and the safety of working conditions in the Criminal code of 1903. Statistical data on the state of labor protection are provided.

Keywords and phrases: criminal law, safety of working conditions, the Russian Empire, factory and labor legislation.

Одним из основных научных методов познания окружающей действительности выступает сравнительный метод. При этом сравниваться могут не только действующие правовые системы (синхронное сравнение), но и институты права, существующие в прошлом, в сопоставительном анализе их возникновения и развития (диахронное сравнение). Как отмечает С. С. Остроумов, «решая акту-

альные проблемы современности, надо видеть изменяющийся, а не застывший мир, надо всесторонне изучать явления, в том числе и преступность в их закономерной исторической связи» [1, с. 5]. Данное положение является абсолютно правильным, так как многие социальные проблемы «наследуются» последующими поколениями, несмотря на смену общественно-государственного уклада и

социально-экономических условий. Поэтому изучение исторического развития права, его форм (источников) и отдельных институтов началось еще в Российской империи. Примером служат труды В. Д. Спасовича [2], В. И. Сергеевича [3], Г. С. Фельдштейна [4] и иных специалистов.

При характеристике фабрично-заводского законодательства Российской империи необходимо принимать во внимание, что Россия того исторического периода традиционно отличалась слабым развитием промышленного производства, что обуславливало и позднее появление соответствующего законодательства, регулирующего безопасность труда. Так, несмотря на то что первые крупные предприятия в России начали появляться при Петре I, принятые нормативные правовые акты того периода («Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму», «Положение о воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста») скорее регулировали полицейскую и финансовую сферу, чем отношения между работниками и работодателями, в том числе и в области создания безопасных условий труда.

Следует признать верным соотношение, при котором развитое фабрично-трудовое законодательство может появиться только вследствие массового промышленного развития. Для Российской империи было характерно запоздалое развитие фабрично-трудового законодательства, что напрямую было связано с задержкой в развитии промышленного переворота, начавшегося в 1830 г., который так и не был полностью завершен вплоть до упразднения империи. Поэтому и правотворчество в названной области первоначально находилось в зачаточном состоянии.

Так, Государственным советом лишь 24 мая 1835 г. было утверждено мнение

«Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими в оные по найму», которое хотя и распространялось только на Москву, Санкт-Петербург и прилежащие к этим городам местности, но могло быть применено также и другим губерниям. Однако дальше таких разъяснений и каких-либо проектов фабрично-трудового законодательства не продвинулось.

Первым по настоящему специальным законом в рассматриваемой области стал Закон от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», которым устанавливался запрет допуска к работам детей, не достигших 12-летнего возраста, а также к вредным и изнурительным по своему характеру работам детей до 15-летнего возраста. Законом также регламентировался режим служебного времени несовершеннолетних работников. Для надзора за его исполнением в местностях с развитой промышленностью был учрежден специальный орган – особая фабричная инспекция.

Впоследствии законодательство развивалось в сторону дальнейшего регулирования труда в промышленности. В частности, Законом от 3 июня 1885 г. «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» был упорядочен ночной труд женщин и детей, а 3 июня 1886 г. был принят первый правовой акт в области взаимоотношений в трудовой сфере – Закон «О надзоре за заведениями фабричной промышленности и взаимных отношений фабрикантов и рабочих».

Однако данные акты регулировали сферу труда фрагментарно. Как отмечает А. М. Куренной, «в России первые законодательные акты, регулирующие трудовые отношения, появились в конце XIX в., однако в то время вряд ли можно было говорить о появлении самостоятельной отрасли права. Государство пыталось как-то регулировать отдельные аспекты

отношений, связанных с трудом, эти попытки выходили из сферы частного регулирования, но это еще не было трудовым правом в его современном понимании» [5, с. 14]. Столь позднее регулирование, тем более еще на таком первоначальном, базисном уровне отношений в сфере охраны труда не могло не сказаться на количестве несчастных случаев в промышленности.

Так, по данным И. И. Шелымагина, только в горной промышленности в 1885–1889 гг. 1 069 погибших и 3 106 изувеченных (всего 4 175 чел.), в 1890–1894 гг. 1 545 погибших и 32 718 изувеченных (всего 34 263 чел.), в 1895–1899 гг. 2 313 погибших и 62 809 изувеченных (всего 65 122 чел.) [6, с. 136]. Сведения по другим отраслям промышленности фактически отсутствовали, так как статистическая информация имела не более чем по 17 % промышленных заведений. В дальнейшем количество несчастных случаев только росло и уже к 1912 г. составило только в промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекции, 98 467 случаев (45,8 на каждую тысячу рабочих) [7, с. 66–67].

Однако указанные данные, характеризующиеся общим количеством травм, еще не в полной мере иллюстрируют ту тяжелую ситуацию, которая сложилась в области охраны труда. В качестве яркого примера можно привести следующие данные: количество раненых в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. составило 13,5 % от численности русской армии. Во франко-прусскую войну потери ранеными для обеих армий не превышали 10,8 %. На российских же промышленных предприятиях количество увечий соответствовало потерям в войне: по разным подсчетам количество изувеченных составляло от 10–11 % [7, с. 67] всего числа рабочих, занятых в отраслях промышленности, до 14 % [8, с. 11]. Более того, в результате тяжелых и антисанитарных условий труда, практически полного отсутствия правил

безопасности и контроля в данной сфере ежегодно умирало от трудовых увечий более 1 500 человек [9, с. 81].

Нельзя утверждать, что правительственными кругами Российской империи не предпринимались меры по исправлению сложившейся ситуации. В целях определения ответственности предпринимателей за увечья и смерть рабочих, количество которых постоянно расширялось, 2 июня 1903 г. был принят специальный Закон «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности», действие которого было распространено на большую часть промышленных предприятий без каких-либо территориальных ограничений (за исключением Финляндии). Данный закон урегулировал вопросы выплаты компенсации рабочим и членам их семей вследствие повреждения здоровья в результате увечий и профессиональных заболеваний.

31 марта 1913 г. Министерством торговли и промышленности Российской империи были утверждены Правила о мерах безопасности работ в заведениях фабрично-заводской промышленности – первый специальный правовой акт, посвященный охране труда. Однако названные Правила распространяли свое действие лишь на вновь строившиеся и вступавшие в строй предприятия. На иные промышленные заведения Правила применялись в усеченном виде – только 56 статей из 109.

Однако, несмотря на реализуемые мероприятия, в Российской империи не были сформулированы общие правила не только труда, но и правил безопасности в промышленной сфере. В связи с этим, по мнению Э. Э. Крузе, специальное ведомство в этой сфере государственного управления – Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие – в 1912 году было вынуждено отметить, что «отсутствие общих правил по охране

промышленного труда приводит к крайне неудовлетворительной постановке этой важной стороны фабрично-заводского благоустройства» [10, с. 43–44].

Таким образом, проблема охраны труда в фабрично-заводском законодательстве Российской империи стояла чрезвычайно остро. В то же время урегулирование в материальном праве (фабрично-заводском законодательстве Российской империи), пусть и в таком усеченном виде, отношений между фабрикантами и рабочими позволило установить ответственность за нарушение соответствующих правил и в уголовном законодательстве. Однако некодифицированность законодательства в области охраны труда являлось препятствием для формулирования общего уголовно-правового запрета за их нарушение. В частности, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение 1845 г.) (в ред. 1857, 1866 и 1885 гг.) специальные нормы об ответственности за нарушение общих правил охраны труда размещались сразу в четырех главах раздела VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния»: в гл. 8 «О нарушениях правил устава строительного», в гл. 9 «О нарушении правил осторожности от пожаров», в гл. 10 «О нарушении правил, установленных для сохранения путей сообщения» и гл. 17 «О нарушении постановлений о личном найме».

Статья 365 гл.17 Уложения 1845 г. предусматривала ответственность за нарушение обязательных правил в отношении малолетних, женщин и подростков. Статья 1085 Уложения 1845 г. предусматривала, что «принадлежащие к управлению железной дорогой лица, виновные в заведомом совершении неправильных при эксплуатации действий, последствием которых, хотя и неожиданным, было причинение кому-либо смерти или повреждение здоровью, а также виновные в умышленном неисполнении возложенных на них обязанностей, сопровождав-

шихся названными последствиями, в зависимости от степени причиненного им вреда и других обстоятельств дела, за поручение обязанностей по эксплуатации железных дорог лицам, явно неспособным к исполнению их обязанностей, а также за недостаточный надзор за лицами, принадлежащими к составу эксплуатационной службы, если последствие того или другого было причинение кому-либо смерти или повреждение здоровью, приговариваются, смотря по тому, насколько они могли и должны были предвидеть угрожавшую от их действий или бездействия опасность, к ... (указывается вид и мера наказания)». Однако данная уголовно-правовая норма не являлась бланкетной. Н. С. Таганцев, комментируя ее, отмечал, что «то обстоятельство, нарушил ли такой служащий при этом какое-либо специальное правило, изданное Министерством путей и сообщения, или же правила, изданные другим ведомством, на состав преступления влиять не может» [11, с. 560].

Помимо названных правовых норм гл. 14 «О нарушении уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности» Уложения 1845 г. предусматривала также ответственность за несоблюдение положений по охране труда в отношении женщин и детей. В частности, ст. 14041 Уложения 1845 г. устанавливала ответственность заведующих (владельцев и управляющих) за неисполнение установленных законом или предписанных правил относительно работы малолетних, подростков, женщин. Статья 14042 позволяла привлекать к ответственности должностных лиц за непредоставление времени для посещения малолетними народных училищ, в предусмотренное для этого время. По ст. 14044 привлекались к ответственности должностные лица предприятий, на которых распространялось действие Положения о страховании рабочих от несчастных случаев, а также виновные в несообщении в установленные сроки по-

лицейской власти о произошедших с рабочими предприятий несчастных случаях.

В ст. 66 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. (далее – Устав 1864 г.) была установлена ответственность за нарушение предписанных правил. Наказание в виде штрафа дифференцировалось в зависимости от тяжести нарушения правил: если нарушены правила, установленные в ограждении личной безопасности, то было предусмотрено наложение денежного взыскания не свыше ста рублей. В иных случаях размер штрафа не превышал двадцати пяти рублей. В то же время в случае, если указанный проступок привел к причинению раны или повреждению здоровью, не приведшему к смерти, для виновного было предусмотрено наказание в виде ареста не свыше одного месяца или денежного взыскания в размере не свыше ста рублей (ст. 128 Устава 1864 г.).

В целом аналогичное правовое регулирование сохранялось и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. (далее – Уложение 1885 г.) [12]. Дальнейшее развитие отечественного уголовного законодательства в области охраны труда связано с Уголовным уложением от 22 марта 1903 г. (далее – Уложение 1903 г.), которое основывалось на традициях Уложения 1845 г., однако содержало ряд принципиальных нововведений.

Во-первых, в ч. 2 ст. 382 гл. XVIII «О нарушении постановлений о производстве строительных работ и пользовании путями сообщения и средствами сношения» Уложения 1903 г. была предусмотрена общая норма об ответственности за нарушение правил или предписаний при производстве работ (в строительстве, устройстве путей сообщения и т. д.) для обеспечения безопасности граждан (в том числе работников).

Во-вторых, важная новелла содержалась в ч. 2 ст. 464 гл. 22 «О лишении жизни», в которой впервые была закреплена

ответственность именно за неосторожное причинение смерти, если это явилось последствием несоблюдения виновным правил, установленных законом или обязательным постановлением для его рода деятельности, которые ограждают личную безопасность.

В-третьих, в ч. 3 ст. 464 Уложения 1903 г. появляется такой вид наказания, как запрещение виновному заниматься определенной деятельностью, осуществление которой повлекло за собой смерть потерпевшего.

В-четвертых, в гл. XVII «О нарушении постановлений о личном найме» Уложения 1903 г. включены известные ранее действовавшему законодательству нормы об ответственности заведующего заводом, фабрикой, промыслом или ремесленным заведением за непредоставление малолетним рабочим возможности посещать школу в течение времени, установленно-го законом (ст. 365), и об ответственности заведующего или его заместителя за неисполнение установленных законом или постановлением правил, ограждающих здоровье или безопасность малолетних, подростков и женщин (ст. 366). При этом в ст. 366 Уложения 1903 г. был расширен перечень субъектов преступления – по сравнению с ранее действовавшим Уложением 1845 г., к ответственности мог привлекаться не только заведующий предприятием, но и его заместитель.

В-пятых, появляется прообраз нормы, предусмотренной в действующей в настоящее время ст. 217 «Нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» УК РФ до Федерального закона от 23 апреля 2018 г. № 114-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», именованной как «Нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах». Так, по ч. 2 ст. 224 Уложения 1903 г. наказуемым признавалось неисполнение установленных

законом или обязательным постановлением правил об устройстве заведений, используемых для изготовления взрывчатых веществ, огнестрельных или взрывчатых снарядов или их частей либо за нарушение правил и порядка производства на данных работах.

Названные изменения, безусловно, отличались более высокой юридической техникой и степенью абстракции изложения правового материала. Н. Н. Хилтунов отмечает, что в целом Уложение 1903 г. не принесло существенных изменений в сфере охраны труда и не выработало термин «охрана труда» [13, с. 14]. Данное замечание является верным. Однако при этом нам представляется, что указанные проблемы явились не следствием каких-либо ошибок или упущений при конструировании уголовно-правовых норм, а выступали следствием неразвитости, казуистичности или пробельности фабрично-трудового законодательства Российской империи. Отсутствие иерархически выстроенной цельной структуры позитивного права об охране труда не позволяло обеспечить качественное совершенствование уголовного закона в части ответственности за несоблюдение предписаний об охране труда. Результатом данной ситуации явилось допущение возможности применения уголовного закона в этой части в отрыве от фабрично-трудового законодательства и отрицание бланкетной природы уголовно-правовых запретов, что отстаивалось, как мы отмечали выше, Н. С. Таганцевым.

Следует также учитывать, что уголовно-правовая охрана отношений по обеспечению безопасности труда затрагивала не всех работников, а только их отдельные категории, как правило, нуждающиеся в повышенной социальной защите (женщины, дети). Данная избирательность в защите потерпевших объясняется тем, что в обществе еще не получили признание идеи о необходимости создания

всеобщих и универсальных норм об охране труда, которые бы затрагивали все категории трудящихся, и, соответственно, об ограничении свободы трудового договора, которая казалась тогда почти абсолютной [14, с. 82]. Следствием этого явилось отсутствие в уголовных законах отдельных глав о посягательствах на права граждан, хотя законодательству и были известны некоторые уголовно-правовые запреты в данной области.

Произошедшие в 1917 году Февральская и Октябрьская революции не привели к прекращению действия уголовного законодательства Российской империи, так как п. 5 Декрета Совета народных комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» предписывал местным судам руководствоваться в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и правосознанию. При этом отмененными признавались все законы, противоречащие декретам Центрального исполнительного комитета советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и правительства, а также программам-минимумам РСДРП и партии эсеров.

Таким образом, уголовное законодательство Российской империи – Уложение 1903 г., несмотря на прекращение существования империи, продолжало действовать и в дальнейшем. Только 27 апреля 1922 г. Советом народных комиссаров РСФСР было принято постановление «О наказаниях за нарушение постановлений об охране труда», в котором устанавливалась уголовная ответственность за нарушение требований охраны труда (п. 1). В дальнейшем уголовно-правовые нормы, содержащиеся в этом декрете, вошли в первый УК РСФСР 1922 г. В дальнейшем происходило обособление преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны, получившее окончательное завершение в УК РСФСР 1960 г.,

в котором появилась новая глава IV «Преступления против политических и трудовых прав граждан».

Проведенное с использованием исторического метода настоящее исследование показывает, что характерная и для современного периода сложная ситуация с охраной труда в Российской Федерации была еще более тяжелой в Российской империи. Регулятивное фабрично-трудовое законодательство значительно отставало от требований времени, а охранительное уголовное право, несмотря на прогрессирующую в последовательно сменяющихся друг друга законодательных актах юридическую технику, оставалось еще достаточно казуистичным.

Причины столь сложной ситуации состоят как в неэффективности государственного контроля за соблюдением законодательства об охране труда, так и в нежелании владельцев предприятий нести дополнительные издержки на обеспечение безопасных условий труда работников промышленных заведений, в том числе в силу неквалифицированности основной массы рабочих и возможности быстрой замены получивших увечья на производстве новой рабочей силой. В связи с этим обеспечение безопасных условий труда должно подкрепляться не только уголовно-правовыми, но и экономическими мерами, а также развитым профсоюзным движением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во Московского университета, 1980. 204 с.
2. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб., 1863. 438 с.
3. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред. В. А. Томсинова. М., 2004. 488 с.
4. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. В. А. Томсинова. М., 2003. 693 с.
5. Куренной А. М. Трудовое право России: учебник. М.: Юристъ, 2004. 493 с.
6. Шельмагин И. И. Фабрично-трудовое законодательство в России (вторая половина XIX в.). М.: Юридическое изд-во МЮ СССР, 1947. 188 с.
7. Шельмагин И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917. М., 1952. 319 с.
8. Серафимович А. С. Рабочее движение в России: краткий исторический очерк. М., 1917. 39 с.
9. Тютрюмов Р. А. Фабричное законодательство в России. М.: Польза, 1908. 117 с.
10. Крузе Э. Э. Условия труда и быта рабочего класса в России в 1900–1914 гг. Л.: Наука, 1980. 142 с.
11. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. 6-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Изд-во Н. С. Таганцева, 1889. 775 с.
12. Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. М.: Книга по требованию, 2012. 926 с.
13. Хилтунов Н. Н. Уголовная ответственность за нарушение требований охраны труда: монография. М., 2015. 205 с.
14. Вешняков Д. Ю. Эволюция законодательства об уголовной ответственности за нарушение правил охраны труда // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2012. № 1. С. 82–85.

© Курсаев А. В.

УДК 343.24-053.6(470)

Е. В. РОГОВА, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент (г. Иркутск)

E. V. ROGOVA, professor of the Chair of Criminal Law of Irkutsk Law Institute (branch) of University of Prosecutor's Office of Russia, Doctor of Law, associate professor (Irkutsk)

М. К. ГАЙДАЙ, начальник кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, доктор социологических наук, доцент (г. Иркутск)

M. K. GAYDAY, Head of the Chair of philosophy, psychology and social and humanitarian disciplines of East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sociology, associate professor (Irkutsk)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

CURRENT STATE OF PRACTICE ON APPLICATION OF CRIMINAL PUNISHMENT TO MINORS

Аннотация. Статья посвящена изучению практики назначения и реализации уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних преступников. Особое внимание уделено рассмотрению штрафа, обязательных и исправительных работ, ограничению и лишению свободы как наказаниям, реально применяемым в отношении несовершеннолетних преступников в настоящее время. Авторами отмечается необходимость разработки комплекса мер по реализации в отношении несовершеннолетних наказаний, связанных с трудовой деятельностью осужденного и по возможности исключаящих его изоляцию от общества.

Ключевые слова и словосочетания: несовершеннолетние, преступление, уголовные наказания, обязательные работы, исправительные работы, штраф, лишение свободы.

Annotation. The article is devoted to the study of practice of appointing and implementing criminal punishment to juvenile delinquents. Particular attention is paid to the consideration of fines, compulsory and correctional works, restriction of liberty and deprivation of liberty, as to the penalties actually applied to juvenile offenders at the present time. The authors note the necessity of developing a set of measures for the implementation of juvenile penalties associated with the work of the convict and, if possible, excluding isolation from society.

Keywords and phrases: minors, crime, criminal punishment, compulsory labor, correctional labor, fine, imprisonment.

Уголовно-правовая политика в каждом государстве, реализуемая на разных этапах развития общества, характеризу-

ется определенными направлениями. В качестве методов борьбы с преступностью учеными и практическими работ-

никами предлагаются рекомендации как об усилении, так и об ослаблении уголовной ответственности за отдельные виды преступлений. В настоящее время в период развития общественных отношений в уголовно-правовой политике наблюдается углубление дифференциации уголовной ответственности. При этом процессе ответственность за тяжкие и особо тяжкие преступления усиливается, в то время как за преступления небольшой и средней тяжести смягчается.

Проблема предупреждения преступности молодежи находится в центре внимания мирового сообщества [1, с. 42]. Сегодня, по мнению ряда ученых, политика государства в отношении несовершеннолетних «должна быть направлена к всестороннему обеспечению прав и интересов ребенка нормами уголовного права» [2, с. 64]. Исследователи, отмечая приоритетные направления уголовной политики в отношении несовершеннолетних преступников, указывают на важность дальнейшей гуманизации уголовного законодательства, касающегося несовершеннолетних, на приоритет мер воспитательного характера в отношении несовершеннолетних, впервые совершивших преступления небольшой или средней тяжести. Рекомендуют применение наказания, не связанного с изоляцией от общества, а также учет гарантий прав и льгот, отраженных в Конвенции ООН о правах ребенка [3, с. 23–26].

Согласно положению, закрепленному в ч. 2 ст. 87 УК РФ, уголовная ответственность несовершеннолетних может быть двух видов: без назначения наказания и с назначением наказания. Исходя из влияния отечественного и зарубежного опыта, демократических начал и гуманизации уголовно-правового воздействия, в общественном сознании происходит формирование убеждения о сужении сферы применения к несовершеннолетним не только лишения свободы, но и самого наказания как такового, и о расширении применения

альтернативных наказанию мер. Как показывают исследования, для многих современных государств снижение числа лиц, изолированных от общества по приговору суда, является приоритетным направлением социально-правовой политики. Это находит свое отражение в международных документах, где закреплено, что «содержание под стражей или иное заключение должны применяться только тогда, когда нет другой альтернативы» [4, с. 100–104]. Если же такая возможность имеется, то судам следует назначать наказания, исключющие изоляцию осужденного от общества.

Особое внимание заслуживают несовершеннолетние преступники, что вполне обосновано. Очевидно, что молодежь, в частности, те лица, которые не достигли восемнадцатилетнего возраста, являются естественным резервом для социального развития страны. Нарушения закона такими лицами говорит о недостатках воспитания подростков, условий включения молодежи в жизнедеятельность общества. Формирование личности этой возрастной категории лиц еще не завершено, поэтому изоляция подростков, совершивших преступления, нередко способствует их криминализации в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы. Проблема уголовной ответственности несовершеннолетних специфична и в то же время достаточно актуальна, это обусловлено тем, что она касается судеб подрастающего поколения. От разрешения данной проблемы зависит состояние и тенденции развития преступности в будущем. Несомненным преимуществом наказания, не связанного с изоляцией от общества, является возможность реабилитироваться, предоставляемая несовершеннолетнему государством, не теряя социальных связей с родными и близкими, не нарушая норм общежития и выполняя общественно полезную работу.

В уголовном законе закреплён исчерпывающий перечень наказаний, применяемых к несовершеннолетним. Данный перечень регламентирован ст. 88 УК РФ. При этом перечень наказаний, применяемых к несовершеннолетним, уже перечня наказаний, применяемых ко взрослым преступникам, указанных в ст. 44 УК РФ. Так, уже на законодательном уровне к лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, не допускается применение наиболее строгих наказаний, таких как арест или пожизненное лишение свободы, а также такого вида наказания, назначение и исполнение которого в настоящее время невозможно даже к совершеннолетним преступникам, однако нормы, его регламентирующие, имеются в уголовном законе – смертная казнь. В отношении несовершеннолетних не используется такой вид уголовного наказания, как содержание в дисциплинарной воинской части, в связи с невозможностью применить. Кроме того, для несовершеннолетних предусмотрены сокращённые сроки и размеры наказаний в сравнении со сроками и размерами наказаний, установленных для взрослых преступников. Другими словами, каждый вид наказания, применяемый к несовершеннолетним, имеет свою специфику. Так, например, штраф, налагаемый на несовершеннолетнего, может быть взыскан по решению суда с его родителей или законных представителей при их согласии (о чем подробнее скажем ниже).

Закрепляя перечень наказаний для несовершеннолетних, а также их сокращённые сроки, законодатель учитывал прежде всего их возрастные особенности, а также реальные возможности исполнения наказания и необходимость достижения целей наказания. Поэтому можно говорить о том, что особенности уголовной ответственности и уголовного наказания несовершеннолетних связаны с учетом их психовозрастной специфики и социальной незрелостью

подростков. Несовершеннолетним присущи повышенная эмоциональность, не до конца сформировавшиеся волевые качества, неустойчивость характера, подверженность влиянию и внушению как со стороны сверстников, так и взрослых лиц.

При этом отметим, что на страницах юридической литературы встречается довольно категоричное мнение о крайне низком проценте эффективности всех видов наказаний, которые согласно ст. 88 УК РФ могут быть назначены несовершеннолетним, виновным в совершении преступлений. Такой вывод получен автором исходя из анализа судебной практики, а в большей степени – из анализа результатов выборочных исследований преступности несовершеннолетних. В этой связи отмечается, что под сомнение попадает социально полезная, в широком смысле этого слова – карательная составляющая наказаний, которые могут быть применены в отношении несовершеннолетних [5, с. 132–133].

Анализ практики применения наказания к несовершеннолетним показывает, что в настоящее время реально применяются штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы. Лишение права заниматься определенной деятельностью назначается несовершеннолетним крайне редко, а в последние годы этот вид наказания к несовершеннолетним не применяется (см. табл. 1). Так, лишение права заниматься определенной деятельностью несовершеннолетним в качестве основного наказания в период с 2009 по 2018 гг. было назначено только одному несовершеннолетнему осужденному в 2009 году [6]. И этот факт достаточно просто объясним. В первую очередь это связано с возрастом осужденных, т. к. несовершеннолетние не так часто занимают какой-либо деятельностью, особенно это касается тех несовершеннолетних, которые признаны виновными в совершении преступлений.

Практика назначения наказаний несовершеннолетним в Российской Федерации

Показатель	Годы							
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Штраф	11,1	12,0	11,8	9,6	9,0	9,2	9,2	9,6
Лишение права заниматься определенной деятельностью	0	0	0	0	0	0	0	0
Обязательные работы	17,3	20,7	21,9	16,8	16,8	23,4	23,8	22,3
Исправительные работы	1,1	1,5	1,6	1,3	1,25	1,4	1,5	1,3
Ограничение свободы	1,7	3,0	3,3	2,7	2,5	3,0	3,3	3,5
Лишение свободы на определенный срок	64,1	57,0	55,1	59,7	58,7	55,0	55,2	55,3
В том числе: реальное отбывание лишения свободы	15,9	15,5	15,8	16,6	17,3	16,1	16,8	16,8
условное осуждение к лишению свободы	48,2	41,5	39,3	43,1	41,4	38,9	38,4	38,5

Как видно из таблицы, наказание в виде лишения свободы – наиболее применяемый судами вид уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних. Вместе с тем в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» сказано, что «наказание несовершеннолетнему в виде лишения свободы суд вправе назначить только в случае признания невозможности его исправления без изоляции от общества, с приведением мотивов принятого решения» [7].

Отметим, что в большинстве своем лишение свободы назначается подросткам условно. Являясь одной из форм реализации уголовной ответственности, условное осуждение к лишению свободы в России судами назначается в среднем 40 % несовершеннолетних. Лише-

ние свободы условно занимает лидирующую позицию среди наказаний и иных мер уголовно-правового характера, несмотря на некоторое снижение за последние 10 лет. Анализ практики назначения судами наказания в виде лишения свободы условно показал, что в рассматриваемый период число несовершеннолетних, условно осужденных к лишению свободы, снизилось на 11 %.

Институт условного осуждения постоянно привлекает к себе внимание ученых-юристов, социологов, криминологов. При этом следует отметить неоднозначность взглядов на необходимость существования и применения условного осуждения [8]. Как специалистами-практиками, так и учеными-теоретиками на основе исследования судебно-следственной практики отмечается низкое исправительное, воспитательное и предупредительное воздействие на осужденного рассматриваемой меры уголовно-право-

вого характера. Малоэффективным он является и в тех случаях, когда учитываются конкретные обстоятельства дела и личности виновного.

В настоящее время российская уголовно-правовая политика направлена на снижение числа осужденных к реальному лишению свободы за преступления небольшой и средней тяжести. Отметим, что, по нашему мнению, сокращение числа лиц, изолированных от общества по приговору суда и отбывающих наказание в виде лишения свободы в пенитенциарных учреждениях, должно осуществляться преимущественно за счет назначения наказаний, не связанных с лишением свободы, а не за счет применения условного осуждения. Отличным от лишения свободы является наказание в виде ограничения свободы. Применение данного наказания в отношении несовершеннолетних преступников в последние годы является стабильным и составляет 2,5–3,5 % в структуре иных наказаний, назначаемых несовершеннолетним. Согласно ч. 5 ст. 88 УК РФ ограничение свободы назначается несовершеннолетним осужденным в виде основного наказания на срок от двух месяцев до двух лет.

Среди наказаний, не связанных с изоляцией от общества, применяемых к несовершеннолетним преступникам, наиболее часто судами используются обязательные работы. Являясь видом уголовного наказания, обязательные работы заключаются в выполнении общественно полезной работы в свободное от основной работы или учебы время. Важно, что характер работ определяется с учетом физических возможностей несовершеннолетнего. Несовершеннолетним обязательные работы назначаются на срок от сорока до ста шестидесяти часов. В соответствии с ч. 3 ст. 88 УК РФ «продолжительность исполнения данного вида наказания лицами в возрасте до пятнадцати лет не может превышать двух часов в день, а лицами в возрасте от пятнадцати до шестнадцати лет – трех

часов в день». Применение обязательных работ к несовершеннолетним стало возможным с 2005 г. Число несовершеннолетних, осужденных к данному виду наказания, существенно увеличилось. Думается, что это будет способствовать положительной динамике расширения применения к несовершеннолетним лицам наказаний, альтернативных лишению свободы.

Еще одним видом уголовного наказания, не связанным с изоляцией человека от общества и применяемым к несовершеннолетним, являются исправительные работы. При сравнении таких видов наказания, как обязательные и исправительные работы, становится очевидным, что назначение исправительных работ имеет существенные организационные и правовые ограничения, что способствует его достаточно редкому применению. На страницах юридической литературы с учетом положений ст. 50 и ч. 4 ст. 88 УК РФ сформулировано понятие исправительных работ, под которыми понимается «основной вид наказания, назначаемый несовершеннолетним, как имеющим основное место работы, так и не имеющим такового, на срок, устанавливаемый приговором суда от двух месяцев до одного года, с удержанием из заработной платы осужденного от пяти до двадцати процентов в доход государства» [9, с. 26].

2003 год стал переломным в практике назначения данного вида наказания несовершеннолетним. Тогда были приняты изменения и дополнения в УК РФ [10]. Существенному снижению применения исправительных работ стало препятствовать то, что они могли быть назначены только осужденным, в том числе и несовершеннолетним, не имеющим основного места работы. Однако процесс трудоустройства несовершеннолетних, не имеющих работы, на практике оказался весьма сложным и противоречивым. Возрастные (по видам труда и времени его исполнения), психологические (не-

готовность к работе), медицинские и иные ограничения сделали практически невозможным применение данного вида уголовного наказания. Несовершеннолетние, в силу возраста не имеющие образования или профессии, а также опыта работы, могут быть привлечены только на весьма ограниченный круг работ низкой квалификации.

В 2011 г. вновь вносятся изменения в отношении ст. 50 УК РФ, устанавливающей общие положения, касающиеся исправительных работ [11]. Этими изменениями вводится возможность назначать исправительные работы осужденным, имеющим основное место работы. Данная поправка в законе существенно не повлияла на практику их применения в отношении несовершеннолетних. Как иллюстрирует таблица 1, доля исправительных работ среди иных видов уголовных наказаний, применяемых к несовершеннолетним, не велика.

Сфера применения исправительных работ к лицам несовершеннолетнего возраста ограничена также нормами трудового законодательства, действующего на территории России. Так, Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ) разрешает принимать на работу несовершеннолетних по достижении им шестнадцати лет. Есть и исключения, когда прием на работу становится возможным с пятнадцати лет. К таким случаям относятся получение основного общего образования или оставление в соответствии с федеральным законом общеобразовательного учреждения. При трудоустройстве несовершеннолетних, достигших возраста четырнадцати лет, трудовой договор может заключаться только с письменного согласия одного из родителей, а также органа опеки и попечительства при соблюдении ряда условий, относящихся к работе, к которой привлекается лицо (ст. 63 ТК РФ).

Достаточно специфическим воздействием на преступника обладает такой вид уголовного наказания, применяе-

мый также и к несовершеннолетним преступникам, как штраф. Дело в том, что, в отличие от рассмотренных выше обязательных и исправительных работ, штраф существенно затрагивает материальное положение осужденного или его семьи (а именно родителей или законных представителей). Невысокий процент наложения штрафа как вида уголовного наказания в отношении несовершеннолетних преступников (сегодня эта цифра соответствует 10 % несовершеннолетних осужденных в год, а ранее (до 2003 г.) был еще ниже и варьировался в пределах 1–2 %) связывается с низким социальным положением родителей и законных представителей несовершеннолетних преступников.

Произошедшие в 2003 г. изменения в уголовном законодательстве (п. «а» ч. 1 ст. 88 УК РФ) [10] позволили взыскивать штраф, который назначается несовершеннолетнему осужденному, с его родителей или иных законных представителей с их согласия, что и дало увеличение применения данного вида уголовного наказания на 8 %. Анализ практики назначения наказаний несовершеннолетним осужденным позволил С. А. Корягиной прийти к выводу о том, что штраф, назначенный несовершеннолетнему преступнику, «в настоящее время взыскивается чаще всего именно с его родителей или законных представителей, а не с самого несовершеннолетнего» [12, с. 17].

В заключение отметим, что в числе мер уголовно-правового воздействия, применяемых в отношении несовершеннолетних, лидирующую позицию занимает лишение свободы на определенный срок, назначаемое условно. Условное наказание в сознании несовершеннолетнего преступника воспринимается достаточно часто как безнаказанность и порождает желание на совершение новых преступлений, о чем свидетельствует достаточно стабильный уровень рецидивной преступности условно осужденных лиц. В условиях реализации

социально-правовой политики государства, направленной на снижение числа лиц, изолированных от общества, видится обоснованным расширение практики назначения наказаний, не связанных с лишением свободы, и совершенствование условий, необходимых для реализации таких наказаний. Должного внимания заслуживают наказания, связанные с трудовой деятельностью осужденного, – обязательные и исправительные ра-

боты. Необходимо вести планомерную деятельность по созданию новых рабочих мест для трудоустройства несовершеннолетних осужденных. Привлечение подростка к труду должно рассматриваться как приобретение им необходимо для социализации в обществе опыта трудовой деятельности, дисциплинировать его поведение, давать практические навыки, развивать которые он будет после отбытия срока наказания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нигматуллин Р. В. Одиннадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями и проблемы координации международного сотрудничества по борьбе с преступностью // *Международное публичное и частное право*. 2006. № 5. С. 41–43.
2. Кибальник А. Г. Об особенностях уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // *Общество и право*. 2015. № 2. С. 63–68.
3. Волошин В. М. Уголовно-правовая политика России в отношении несовершеннолетних правонарушителей и роль ответственности в ее реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 47 с.
4. Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) // *Организационно-правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций: сборник нормативных правовых актов / под ред. О. В. Филимонова*. М., 2002. 332 с.
5. Сутурин М. А. Возможности достижения цели восстановления социальной справедливости при исполнении уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних // *Несовершеннолетний как субъект права: материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Иркутск, 2015. С. 132–133.
6. Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 05.09.2019).
7. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Радченко О. В. Условное осуждение и проблемы его правоприменения // *Сибирский юридический вестник*. 2012. № 3. С. 82–86.
9. Рогова Е. В. Исправительные работы и особенности их применения к несовершеннолетним: монография. Иркутск, 2005. 180 с.
10. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон РФ от 08.12.2003 № 162-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2003. № 50. Ст. 4848.
11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон РФ от 07.12.2011 № 420-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2011. № 50. Ст. 7362.
12. Корягина С. А. Анализ практики назначения наказаний несовершеннолетним осужденным в Российской Федерации // *Криминологический журнал БГУЭП*. 2008. № 4 (6). С. 16–21.

© Рогова Е. В.
© Гайдай М. К.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 342.9(075.8)

А. А. БЕЖЕНЦЕВ, начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)

A. A. BEZHENTSEV, Head of the Chair of administrative activity agencies in Internal Affairs of Saint-Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, associate professor (St. Petersburg)

А. А. УШЕНИН, преподаватель кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург)

A. A. USHENIN, lecturer of the Chair of organization of work of police of Saint-Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (St. Petersburg)

**ЕЛИСТРАТОВ АРКАДИЙ ИВАНОВИЧ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА**

**ELISTRATOV ARKADY IVANOVICH: CONCEPTUAL THEORY OF THE CLASSIC
AND MODERN SCIENCE OF ADMINISTRATIVE LAW**

Аннотация. Трансформацией полицейского права в административное наша страна обязана трудам видных ученых-правоведов, значимое место среди которых занимает Аркадий Иванович Елистратов. В научной статье при исследовании фундаментальных работ классика авторами проанализированы его взгляды на административное право, полицейское право и государство, правовое государство, административно-правовые нормы, административно-правовые институты, меры государственного принуждения, пределы административных полномочий государства, обеспечение законности в деятельности государственных органов, ответственность должностных лиц, обладающих правом применения мер государственного принуждения, и административную ответственность. Авторы, проводя параллель между воззрениями Аркадия Ивановича Елистратова и современными тенденциями развития административного права России, приходят к выводу о том, что основополагающие принципы, изложенные классиком в своих трудах, претерпевали изменения с течением времени, но не потеряли своей актуальности по сей день. Некоторые из них и в настоящее время являются основой российской правовой системы.

Ключевые слова и словосочетания: административное право, полицейское право, правовое государство, административно-правовые нормы, меры государственного принуждения, обеспечение законности, ответственность должностных лиц, административная ответственность.

Annotation. Transformation of police law into administrative law, our country owes the works of prominent legal scholars, a significant place among which is Arkady Ivanovich Elistratov. In a scientific article while studying the fundamental works of the classic, the authors analyzed his views on administrative law, police law and the state, the rule of law, administrative law, administrative law institutions, measures of state coercion, the limits of administrative powers of the state, ensuring the rule of law in the activities of state bodies, responsibility of officials with the right to apply state coercive measures and administrative responsibility. The authors, drawing a parallel between the views of Arkady Ivanovich Elistratov and modern trends in the development of administrative law in Russia, come to the conclusion that the fundamental principles set forth by the classic in their works underwent changes over time, but have not lost their relevance to this day. Some of today they are the basis of the Russian legal system.

Keywords and phrases: administrative law, police law, rule of law, administrative law, measures of state coercion, ensuring the rule of law, responsibility of officials, administrative responsibility.

Наука административного права прошла сложный путь становления в переходные для России периоды. Источником современного административного права считается полицейское право, существовавшее в Российской империи, которое в свою очередь было заимствовано из стран Западной Европы, таких как Германия, Франция. Полицейское право, которое можно назвать «право сильного» или «право силы», стояло на стороне власть имущих и пренебрегало неотъемлемыми правами простого человека. В полицейском государстве за ширмой стремления власти к всеобщему «счастью» скрывалось проникновение власти во все сферы жизни населения. Обезличивание подданных, регулирование и управление всеми процессами, происходящими в обществе, цензура и жесточайший запрет инакомыслия – неотъемлемые признаки абсолютизма и полицейского государства. Однако при всех недостатках полицейское право стало основоположником системы управления всех современных, развитых государств.

Слово «полиция» в буквальном переводе означает город или городское управление (устройство), городское дело. Монарх, то есть управленец территориальной единицей, устанавливает свою неограниченную власть над подданными в своем лице и лице своих чиновников. Такой вид управления подразумевает проникновение государственного аппарата в частную жизнь людей. Новое

время требовало новых решений, пересмотра самой позиции государства как вечного «надзирателя». Признание свободы как неотъемлемой части конструктивной движущей силы общества, а также приоритета прав личности, человека и гражданина, возможность оспаривания решений должностных лиц в судебном порядке, свобода слова, социальное обеспечение – вот вектор, в котором должно двигаться государство. Этот сложный переход в совокупности с социальными и политическими катаклизмами, а также с невежеством подавляющего большинства населения нашей страны протекал на протяжении целого столетия и окончательно не осуществился и по сей день.

На смену полицейскому государству, прекратившему свое существование после свержения самодержавия, пришла новая модель поведения участников общественных отношений, складывающихся в сфере государственного управления. Административное право как преемник права полицейского подвергалось жесточайшей критике в 20–30-х гг. XX столетия как признак буржуазного общества. Само понятие «административный» в переводе с латинского значит «управленческий», поэтому многие ученые-административисты справедливо называют административное право правом управления [1–6].

Переходом от полицейского права к административному наше государство обязано трудам ученых, существенное

место среди которых занимает Аркадий Иванович Елистратов. Отдельные правовые воззрения А. И. Елистратова неоднократно изучались современными учеными-правоведами [7–12]. Его наследие столь велико, разнообразно и многогранно, что пронизывает несколько эпох в развитии нашей державы. Поэтому комплексный, в хронологической последовательности анализ значимых выводов по результатам его научной деятельности весьма актуален и дает возможность использования наиболее прогрессивных из них в современном административном праве России.

А. И. Елистратов определял правовое государство как совокупность нескольких элементов, четкое разграничение полномочий соподчиненных индивидов, основанное на законе. Второй элемент – это верховная государственная власть, осуществляющая свою деятельность на основе действующего законодательства и права, которое в свою очередь имеет верховенство над всеми. Индивид, подчиняясь праву, обретает самостоятельность, самодеятельность и в конечном итоге «полную автономность» во всех вопросах, не связанных с подчинением.

Аркадий Иванович в своей фундаментальной работе «Основные начала административного права» подвергал резкой критике полицейское право и государство. Сравнивал меры воздействия государственных чиновников, которые олицетворяли волю правящего монарха на людей как меры воздействия на животных. К мерам безопасности людей полицейисты причисляли меры против «сходбищ и скопищ», употребляющих алкоголь, иностранцев и путешествующих, ростовщиков, безумных, литераторов, художников, изобретателей, промышленников и учредителей. То есть практически все сферы человеческой жизни проходили через «жернова» государственного контроля. Простому человеку не отводилось никакой возможности проявить свою самодеятельность, выра-

зить себя и заявить о себе. «Обыватель, проявивший самодеятельность, рассматривался не как помощник, не как опора государственной власти, но как опасный противник. Роль обывателя в полицейском государстве сводилась к повиновению, «къ сообразованію действій своихъ съ объявленной волею начальниковъ» [13]. Причин такого «незавидного» положения обывателей (подданных) было множество и основополагающими из них было отсутствие должного образования, духовная и нравственная отсталость. А. И. Елистратов ходатайствовал за реальные возможности человека-обывателя, простого горожанина свободно проявлять свою самодеятельность в административно-властной системе государства.

Предметом административного права ученый-административист считал систему правоотношений, складывающихся на почве административной деятельности, причем эти правоотношения устанавливаются между людьми, то есть субъектами, которыми могут быть «лишь люди, из плоти и крови, а не какие-либо «идеальные», не совершающие ошибок личности». Вместе с тем он признавал, что большинство населения ввиду своего невежества не способно принять и осознать своей роли в этих отношениях, вследствие чего основной силой перехода от полицейского государства к правовому должна была стать городская интеллигенция. К сожалению, после Октябрьской революции российская интеллигенция получила сокрушительный удар и на долгие годы потеряла свою ключевую роль в решении государственных дел.

После свержения самодержавия в России развитие административного права приостановилось, считаясь элементами «буржуазного» общества, как и другие отрасли права. А. И. Елистратов не прекратил работу в этот тяжелый для всей страны период. В 1918–1920 гг. он работал профессором Таврического университета в городе Симферополь, стал деканом юридического факультета.

Затем продолжил работу в Московском государственном университете, вплоть до 1931 года, когда было принято решение совсем упразднить некоторые юридические кафедры. Выступая с критикой государственного строя, он считал, что государственное управление не соответствует идее общественного служения. В своем «Очерке административного права» 1922 года Аркадий Иванович высказывает мнение в довольно острой форме, «поскольку в экономических и связанных с ними моральных условиях эпохи своекорыстие остается характерным мотивом для действительности индивидов, оно неизбежно окрасит и государственное строительство, в котором окрашивается мысль и воля тех же индивидов. Какие бы высшие лозунги «свободы, равенства и братства» не украшали государственное здание, впереди его – безудержная погоня за наживой командующего класса и хватающихся за власть. В том же труде можно прочитать следующие, хорошо характеризующие позицию А. И. Елистратова строки: «За идеологией социального служения стоят интересы классового господства, объясняющие и привилегии государства, и своеобразия административного права» [14]. Такие взгляды на государственное устройство в советский период не могли остаться незамеченными, и в итоге А. И. Елистратов был отстранен от преподавательской деятельности, оставаясь «не свободным от груза буржуазных представлений».

В своей поздней работе «Советское административное право» Аркадий Иванович систематизирует административно-правовые институты, определяет категории государственных органов, степень их ответственности и компетенции, взаимодействие субъектов административной деятельности, выставляя на первый план принципы административного права и основополагающий принцип законности. С его позиции пределы административных полномочий государства

должны ограничиваться пределами компетенций государственных органов, при этом государственные органы различной компетенции могут выступать контролирующими органами по отношению друг к другу, то есть государство в качестве суда может выступать против государства как администратора, государство-министр может противостоять государству-парламенту. Другими словами, это принцип разделения властей, взаимоконтроля и взаимодействия ее ветвей.

Меры государственного принуждения, по мнению А. И. Елистратова, во второй четверти XX в. были необходимы. Осознавая это, Аркадий Иванович выступал с резкой критикой реализации этих мер в России, в странах Западной Европы и Соединенных Штатах Америки. Конечно, государственные волеизъявления в виде законов должны исполняться всеми гражданами, в случае же обратного они подлежат принудительному осуществлению. Он предполагал, что существовала возможность к принудительным мерам по собственному почину без предварительного судебного постановления, устанавливающего закономерность данного требования. В административном принуждении правящая власть получает таким образом особую привилегию прямого исполнения своих актов. Избежать этого позволяет сведение применения мер государственного принуждения к мерам крайней необходимости, то есть применяемых только в случаях, когда другие способы не обеспечили надлежащего исполнения законного волеизъявления власти. Если же допустить, что власть в лице представителей государственных органов прибегает к мерам принуждения, а иногда и попросту насилию, то, даже учитывая последующую возможность судебного оспаривания данного метода и положительного результата его рассмотрения для гражданина, это не в силах устранить нанесенного человеку вреда и ущерба.

Далее, развивая идею гуманизма в процессе применения мер принуждения, осуждая архаичные методы, Аркадий Иванович вывел, наверное, основной постулат правового государства: «Всякое насилие без суда, от кого бы оно не исходило, почитается незаконным, если объективная необходимость к применению соответствующей меры непосредственного принуждения в данном случае отсутствовала» [14]. Обеспечение законности в деятельности государственных органов, уполномоченных на применение мер государственного принуждения, при помощи оспаривания решений этих органов в некотором объеме восстанавливает поправленные права человека и гражданина, но не устраняет полностью негативные последствия этих мер. Ответственность чиновника в данном случае не должна ограничиваться судебным решением, а дополнительно должна быть определена начальником или вышестоящим должностным лицом в виде дисциплинарной ответственности, а также ответственности, соизмеримой с тяжестью наступивших последствий, вплоть до уголовного.

Целью определения ответственности должностных лиц, обладающих правом применения мер государственного принуждения, является обеспечение законности их деятельности. Дальнейшим средством к обеспечению законности в управлении может в известной степени служить институт административного контроля. Административный контроль применяется в формах отчетности, ревизии и постоянного наблюдения. Регулятором таких отношений должен выступать институт административной юстиции, то есть право гражданина обжаловать в суд административное решение государственного органа.

Если говорить о современной науке административного права, то следует в первую очередь заметить, что основополагающие принципы, изложенные А. И. Елистратовым в своих трудах, пре-

терпевали изменения с течением времени, но не потеряли своей актуальности по сей день, став основой Конституционного строя современной России.

По теории А. И. Елистратова «учение о правоотношениях, которые возникают между людьми в области государственного управления» – это и есть наука административного права. Основными правоотношениями в административном праве должны стать отношения между служащими и гражданами, причем только в той мере, в которой это необходимо для реализации прав и обязанностей самого гражданина, определяя тем самым степень самостоятельности и автономности от государственных органов. Все правоотношения, складывающиеся в данном правовом поле, должны регулироваться законом, не допуская властеотношений, то есть превышения допустимых полномочий властного субъекта. В этом и состоит основное отличие правового государства от полицейского. Таким образом, в правовом государстве упраздняется вертикаль власти в полицейском смысле, приобретая вид горизонтали. Государственный служащий, чиновник, теперь не может занимать привилегированное положение по отношению к гражданину ввиду того, что оба равны перед законом и судом. Обжалование в суде решения должностных лиц является гарантией соблюдения прав человека и гражданина.

Именно реализация административно-правовых норм является наиболее значимой задачей современного государства, и от этой реализации зависит отношение людей к власти. Воля государства, которая выражается в определенном наборе административно-правовых норм, зафиксированных в нормативных правовых актах, должна обеспечивать реализацию прав и законных интересов человека и гражданина любого государства. Взяв за основу бесценный исторический опыт, накопленный в работах российских и европейских ученых-административистов,

современные законодатели обязаны принимать только те законы, которые затрагивают административную деятельность властных органов, отражают реальные интересы общества, защищают права и свободы человека и гражданина.

Сложным аспектом остается деятельность органов государственной власти, которая зачастую стремится «защитить» свои интересы путем издания противоречивых нормативных правовых актов. Властные структуры регулируют в настоящий момент многие сферы человеческой жизни, начиная с момента рождения, получения документов, ведения предпринимательской деятельности и других. Ввиду обширности полномочий государственных органов на современном этапе следует максимально облегчить процедуры соприкосновения данных структур с гражданами, найти оптимальные пути взаимодействия, не допуская «бюрократических» проволочек и формализма. Очень большую роль в жизни человека играет государственное сопровождение, и результат его личностной оценки эффективности государственного аппарата будет исходить именно из этого.

Еще одним «краеугольным» камнем был и остается институт административной ответственности. Да, бесспорно, от мер государственного принуждения и административной ответственности пока отказаться невозможно, однако результаты говорят о том, что примерно 25 % всех граждан Российской Федерации хотя бы раз в жизни привлекались к административной ответственности. Это констатирует то, что лишь одной ответственностью за совершенные административные правонарушения проблему решить невозможно. Напрашивается вывод о том, что необходимо начинать решение с ее корня. Одними из основных административных правонарушений в нашей стране являются правонарушения в состоянии алкогольного опьянения: распитие алкогольных напитков в обще-

ственных местах; появление в состоянии опьянения в общественных местах; управление транспортными средствами в состоянии опьянения, когда эти нарушения не несут уголовной ответственности. Соответственно, необходимо ужесточить требования к организациям, осуществляющим торговлю алкогольной продукцией, сократить их количество, повысить административные штрафы, вести глобальную антиалкогольную политику на всех уровнях, начиная с образовательных учреждений, в совокупности с пропагандой здорового образа жизни. Это лишь один из примеров к комплексному подходу решения животрепещущих социальных проблем.

Реализация мер ответственности также требует отдельного изучения. После реформы полиции многие «перегибы» в деятельности органов внутренних дел были искоренены, однако, к сожалению, и на сегодняшний день остается возможность у некоторых недобросовестных сотрудников органов внутренних дел использовать свое служебное положение в корыстных целях. С развитием современных технологий возможно постоянно дорабатывать систему непрерывного слежения за деятельностью сотрудников, что сведет к минимуму коррупционные проявления в деятельности полиции и поднимет ее авторитет и общественное доверие.

Рассматривая современное административное право и сравнивая его с полицейским правом или советским административным правом, можно с уверенностью сказать, что человек и гражданин встал на одну ступень с государственным чиновником, равноправным с ним. Появилась возможность оспаривать решения, отстаивать свои законные интересы в судах. Однако хочется верить, что в будущем у чиновника не останется возможности принять заведомо нарушающее права человека решение. Государственные институты, даже с учетом современных реалий, санкцион-

ной политики Запада, кризиса в мировой экономике, не должны существенно ужесточать меры административной ответственности, а искать другие пути решения конкретных проблем.

А. И. Елистратов внес неоценимый вклад в развитие административного права нашей державы. Взяв за источник своей теории полицейское право, он преобразовал его в новый для нашей страны правовой уклад, основой которого стало равенство всех участников управленческих отношений как властвующих субъектов, так и граждан. Ограничив участие государства в частной жизни граждан, Аркадий Иванович закрепил обширный перечень прав и свобод, которыми должны пользоваться все граждане страны вне зависимости от положения, политических взглядов, национальности, вероисповедания и отношения к действующей власти. Все эти неотъемлемые права человека и гражданина закреплены нынешним основным правовым актом страны – Конституцией

РФ. Право личной неприкосновенности, духовного самоопределения, свободного передвижения граждан как внутри страны, так и за ее пределами, собираться мирно, без оружия, для обсуждения политических вопросов, основные экономические права и другие права личности – отныне охраняемы законом в лице государственных органов.

Изучение наследия этого значимого ученого позволит правильно определить направление развития не только административного права в нашей стране, но и всей ее правовой системы, отдавая приоритет правам личности как наивысшей ценности любого государства. Также может плодотворно сказаться не только на деятельности современных ученых-правоведов, но и действующих и будущих сотрудников правоохранительных органов, ведь гуманизм и человеколюбие, пронизывающие все строки, написанные Аркадием Ивановичем Елистратовым, – это то, чего сегодня так недостает нашему обществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стариков Ю. Н. Российское полицейское (административное) право: конец XIX – начало XX века. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1999. 618 с.
2. Дергилева С. Ю. Концепция правового государства А. И. Елистратова // Мир юридической науки. 2013. № 10-11. С. 23–29.
3. Лютиков П. С. Трансформация предмета административного права и его составляющих как сфера объективизации участия юридических лиц: анализ административно-правовой литературы 20–30-х гг. XX века // Административное право и процесс. 2013. № 5. С. 12–17.
4. Овсянников Ю. Н. Идеи полицейстики в советский период развития административно-правовой науки // Управленческое консультирование. 2015. № 4 (76). С. 153–166.
5. Биюшкина Н. И. Социокультурные и экономические функции государства в представлениях зарубежных и отечественных ученых-полицистов // Право и политика. 2018. № 7. С. 11–17.
6. Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. М.: Юрлитинформ, 2017. 376 с.
7. Административное право: учебник / под. ред. Ю. М. Козлова. М.: Юридическая литература, 1968. 575 с.
8. Стариков Ю. Н. Курс общего административного права: в 3 т. История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. М.: Норма, 2002. Т. 1. 728 с.
9. Административное право. Часть первая: учебник / отв. ред. Т. М. Занина. М.: ЦОКР МВД России, 2005. 428 с.
10. Агапов А. Б. Административное право: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2009. 813 с.

11. Миронов А. Н. Административное право: учебник. М.: ФОРУМ, 2010. 304 с.
12. Конин Н. М. Административное право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 448 с.
13. Елистратов А. И. Очерк административного права. М.: Государственное изд-во Военной типографии Штаба РККА, 1922. 236 с.
14. Елистратов А. И. Основные начала административного права. М.: Изд-во Г. А. Лемана, 1914. 337 с.

© Беженцев А. А.
© Ушенин А. А.

УДК 342.924.03:340.65:340.636.2(470)

Р. Ю. КОХАН, заместитель начальника
Управления по контролю за оборотом
наркотиков УМВД России по Псковской
области (г. Псков)

R. YU. KOKHAN, the Deputy head of drug
control Department of the Ministry of Internal
Affairs of Russia in the Pskov region (Pskov)

ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА ПРИМЕНЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ МЕДИЦИНСКОГО ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ НА СОСТОЯНИЕ НАРКОТИЧЕСКОГО ОПЬЯНЕНИЯ

FEATURES OF THE PROCEDURE OF APPLICATION BY POLICE OFFICERS OF MEDICAL EXAMINATION FOR DRUG INTOXICATION

Аннотация. В статье исследуются аспекты процессуального порядка применения сотрудниками полиции медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения. Рассмотрен перечень участников правоотношения в случае медицинского освидетельствования, проводимого в порядке ст. 44 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Показано, что при его проведении должны обеспечиваться не меньшие гарантии прав участников правоотношения, чем это предусмотрено нормами КоАП РФ для случаев медицинского освидетельствования на состояние опьянения, предусмотренного ст.ст. 27.12, 27.12.1 КоАП РФ. Проанализированы основания применения, предложены основы процессуального порядка применения полицией медицинского освидетельствования, предусмотренного ст. 44 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Ключевые слова и словосочетания: медицинское освидетельствование, административные правонарушения, противодействие обороту наркотиков, оборот наркотиков, профилактика потребления наркотиков.

Annotation. The article examines aspects of the procedural procedure for the use by police officers of a medical examination for drug intoxication. The list of participants in the legal relationship in the case of a medical examination carried out in accordance with Art. 44 of the Federal Law of 08.01.1998 No. 3-FZ «On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances» is not directly defined by a single regulatory act. It is shown that during its implementation, no less guarantees should be provided for the rights of participants in the legal relationship than is provided for by the norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation for cases of medical examination for the state of

intoxication provided for by Article 12/27, 12/27/1 Administrative Code of the Russian Federation. The bases of application are analyzed, the foundations of the procedural procedure for the use by the police of a medical examination provided by Art. 44 of the Federal Law of 08.01.1998 No. 3-FZ «On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances».

Keywords and phrases: *medical examination, administrative offenses, counteraction to drug trafficking, drug trafficking, prevention of drug use.*

Вопросы процессуального порядка применения полицией медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения не получили освещения в юридической литературе, что в условиях дефицита методического материала создает предпосылки к отсутствию единообразия правоприменительной деятельности. Достаточно разработанным является процессуальный порядок направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, предусмотренный ст. 27.12 КоАП РФ. Важным нормативным источником является Административный регламент исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения (ст.ст. 233–243, 292–301), утвержденный приказом МВД России от 23.08.2017 № 664 [1] (далее – приказ № 664).

Медицинское освидетельствование, предусмотренное ст. 27.121 КоАП РФ, также является широко используемой мерой обеспечения производства по делу об административных правонарушениях, однако руководящие документы по процедуре направления на данный вид медицинского освидетельствования в системе МВД России отсутствуют.

Еще более сложной представляется ситуация с порядком направления на медицинское освидетельствование, предусмотренное ст. 44 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [2] (далее – ФЗ о наркотических сред-

ствах). Во-первых, отсутствует специальный нормативный акт МВД России, определяющий порядок направления на данный вид освидетельствования. Во-вторых, направление на медицинское освидетельствование не связано с возбуждением дела об административном правонарушении, а перечень субъектов, которые могут быть направлены на освидетельствование, не ограничивается субъектами административной ответственности. Специальным образом нормативными актами не определен их правовой статус. В-третьих, направление на освидетельствование производится при отсутствии законодательно установленных критериев, дающих основание полагать, что лицо потребило наркотическое средство, психотропное вещество, новое потенциально опасное психоактивное вещество, больно наркоманией. В связи с этим актуальной теоретической задачей является изучение всех аспектов процессуального порядка применения сотрудниками полиции медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения: определение участников правоотношения, их правового статуса; определение материальных и процессуальных оснований и непосредственного порядка направления на медицинское освидетельствование.

Одним из первых значимых вопросов, встающих при рассмотрении процессуального порядка, является вопрос об участниках правоотношений, связанных с медицинским освидетельствованием на состояние наркотического опьянения, об их правах и обязанностях. В случае направления на медицинское освидетельствование в порядке, предусмотренном ст.ст. 27.12, 27.121

КоАП РФ, гл. 25 однозначно определяет участников правоотношений, их права и обязанности. Перечень участников правоотношения в случае медицинского освидетельствования, проводимого в порядке ст. 44 ФЗ о наркотических средствах, прямо единым нормативным актом не определен. Определенным базисом в решении данной задачи могут являться два положения. Во-первых, схожесть правовых отношений граждан, сотрудников полиции и медицинских учреждений обуславливает необходимость не меньших гарантий прав участников правоотношения в случае медицинского освидетельствования, чем это предусмотрено нормами КоАП РФ. Во-вторых, производство по делу об административных правонарушениях, направленное на получение доказательств, может осуществляться до возбуждения дела [3, с. 126], в связи с чем, принимая во внимание аргументацию Конституционного Суда РФ в отношении момента возникновения прав участников процесса [4], необходимо «заблаговременное» соблюдение прав предполагаемых участников производства по делам об административных правонарушениях. Таким образом, полагаем, что, как и для медицинского освидетельствования, проводимого в порядке, предусмотренном ст.ст. 27.12 и 27.121 КоАП РФ, участниками правоотношения, предусмотренного ст. 44 ФЗ о наркотических средствах, являются:

а) лицо, направляемое на медицинское освидетельствование. В случае направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения (на основании ст.ст. 27.12, 27.121 КоАП РФ) оно имеет статус лица, в отношении которого ведется производство по делу об административных правонарушениях, – лицо в возрасте старше 16 лет. При направлении на медицинское освидетельствование на основании ст. 44 ФЗ о наркотических средствах возраст лица, физические или психические способности значения не имеют;

б) представители несовершеннолетнего лица или лица, которое лишено возможности самостоятельно реализовывать свои права в силу физического или психического состояния, – его родители, усыновители, опекуны или попечители. Родственные связи или соответствующие полномочия лиц, являющихся законными представителями физического лица, удостоверяются документами, предусмотренными законом. Для медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения несовершеннолетнего лица (как на основании ст.ст. 27.12, 27.121 КоАП РФ, так и ст. 44 ФЗ о наркотических средствах) требуется обязательное участие законных представителей, в том числе в виде письменного согласия на проведение медицинского освидетельствования;

в) понятой. При направлении на медицинское освидетельствование на основании ст.ст. 27.12, 27.121 КоАП РФ обязательно присутствие двух понятых или видеозапись (ст. 25.7 КоАП РФ).

При направлении на медицинское освидетельствование на основании ст. 44 ФЗ о наркотических средствах законодательство не предусматривает в качестве обязательного требования наличие двух незаинтересованных лиц или проведение видеозаписи. Административная практика судов также не акцентирует внимание на необходимости данного инструмента защиты прав лица. Отчасти это объяснимо тем, что, во-первых, для подтверждения признаков наркотического опьянения в значительном числе случаев недостаточно мнения неспециалистов, во-вторых, отсутствует необходимость фиксации признаков наркотического опьянения, поскольку наличие наркотического опьянения не является единственным основанием для направления лица на медицинское освидетельствование. Вместе с тем важными функциями незаинтересованных лиц и видеозаписи, помимо подтверждения признаков опьянения, является удостоверение факта

совершения процессуальных действий, в том числе отказ от освидетельствования. В связи с этим, несмотря на отсутствие прямого требования закона, в случае использования полномочий, представленных ст. 44 ФЗ о наркотических средствах, должны быть предусмотрены гарантии прав лица – наличие двух совершеннолетних незаинтересованных лиц или осуществление видеозаписи. При возбуждении дела об административном правонарушении (по факту потребления наркотических средств или отказа от освидетельствования), а также при обжаловании действий сотрудников полиции при направлении на медицинское освидетельствование присутствовавшие незаинтересованные лица могут быть опрошены в качестве свидетелей;

г) защитник. При направлении на медицинское освидетельствование по основанию, предусмотренному ст.ст. 27.12, 27.121 КоАП РФ, защитник допускается к участию с момента возбуждения дела об административном правонарушении, то есть с момента составления протокола о направлении на медицинское освидетельствование. В аналогичном ключе должна рассматриваться возможность использования лицом адвоката в случае направления лица на медицинское освидетельствование в порядке ст. 44 ФЗ о наркотических средствах. Адвокат дает консультации по правовым вопросам, составляет заявления, жалобы, ходатайства и другие документы правового характера;

д) исследователями обосновывается необходимость рассмотрения в качестве участников процессуальных правоотношений врачей психиатров-наркологов и специалистов химико-токсикологических лабораторий, проводящих медицинское освидетельствование [5, с. 15]. Такой тезис обусловлен фактически имеющимися место трехсторонними правоотношениями в процессе медицинского освидетельствования. В силу принудительного характера медицинского освидетельствования ни сотрудник полиции,

ни освидетельствуемое лицо не вправе ходатайствовать об отводе врача или выборе иного учреждения здравоохранения. Законодательством не предусмотрен самоотвод врача, не принимается во внимание прямая или косвенная заинтересованность в результатах освидетельствования. В то же время необходимо отметить, что права, обязанности и ответственность врача, проводящего освидетельствование, медицинского работника химико-токсикологической лаборатории, регламентированные Трудовым кодексом РФ, дополняются и конкретизируются в документах учреждения здравоохранения: положениях о химико-токсикологической лаборатории, о наркологическом кабинете; трудовых договорах; правилах внутреннего трудового распорядка; должностных регламентах врачей и медицинских работников химико-токсикологической лаборатории и других. В связи с этим представляются избыточными предлагаемые изменения в КоАП РФ, наделяющие врача ответственностью за дачу заведомо ложного заключения при медицинском освидетельствовании лиц на состояние опьянения [6, с. 14].

Чрезвычайно значимым вопросом, оказывающим значительное влияние на правоприменительную деятельность, является вопрос материальных оснований направления лица на медицинское освидетельствование в порядке, предусмотренном ст. 44 ФЗ о наркотических средствах. Как известно, одним, но далеко не единственным материальным основанием для направления на медицинское освидетельствование в порядке, предусмотренном ст.ст. 27.12, и 27.121 КоАП РФ, является наличие достаточных оснований полагать, что лицо находится в состоянии опьянения. При этом критерии, при наличии которых имеются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения, для водителей транспортных средств предусмотрены постановлением

Правительства РФ от 26.06.2008 № 475 «Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствование этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и правил определения наличия наркотических средств и психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством» [7] (далее – постановление Правительства РФ № 475); для лиц, совершивших административные правонарушения, – приказом Минздрава России от 18.12.2015 № 933 «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» [8] (далее – приказ Минздрава № 933н).

Распространенным основанием для направления лица на медицинское освидетельствование является наличие у сотрудника достаточных оснований полагать, что лицо находится в состоянии наркотического опьянения. Однако исчерпывающий перечень критериев наркотического опьянения в законодательстве отсутствует и, по мнению ряда исследователей, не может быть приведен в силу разнообразия воздействия наркотических средств, психотропных веществ [9, с. 81]. В этих условиях при принятии решения о направлении лица на медицинское освидетельствование целесообразно основываться на уже сформулированных для других ситуаций критериях опьянения. Таковыми могли бы быть либо критерии опьянения для водителей транспортных средств, приведенные в постановлении Правительства РФ № 475, либо критерии для лиц, совершивших административные правонарушения, приведенные в прика-

зе Минздрава № 933н. Представляется, что обе группы критериев ориентированы на алкогольное опьянение, в равной степени отображают только косвенные признаки опьянения без учета специфичных признаков наркотического опьянения; их эффективность и достоверность при выявлении наркотического опьянения являются невысокой [10, с. 175]. Это показывает, что вопрос выработки критериев наркотического опьянения как составной части порядка медицинского освидетельствования, предусмотренного ст. 44 ФЗ о наркотических средствах, должен быть решен как можно скорее. До нормативного принятия таких специализированных критериев все-таки представляется более целесообразным использовать группу критериев опьянения, утвержденных приказом Минздрава № 933н, по той причине, что, в отличие от постановления Правительства РФ № 475, данные критерии предназначены для освидетельствования не только водителей транспортных средств.

Другим основанием для направления на медицинское освидетельствование являются сведения о потреблении лицом наркотического средства или психотропного вещества без назначения врача, нового потенциально опасного психоактивного вещества либо сведения о том, что лицо больно наркоманией. Признаки, при наличии которых данные основания являются достаточными, не сформулированы и имеют оценочный характер [11–13]. Однако такие основания не должны быть мнением или информацией, не имеющей документальной формы. Они как минимум должны обладать обязательными характеристиками проверяемости и достоверности – это изъятие у лица вещества, визуально похожего на наркотическое средство, психотропное вещество; изъятие приспособлений для их потребления, характерных упаковок; наличие в средствах связи и компьютерах фотографий наркотических средств, мест и описаний закладок и др. Дей-

ствовавший в МВД России до 2003 года приказ Минздрава СССР, МВД СССР от 20.05.1988 № 402/109 [14] приводил исчерпывающий перечень оснований полагать о потреблении лицом наркотического средства или психотропного вещества без назначения врача.

Наличие на теле человека следов инъекций также должно быть отражено в направлении на освидетельствование в качестве признаков, дающих основания полагать, что лицо потребило наркотические средства, должно приводиться краткое описание их расположения. Любые наблюдаемые признаки необходимо зафиксировать в присутствии двух незаинтересованных лиц (понятых) или с применением фото-, видеозаписи. Документальные сведения о потреблении лицом наркотических средств или о том, что оно больно наркоманией, должны быть оформлены в виде информации из учреждения здравоохранения и справки по результатам оперативно-разыскных мероприятий, которые необходимо неоднократно проверить.

Признаки опьянения, а также сведения, дающие основания полагать, что лицо потребило наркотические средства, психотропные вещества, должны быть отражены в документе о направлении на медицинское освидетельствование. Несоблюдение данного требования является основанием для отмены постановления по делу об административном правонарушении [15; 16].

Практическую значимость имеет вопрос о возможности направления лица на медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения на основании сообщений, поступивших от граждан. По мнению Н. Н. Цуканова, в качестве основания для проведения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения имеет смысл рассматривать обращения граждан [3, с. 19]. Однако в случае наркотического опьянения, мы полагаем, подобный подход в настоящее время неприменим. Оче-

видно, что только одно свидетельство лица, не являющегося специалистом в вопросах наркологии, не может являться достаточным основанием для ограничения права на неприкосновенность. При поступлении такого сообщения должна проводиться ее дополнительная проверка в целях установления иных данных, свидетельствующих о факте потребления наркотических средств.

Недопущению злоупотреблений и повышению законности при направлении на медицинское освидетельствование способствовало бы введение специальной подготовки для сотрудников, впервые принятых на службу по профилю обучения старшего и среднего начальствующего состава, а также выработка и нормативное утверждение перечня достаточных оснований полагать, что лицо больно наркоманией либо потребило наркотическое средство, психотропное вещество без назначения врача либо новое потенциально опасное психоактивное вещество.

Форма и статус документа, посредством которого производится направление на медицинское освидетельствование, однозначным образом не определены, что дезориентирует правоприменительную деятельность. Представляется принципиальным, чтобы документ сотрудника оперативного подразделения, органа дознания, посредством которого лицо направляется в медицинскую организацию по основаниям, предусмотренным ст. 44 ФЗ о наркотических средствах, содержал сведения, предусмотренные протоколом направления на медицинское освидетельствование по ст.ст. 27.12, 27.121 КоАП РФ. В частности, в направлении должны указываться дата, время, место, основания направления на медицинское освидетельствование, должность, фамилия и инициалы сотрудника полиции, сведения о лице, в отношении которого применена данная мера. Направление на медицинское освидетельствование

подписывается сотрудником, его составившим, и лицом, в отношении которого применена данная мера.

Лицо уведомляется под подпись, что в случае отказа от медицинского освидетельствования в отношении него может быть возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренное ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ. Лицу должен быть разъяснен порядок обжалования направления на медицинское освидетельствование, что подтверждается соответствующей записью, отказ от прохождения медицинского освидетельствования удостоверяется подписью лица в направлении. При этом необходимо иметь в виду, что при отсутствии в этот момент незаинтересованных лиц и видеозаписи подтвердить факт отказа лица от медицинского освидетельствования может быть проблематично [17; 18].

В связи с этим необходимым и тактически целесообразным является участие при составлении направления не менее двух незаинтересованных лиц или проведение видеозаписи. Лица, осуществляющие действия по аналогии с действиями понятых в административном процессе (ст. 25.7 КоАП РФ), должны удостоверить своей подписью факт совершения действий сотрудником полиции и лицом, направляемым на освидетельствование, в том числе отказ лица от прохождения освидетельствования либо от подписи в направлении. В отношении лица, направляемого на медицинское освидетельствование, не могут применяться какие-либо меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении (например, личный досмотр, доставление, задержание), также документ о направлении на медицинское освидетельствование должен составляться на месте.

Препровождение лица на медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения не предусматривает принудительности, однако и не означает самостоятельность такого действия: лицо перемещается в учреждение здравоохранения в служебном автомобиле в непосредственном присутствии и под наблюдением сотрудников полиции, такое перемещение ограничено по времени и исключает возможность затягивания времени. Если в результате медицинского освидетельствования состояние опьянения не установлено, лицо препровождается к месту, откуда оно было направлено на освидетельствование.

Допустимость, достоверность и достаточность фактов, изложенных в направлении на медицинское освидетельствование, будут оцениваться при рассмотрении дела об административном правонарушении за отказ от прохождения медицинского освидетельствования. В связи с этим очевидна необходимость внесения дополнений в п. 3 ст. 44 ФЗ о наркотических средствах, предусматривающего единообразие процессуального документа о направлении на медицинское освидетельствование с протоколом направления на медицинское освидетельствование.

Безусловно, приведенные в работе выводы и предложения являются дискуссионными, однако автор с учетом актуальности проблем применения полицией медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения надеется, что они могут послужить хотя бы в качестве материала для критики дальнейшему совершенствованию правоприменительной практики в сфере противодействия немедицинскому потреблению наркотиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства РФ в области безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 23.08.2017 № 664 (в ред. от 21.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
2. О наркотических средствах и психотропных веществах: федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (в ред. от 26.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Цуканов Н. Н. Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях: дис. ... д-ра. юрид. наук. Красноярск, 2012. 380 с.
4. По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 47 и части второй ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П // Российская газета. 2000. 4 июля.
5. Фокин С. А. Освидетельствование на состояние опьянения в механизме административно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012. 26 с.
6. Степкин Р. М., Погорелов И. В. Практика применения меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях «отстранение от управления транспортным средством, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения» сотрудниками госавтоинспекции // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 2. С. 12–18.
7. Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствование этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и правил определения наличия наркотических средств и психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством: постановление Правительства РФ от 26.06.2008 № 475 (в ред. от 04.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
8. О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического): приказ Минздрава России от 18.12.2015 № 933н (в ред. от 25.03.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Клименко Т. В., Козлов А. А., Игонин А. Л., Кулагина Н. Е. Дискуссионные аспекты медицинского освидетельствования на состояние опьянения: алкогольного, наркотического и иного токсического // Вопросы наркологии. 2017. № 11. С. 78–89.
10. Баканов К. С. Перспективы внедрения современных средств диагностики наркотического опьянения в деятельность Госавтоинспекции // Труды Академии Управления МВД России. 2018. № 3. С. 173–178.
11. Постановление Верховного Суда Удмуртской Республики по делу об административном правонарушении от 08.08.2017 № 12-243/2017. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 12.01.2020).
12. Постановление Тамбовского областного суда по делу об административном правонарушении от 05.03.2018 № 4А-52. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 12.01.2020).
13. Постановление суда Еврейской автономной области по делу об административном правонарушении № 4А-15/2017. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 12.01.2020).
14. Об утверждении Инструкции о порядке выявления и учета лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических или других средств, влекущих одурманивание, оформления и направления на принудительное лечение больных наркоманией: приказ Минздрава СССР, МВД СССР от 20.05.1988 № 402/109 (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Самарского областного суда по делу об административном правонарушении № 4А-1066/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 12.01.2020).

16. Постановление Верховного Суда Удмуртской Республики по делу об административном правонарушении № 4А-379/2017. URL: <https://bsr.sudrf.ru/biggs/portal.html> (дата обращения: 12.01.2020).

17. Постановление Ставропольского краевого суда по делу об административном правонарушении № 4А-151/2019. URL: <https://bsr.sudrf.ru/biggs/portal.html> (дата обращения: 12.01.2020).

18. Постановление Ульяновского областного суда по делу об административном правонарушении № 4А-422/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru/biggs/portal.html> (дата обращения: 12.01.2020).

© Кохан Р. Ю.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.122(470)

П. М. ТИТОВ, адъюнкт адъюнктуры
Уральского юридического института
МВД России (г. Екатеринбург)

P. M. TITOV, adjunct of the post-graduate
course of the Ural Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of the Russia
(Yekaterinburg)

ПОТЕРПЕВШИЙ И ЧАСТНЫЙ ОБВИНИТЕЛЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

VICTIM AND PRIVATE ACCUSER IN CRIMINAL PROCEEDING

Аннотация. Важнейшей особенностью дел частного обвинения является то, что иницирование уголовного преследования является исключительной прерогативой потерпевшей стороны. При этом возникает особый участник уголовного судопроизводства – частный обвинитель, наделенный специфическими правами и обязанностями. В статье автором рассматриваются случаи, при которых частным обвинителем выступает лицо, не являющееся потерпевшим, анализируются и разрешаются коллизии уголовно-процессуального закона. Также систематизируются процессуальные права частного обвинителя, отличающиеся от процессуальных прав потерпевшего.

Ключевые слова и словосочетания: уголовное судопроизводство, уголовное преследование, мировой судья, процессуальный статус, частное обвинение, частный обвинитель, потерпевший, доказывание.

Annotation. The most important feature of private prosecution cases is that initiation of criminal proceedings is an exclusive prerogative of the injured party. At the same time, there is a special participant in criminal proceedings – a private prosecutor with specific rights and obligations. The article deals with cases in which private prosecutor is a person who is not a victim, conflicts of criminal procedure law are analyzed and resolved. The procedural rights of a private prosecutor, which differ from the procedural rights of the victim, are also systematized.

Keywords and phrases: criminal proceedings, criminal prosecution, justice of the peace, procedural status, private prosecution, a private prosecutor, victim, proof.

Уголовное судопроизводство в Российской Федерации в целом носит публичный характер. Это предполагает, что уголовное дело возбуждается по факту совершения преступления независимо от усмотрения и желания потерпевшего. Расследование уголовного дела осуществляется не потерпевшим, а специальными компетентными органами, которые принимают решение по делу исходя из собранных доказательств и установленных обстоятельств. Публичность является имманентным свойством уголовного судопроизводства, которое в социально-политическом аспекте представляет собой реакцию государства на преступление. Именно поэтому уголовный процесс в целом не может быть частным.

Вместе с тем из общего правила имеются исключения – уголовные дела так называемого частного обвинения, возбуждаемые не иначе как по заявлению заявителя до приобретения статуса потерпевшего. Несмотря на то, что УПК РФ не содержит определения частного обвинения, в научной среде достигнуто единство мнений по поводу данной дефиниции. Наиболее полно рассматриваемое понятие сформулировал О. А. Тарнавский, с точки зрения которого частное обвинение – «это деятельность частного лица, пострадавшего от преступления, которая заключается в официальном обращении в мировой суд с требованием о привлечении к уголовной ответственности лица, виновного в причинении ему вреда, в предоставлении суду доказательств совершения в отношении его преступного деяния, которые изобличат в этом виновное лицо, а также поддержании обвинения в суде» [1, с. 117]. Таким образом, частное обвинение представляет собой деятельность пострадавшего от преступления, которая направлена на восстановление его прав и законных интересов. Именно такая категория дел характеризуется существенными особенностями процессуального порядка, их рассмотрения и разрешения. Эти осо-

бенности касаются и статуса участников судопроизводства, в частности, потерпевшего и частного обвинителя.

Целью настоящего исследования является выработка теоретической модели построения субъектного состава со стороны обвинения по делам частного обвинения. Для этого необходимо решить следующие задачи: установить субъектов, представляющих сторону обвинения по делам рассматриваемой категории; определить лиц, которые могут стать потерпевшим и частным обвинителем; выявить специфические процессуальные права частного обвинителя.

Специфика субъектного состава со стороны обвинения по делам частного обвинения обуславливается правовой природой таких дел. В материально-правовом аспекте это проявляется в добровольности привлечения виновного к уголовной ответственности и максимально возможной степени реализации диспозитивного начала. В процессуальном аспекте специфика субъектов, представляющих сторону обвинения, проявляется в самостоятельности сбора пострадавшим от преступления лицом доказательств, выдвижении и поддержании обвинения.

Обязательным участником производства по делам частного обвинения выступает потерпевший. Во-первых, все составы преступлений, отнесенные в настоящий момент к частному обвинению, связаны с посягательством на конкретного потерпевшего, причем преимущественно на его личные интересы. Во-вторых, частное обвинение предполагает обязательное наличие заявления потерпевшего, которое выступает одновременно поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, а также играет роль обвинительного акта.

«Исходя из буквы закона, в делах частного обвинения лицо, которому преступлением причинен вред, может быть официально признано потерпевшим только в том случае, когда им подано заявление о привлечении виновного

к уголовной ответственности» [2, с. 8]. Данное правило обусловлено правовой природой указанной категории дел, по которым уголовное преследование производится исключительно по инициативе потерпевшего. Из этого следует, что даже при установлении факта причинения вреда преступлением, отнесенным к категории дел частного обвинения, если при этом соответствующее лицо по каким-либо обстоятельствам не обратилось с заявлением о возбуждении уголовного дела, правоприменительный орган не имеет права признать данное лицо потерпевшим и произвести расследование. Однако по делу частного обвинения сторона обвинения представлена не только потерпевшим, но и специфическим участником – частным обвинителем, существующим только по рассматриваемой категории дел. «Если уголовное дело в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ, возбуждается и расследуется в общем порядке, лицо, против которого совершено соответствующее преступление, приобретает процессуальный статус не частного обвинителя, а потерпевшего» [3, с. 55].

Возникновение частного обвинителя в уголовно-процессуальном законодательстве стало возможным в результате усиления принципа состязательности в уголовном процессе. Законодатель сконструировал производство по делам частного обвинения таким образом, что основная роль в осуществлении уголовного преследования и доказывании принадлежит именно лицу, пострадавшему от преступления. Если в УПК РСФСР от потерпевшего зависело только принятие решения о начале и прекращении уголовного преследования, то действующий уголовно-процессуальный закон возлагает на потерпевшего и обязанности по доказыванию. Именно поэтому процессуальных полномочий, имеющих у потерпевшего, недостаточно для выполнения соответствующим лицом полномочий по осуществлению уголовного преследования.

Проблема соотношения процессуальных статусов потерпевшего и частного обвинителя на теоретическом уровне проанализирована не в полной мере, на что справедливо обращается внимание в научной литературе [4, с. 8]. В частности, дискуссионным остается вопрос о том, когда частным обвинителем может быть признано лицо, не являющееся потерпевшим. При этом данная проблема представляет значительную актуальность как в теоретическом, так и в практическом плане. Можно выделить два аспекта этой проблемы.

Первый аспект состоит в том, что частный обвинитель и потерпевший могут как сочетаться в одном лице, так и быть разными лицами. Для дел публичного обвинения, предполагающих разделение и несовместимость процессуальных статусов, подобная конструкция в целом нехарактерна. Например, потерпевший с процессуальной точки зрения не может быть одновременно свидетелем, а статус свидетеля несовместим со статусом никакого другого участника уголовного судопроизводства.

Главным и основным правилом по делам частного обвинения является то, что частным обвинителем выступает потерпевший. Признание в качестве частного обвинителя других лиц должно допускаться только в отдельных случаях, прямо вытекающих из положений уголовно-процессуального законодательства. Иное противоречило бы самой природе частного обвинения, в рамках которого уголовное преследование осуществляется по инициативе лица, пострадавшего от преступления.

Вместе с тем в науке справедливо обращается внимание на то, что понятие «частный обвинитель» шире, чем потерпевший, поскольку частным обвинителем может выступать не только потерпевший, но и другие указанные в УПК РФ лица [5, с. 52]. Так, если потерпевшим является лицо, которому в силу преступных действий причинен физи-

ческий, имущественный или моральный вред, то частному обвинителю вред может и не причиняться в случаях, когда частный обвинитель в соответствии с законом действует в интересах пострадавшего от преступления лица. В делах публичного обвинения подобный механизм имеет место при представительстве, в частности, законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), потерпевшего или свидетеля может одновременно допрашиваться в качестве свидетеля.

Очевидно, что весьма схожая конструкция создана законодателем в делах частного обвинения. УПК РФ содержит два несколько отличающихся друг от друга понятия частного обвинителя. Так, в ч. 1 ст. 43 УПК РФ частный обвинитель определяется как лицо, подавшее заявление в суд по уголовному делу частного обвинения в установленном порядке и поддерживающее обвинение в суде. Иными словами, указанная норма относит к частному обвинителю только потерпевшего при условии подачи им заявления. В то же время согласно п. 59 ст. 5 УПК РФ частный обвинитель – это потерпевший, а также его законный представитель или представитель. То есть в соответствии с этой нормой частным обвинителем может выступать не только потерпевший, но и его представители. Эти несоответствия отмечены процессуалистами [6]. По мнению В. П. Божьева, «обретение лицом, пострадавшим от преступления, процессуального статуса частного обвинителя нельзя связывать с подачей заявления. Неслучайно в законе подчеркнуто, что лицо, подавшее заявление, является частным обвинителем с момента принятия этого заявления судом к своему производству. Видимо сознавая неудачную попытку формирования в рамках ст. 43 УПК РФ нормативно-правовой базы для определения понятия «частный обвинитель», разработчики последней версии УПК РФ сделали попытку в ст. 5 УПК РФ компен-

сировать вышеуказанный недостаток. Хотя эта формула далеко небезупречна, можно отметить присутствующий здесь позитивный момент: стремление связать понятие частного обвинителя с общим понятием потерпевшего» [7, с. 8].

Решать коллизию необходимо прежде всего путем системного анализа положений законодательства и теоретических представлений о делах частного обвинения. Различия между ч. 1 ст. 43 и п. 59 ст. 5 УПК РФ обусловлены не принципиальной разницей в трактовке понимания частного обвинителя, а в том, что п. 59 ст. 5 УПК РФ характеризует частного обвинителя с точки зрения субъектного состава, а ч. 1 ст. 43 УПК РФ – исходя из характера осуществляемой им деятельности по делу частного обвинения. Так, частным обвинителем может быть признан не только потерпевший, но и его законный представитель или представитель, однако только в случаях, когда сам потерпевший объективно затрудняется в составлении и подаче заявления, при этом нет оснований для осуществления уголовного преследования в публичном порядке (например, потерпевший является несовершеннолетним, однако не имеет серьезной зависимости от виновного).

В п. 59 ст. 5 УПК РФ сказано, что частным обвинителем может быть потерпевший, его законный представитель или представитель. В то же время в соответствии с ч. 1 ст. 45 УПК РФ представителем частного обвинителя может быть адвокат, а представителем потерпевшего – один из его близких родственников. Для этого достаточно волеизъявления потерпевшего, выраженного в ходатайстве. По закону близкий родственник может быть представителем только потерпевшего, но не частного обвинителя. Однако Пленум Верховного Суда РФ, интерпретируя в пределах своих полномочий норму УПК РФ, разрешает привлекать близкого родственника в качестве представителя частного обвинителя (абз. 1 п. 7 постановления Пленума Вер-

ховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»). Вместе с тем неясно, как быть в случаях, если согласно п. 59 ст. 5 УПК РФ частным обвинителем будет признан представитель потерпевшего (адвокат или иное лицо, кроме близкого родственника). Очевидно, что представитель может участвовать в доказывании и подготовке документов для частного обвинителя, но не вправе принимать решения, связанные с судьбой уголовного преследования. Иными словами, частный обвинитель, являющийся представителем потерпевшего, не правомочен осуществлять примирение с обвиняемым и требовать после этого прекращения уголовного преследования по соответствующему основанию. Данный вывод базируется на природе частного обвинения, в рамках которого исключительное право инициирования привлечения к уголовной ответственности предоставляется лицу, пострадавшему от преступления. Соответственно, достичь примирения с обвиняемым может только это лицо. Представителю вред преступными действиями не причиняется, поэтому и примирения между ним и обвиняемым произойти не может. Иное толкование закона приводило бы к тому, что ключевое решение по уголовному делу принималось бы не в соответствии с волей потерпевшего.

Несколько другой подход должен быть к случаям, когда частным обвинителем выступает законный представитель потерпевшего, то есть его близкий родственник. Очевидно, что социальная связь между родственником и потерпевшим принципиально иная, чем между потерпевшим и лицом, осуществляющим представительские функции на договорной основе. Очевидно и то, что законный представитель может наделяться статусом частного обвинителя только тогда, когда сам потерпевший не в состоянии выдвигать обвинение и

осуществлять уголовное преследование. Иное приводило бы к возможности параллельного производства по одному и тому же факту – по инициативе потерпевшего и его законного представителя, причем зачастую с противоположными подходами по вопросу примирения. В частности, несовпадение в одном лице потерпевшего и частного обвинителя может иметь место, когда потерпевший является несовершеннолетним. В такой ситуации фактически потерпевшим выступать будет лицо, которому причинен вред преступлением, а процессуальным статусом частного обвинителя наделяется его законный представитель (как правило, родитель).

Однако признание того, что частным обвинителем может признаваться законный представитель или представитель потерпевшего, порождает следующий вопрос: «Одинаков ли объем процессуальных прав частного обвинителя – законного представителя и частного обвинителя – представителя потерпевшего?». С учетом разницы социальной связи между потерпевшим и законным представителем либо представителем, очевидно, что законный представитель в качестве частного обвинителя вправе инициировать уголовное преследование, а представитель такими полномочиями не наделен, он может только участвовать в собирании доказательств и формулировании обвинения.

Представляется, что для уточнения указанных моментов достаточно научно-концептуального обоснования, а не внесения изменений в текст уголовно-процессуального закона, поскольку анализируемые вопросы представляют толкование права. Вместе с тем на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ целесообразно дать следующие разъяснения:

1. По уголовным делам частного обвинения право инициирования уголовного преследования принадлежит потерпевшему, а в исключительных случаях, когда

потерпевший не в состоянии осуществить это, – его законному представителю.

2. Представитель потерпевшего может стать частным обвинителем по поручению потерпевшего, при этом представитель потерпевшего, признанный частным обвинителем, вправе принимать участие в доказывании, однако не может заявлять о примирении с обвиняемым и требовать на основании этого прекращения уголовного преследования.

Второй аспект анализируемой проблемы – это определенная разница в процессуальных правах потерпевшего и частного обвинителя. Исходя из содержания ч. 1 ст. 43 УПК РФ, в самом общем виде частный обвинитель выполняет два основных действия: 1) подача заявления, которое по делам частного обвинения является единственным поводом для возбуждения уголовного дела; 2) поддержание обвинения в суде. Очевидно, что данный перечень направлений деятельности частного обвинителя является не совсем полным. Правильнее говорить о том, что частный обвинитель осуществляет в отношении обвиняемого уголовное преследование, которое не сводится только к выступлению в судебном заседании.

В процессе осуществления уголовного преследования частный обвинитель имеет определенные права:

1. Подавать заявление о возбуждении уголовного дела. С формальной точки зрения подача заявления пострадавшим от преступления лицом или его представителем осуществляется в тот момент, когда он не наделен статусом частного обвинителя. Статус частного обвинителя начинает распространяться на этого субъекта постфактум, после того, как мировой судья делает вывод о том, что имеются основания для возбуждения уголовного дела и принятия его к своему производству. Следует различать момент подачи заявления и его принятия мировым судьей к своему производству. Заявление потерпевшего считается поданным с того времени,

как оно будет зарегистрировано в установленном порядке в канцелярии суда [8, с. 118]. При этом мировой судья обязан принять заявление к производству, если в заявлении имеются все предусмотренные законом реквизиты. Исходя из этого, именно частный обвинитель возбуждает уголовное преследование путем подачи заявления. Если по делам публичного обвинения подача заявления – не более чем сигнал о преступлении, содержащий фактически данные об обстоятельствах деяния, то в делах частного обвинения в заявлении, помимо сведений о преступлении, важно также волеизъявление потерпевшего об осуществлении уголовного преследования.

2. Определять предмет и пределы уголовного преследования по делу. В заявлении должны быть в обязательном порядке указаны сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, в соответствии со ст. 73 УПК РФ.

3. Собирать доказательства путем личного получения информации и предоставления ее мировому судье. Сбор доказательств должен осуществляться не запрещенными законом способами. Для помощи в данной деятельности и обеспечения данного права он вправе обратиться к частно-детективным структурам согласно п. 7 ст. 3 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», а также возбудить перед мировым судьей ходатайство об оказании содействия в сборе доказательств.

4. Поддерживать обвинение в судебном заседании.

В качестве итога необходимо отметить, что по общему правилу частным обвинителем становится потерпевший – лицо, которое непосредственно пострадало от нанесенного вреда от преступления. Лицо, не являющееся потерпевшим, признается частным обвинителем только тогда, когда потерпевший не может по объективным причинам

осуществлять уголовное преследование в полном объеме, однако при этом отсутствуют основания для начала публичного уголовного преследования, зафиксированные в ч. 4 ст. 20 УПК РФ. В отмеченных случаях частным обвинителем выступает законный представитель или представитель потерпевшего.

С точки зрения объема процессуальных прав, частный обвинитель является более активным участником уголовного процесса в сравнении с потерпевшим. В отличие от потерпевшего, частный обвинитель определяет судьбу уголовного преследования и имеет права, которыми потерпевший не наделен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Л. А. Публичность как основание уголовно-процессуального права. М.: Юрлитинформ, 2007. 144 с.
2. Стельмах В. Ю., Титов П. М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Правоохранительные органы: теория и практика. 2015. № 2. С. 5–10.
3. Уголовный процесс: учебник / под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. М.: Волтерс Клувер, 2011. 1056 с.
4. Дорошков В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М.: НОРМА, 2004. 320 с.
5. Воронин В. В. Становление, особенности и проблемы российского судопроизводства по делам частного обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2001. 206 с.
6. Соболев М. В. Производство по уголовным делам частного обвинения в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.
7. Божьев В. П. Частный обвинитель // Законность. 2008. № 7. С. 8–11.
8. Тарнавский О. А. Частное обвинение в Российском судопроизводстве // Вестник Владимирского института. 2011. № 2 (19). С. 117–120.

© Титов П. М.

УДК 343.155(470)

И. В. ШЕПЕЛИН, соискатель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Москва)

I. V. SHEPELIN, applicant of the Chair of criminal procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia named after V. Ya. Kikot (Moscow)

ЖАЛОБА КАК ВИД ОБРАЩЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

A COMPLAINT AS A FORM OF APPEAL IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье анализируются концептуальные и правовые проблемы, касающиеся формирования дефиниции, констатации юридических свойств и законодательного удостоверения жалобы в уголовном судопроизводстве. Автор исходит из того, что институт обжалования обладает в уголовном процессе особой значимостью. По мнению автора, это обусловлено тем, что указанный институт является действенным средством защиты прав и законных интересов личности, возведенным в ранг принципа уголовного судопроизводства. Исходя из понимания жалобы как обращения, имеющего не только ретроспективную, но и перспективную природу, предлагается критически относиться к ее трактовкам исключительно в качестве реакции (противодействия, возражения, несогласия) на уже принятое решение. Кроме того, проводится анализ различных толкований рассматриваемого понятия, его признаков, дается авторская формулировка.

Ключевые слова и словосочетания: жалоба, доступ к правосудию, личный интерес, защищаемый интерес, представляемый интерес, потерпевший, обвиняемый, следователь, дознаватель, прокурор, суд, процессуальные действия.

Annotation. The article analyzes the conceptual and legal problems related to the formation of a definition, a statement of legal properties and legislative certification of a complaint in criminal proceedings. The author proceeds from the fact that the institution of appeal has special significance in criminal proceedings. According to the author, this is due to the fact that this institution is an effective means of protecting the rights and legitimate interests of the individual, elevated to the rank of a principle of criminal proceedings. Based on the understanding of the complaint as an appeal, which has not only a retrospective, but also a promising nature, it is proposed to critically treat its interpretations solely as a reaction (opposition, objection, disagreement) to an already adopted decision. In addition, an analysis of various interpretations of the analyzed concept is carried out, an analysis of its characteristics is given, the author's wording is given.

Keywords and phrases: complaint, access to justice, personal interest, defended interest, interest protected, victim, accused, investigator, investigator, Prosecutor, court, procedural actions.

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [1], утвердившая человека, его права и свободы в качестве высшей ценности, а признание, соблюдение и защиту его прав – обязанностью государства (ст. 2), содержит положение о праве каждого на обжалование действий

(или бездействия), прежде всего органов государственной власти, вплоть до обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ст. 46). Особой значимостью институт обжалования обладает в уголовном судопро-

производстве, и по этой причине к нему обращаются как его участники, так и иные лица, чтобы осуществить свои права и законные интересы на любой стадии уголовного процесса [2, с. 22].

Логическим продолжением приведенных конституционных предписаний по праву может быть названо право на обжалование процессуальных действий и решений, позиционируемое в ст. 19 УПК РФ [3] в качестве принципа уголовного судопроизводства. При этом каждый осужденный имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном главами 45.1, 47.1, 48.1 и 49 УПК РФ (ч. 2 ст. 19), и одним из оснований подобного пересмотра является жалоба, поданная осужденным.

Порядок рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства урегулирован в гл. 16 УПК РФ «Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство». При признании жалобы действенным средством защиты прав личности в уголовном судопроизводстве законодатель непредусмотрительно устранился от официального закрепления этого понятия в ст. 5 УПК РФ, создав тем самым простор для научных изысканий и авторских трактовок дефиниции этого понятия.

Следует отметить, что для констатации жалобы в качестве процессуального обращения и средства защиты права (а иногда и восстановления нарушенного) важно обратить внимание на следующие обстоятельства: совершены ли обжалуемые действия в сфере применения норм уголовно-процессуального закона; могут ли обжалуемые действия затруднить доступ граждан к правосудию [4, с. 148]; имеются ли такие последствия, «как причинение ущерба конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднение доступа граждан к правосудию обжалуемым действием (бездействием) или решением» [5, с. 389].

Современными учеными, совмещающими научную деятельность с практикой, выдвигается тезис о том, что суть жалобы в уголовном судопроизводстве в восстановлении нарушенного права и защите от злоупотребления правом. Последнее допускается следователями, дознавателями и даже судьями при формальном следовании закону, но без учета фактических обстоятельств дела или данных о личности обвиняемого, реже – потерпевшего [6, с. 203]. Жалоба всегда обращена в прошлое, она «призывает» устранить возможные (мнимые или реальные – в этом предстоит разобраться должностному лицу или суду, рассматривающему и оценивающему доводы, изложенные в жалобе) нарушения уголовно-процессуального закона, изменить существующее положение в позитивном направлении.

О. В. Максимов характеризует жалобу как процессуальную форму выражения просьбы участника уголовного судопроизводства или иного лица прокурору или в суд об отмене или пересмотре процессуального решения, ограничивающего права, законные интересы заявителя, или о восстановлении прав заявителя, нарушенных действиями (бездействием) органа, ведущего производство по делу [7, с. 11]. В речевом акте жалобы подавшее ее лицо «выражает свое чувство недовольства по какому-либо поводу с намерением оказать воздействие на адресата для того, чтобы тот понял эмоциональное состояние жалующегося» [8, с. 9].

М. И. Уваров обращает внимание на такое общепринятое свойство жалобы, приносимой в уголовном судопроизводстве на любых его стадиях, как направленность на защиту не только личного, но и защищаемого, а также представляемого интереса [9, с. 6]. В указанных истолкованиях анализируемого понятия усматривается сфокусированность внимания на порочности уголовного судопроизводства, которая привела или может привести к принятию незаконно-

го, необоснованного и несправедливого процессуального решения, ограничивающего права заявителя, несмотря на допустимый принудительно-властный (пусть и вынужденный) характер производства по уголовному делу.

Исходя из понимания жалобы как обращения, имеющего не только ретроспективную, но и перспективную природу, следует критически относиться к ее трактовкам исключительно в качестве реакции (противодействия, возражения, несогласия) на уже принятое решение. В частности, с таких позиций определяет жалобу в уголовном процессе А. Р. Туманянц [10, с. 206]. Публичный характер уголовного процесса не исключает, а, наоборот, предполагает разумный баланс интересов государства и личности. При этом прерогатива отдается именно ей, поскольку государство вообще не упоминается в числе субъектов, на защиту прав и законных интересов ориентировано обозначенное назначение. Истоки такого подхода к целеполаганию в уголовном судопроизводстве следует искать в международном праве.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод, заключенная в Риме 4 ноября 1950 г. [11], указывает в качестве целей учреждения Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) обеспечение соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися сторонами (ст. 19), т. е. обеспечение каждому, находящемуся под их юрисдикцией, прав и свобод, указанных в разделе I Европейской конвенции (ст. 1). ЕСПЧ в своих решениях неоднократно указывал на необходимость «уделить внимание установлению справедливого равновесия между спорными интересами личности и всего общества» [12]. Уравновешивание же этих позиций наглядно демонстрируется на внимании и надлежащем отношении государства к лицам, вовлеченным в сферу уголовного судопроизводства, их жалобам, ходатайствам и иным обращениям.

Особое место в уголовном судопроизводстве занимают жалобы, поданные участниками, наделенными полномочиями по осуществлению следственных и процессуальных действий. В этом случае они не только способствуют защите прав лиц, вовлеченных в сферу производства по уголовному делу, но и обеспечивают беспрепятственное исполнение обязанностей управомоченными субъектами уголовно-процессуальных отношений, с которых, в конечном итоге, будет особый спрос за результаты расследования уголовного дела. К примеру, следователь закон наделил полномочиями обжаловать действия и решения прокурора, в том числе в целях реализации его процессуальной самостоятельности. Так, в уголовно-процессуальном законе закреплено, что следователь вправе обжаловать с согласия руководителя следственного органа в порядке, установленном ч. 4 ст. 221 УПК РФ, решение прокурора об отмене постановления возбуждения уголовного дела, о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения, квалификации действий обвиняемых либо пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков (п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ).

В случае несогласия с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, следователь обязан предоставить свои письменные возражения руководителю следственного органа, который информирует об этом прокурора (ч. 3 ст. 38 УПК РФ). Согласно ч. 3 ст. 39 УПК РФ указания руководителя следственного органа даются следователю в письменном виде и обязательны для исполнения. Вместе с тем эти указания следователь может обжаловать руководителю вышестоящего следственного органа.

Для отдельных категорий жалоб на действия дознавателя, следователя, ру-

ководителя следственного органа или прокурора предусмотрен особый (исключительно судебный) порядок подачи и рассмотрения (ст. 125.1 УПК РФ). Анализ мнений ученых и следование логике уголовно-процессуального закона позволяет определить следующие признаки жалобы в уголовном судопроизводстве:

- а) жалоба – вид обращения;
- б) жалоба адресована прокурору, руководителю следственного органа, суду;
- в) по содержательной природе жалоба – требование;
- г) предмет жалобы – действия (бездействия) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда, которые затрагивают права и законные интересы участников уголовного судопроизводства;
- д) субъект права на подачу жалобы – участник уголовного судопроизводства или иное лицо, чьи права и законные интересы затронуты в уголовном судопроизводстве;
- е) содержание жалобы определяется субъективным убеждением лица о том, что его право нарушено, оспорено, поставлено под сомнение, не обеспечено надлежащим образом, проигнорировано и т. п. должностными лицами, обязанными осуществлять защиту этого права;
- ж) по жалобе уголовно-процессуальным законом предусмотрена особая, ускоренная процедура производства.

На основе приведенных признаков можно сформулировать определение

жалобы следующим образом: «Жалоба в досудебном уголовном судопроизводстве – поданное в письменном виде обращение, адресованное прокурору, руководителю следственного органа или суду, содержащее требование об отмене или изменении постановления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иных решений и прекращения действий (бездействия) дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда, способных причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию».

Приведенной дефиницией жалобы предлагается дополнить ст. 5 УПК РФ, обозначив это нововведение пунктом 9.1. Во избежание разночтений при определении перечня должностных лиц и органов, в который может быть подана жалоба, рекомендуется внести дополнение в ч. 2 ст. 125 УПК РФ, изложив ее в предлагаемой редакции: «2. Жалоба может быть подана в суд заявителем, его защитником, законным представителем или представителем непосредственно либо через дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, следователя, следователя-криминалиста, руководителя следственного органа или прокурора».

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 21.07.2014)) // Собрание законодательства РФ. 2014. Ст. 4398.
2. Лугинец Э. Ф. «Процессуальная свобода» в реализации правового института реализации правового института ходатайств и жалоб в уголовном судопроизводстве // Юристы-Правоведы. 2018. № 1. С. 22–26.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 11.10.2018) // Российская газета. 2001. № 249. 22 декабря.

4. Калмычок Е. В. Участие прокурора в рассмотрении судом жалоб на действия и решения должностных лиц, осуществляющих досудебное уголовное судопроизводство // Современные проблемы развития образования и науки: сборник материалов Всероссийской молодежной научно-практической конференции, посвященной 80-летию ДВШУПС (Хабаровск–Южно-Сахалинск, 10–11 ноября 2017 г.) / под ред. С. Е. Туркулец, Е. В. Листопадовой. Хабаровск: ДВГУПС, 2017. С. 146–149.

5. Смолькова И. Р., Вилкова Т. Ю., Мазюк Р. В., Насонов С. А., Нечипоренко А. А. Перспективы совершенствования судебной защиты в российском уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 3. С. 387–395.

6. Тутикова И. А. О роли жалобы в уголовном судопроизводстве России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2. С. 202–203.

7. Максимов О. А. Правовой институт ходатайств и жалоб на досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации как способ защиты прав граждан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 223 с.

8. Липко Ю. Г. Коммуникативно-прагматические аспекты дискурса жалобы в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 167 с.

9. Усаров М. И. Право на жалобу как принцип уголовного процесса и средство защиты прав несовершеннолетних обвиняемых и потерпевших в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 178 с.

10. Туманянц А. Р. Жалоба как правовое средство защиты прав и интересов лица на досудебных стадиях уголовного процесса // Проблемы законности. 2012. № 119. С. 228–237.

11. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.10.1950, ETS 005 (с изм. и доп. в ред. от 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

12. Дело «Сильвестер против Австрии». Жалоба №№ 36812/97, 40104/98: постановление ЕСПЧ от 24.04.2003 // СПС «КонсультантПлюс».

© Шепелин И. В.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО**

УДК 347.626.2

Н. И. БАТУРИНА, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Волгоград)

N. I. BATURINA, Deputy Head of the Chair of civil law disciplines of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, associate professor (Volgograd)

Н. В. КОТЕЛЬНИКОВ, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Волгоград)

N. V. KOTELNIKOV, Head of the Chair of civil law disciplines of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Candidate of Law, associate professor (Volgograd)

**РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СУПРУГАМИ
БРАЧНЫМ ДОГОВОРОМ**

**REGULATION OF FAMILY RELATIONS BETWEEN SPOUSES
WITH A MARRIAGE CONTRACT**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования семейных отношений между супругами, осуществляемого посредством заключения брачного договора. Исследуются современные положения доктрины семейного права и нормы действующего семейного законодательства, определяющие предмет и содержание брачного договора. Изучается взаимосвязь имущественных и личных неимущественных отношений между супругами и возможность их регламентации нормами, установленными соглашением супругов, выраженным в брачном договоре. На основе проведенного исследования семейных отношений, результатов анализа тенденций развития отечественного законодательства, а также изучения зарубежного опыта правового регулирования семейных отношений в некоторых иностранных государствах обосновывается вывод о допустимости внесения изменений в семейное законодательство, предусматривающих возможность включения в брачный договор условий, регулирующих некоторые личные неимущественные отношения между супругами.

Ключевые слова и словосочетания: супруги, семейные правоотношения, семейное право, брачный договор, имущественные отношения супругов, неимущественные отношения супругов.

Annotation. The article deals with the peculiarities of the legal regulation of family relations between spouses, carried out through the conclusion of a marriage contract. Modern provisions of the doctrine of the family law and the norms of the current family legislation determining the subject and the contents of the marriage contract are investigated. Besides, we study the interrelation of property and personal non-property relations between spouses and the possibility of their regulation by the norms,

established by the agreement between the spouses expressed in the marriage contract. The conclusion on the admissibility of amendments to the legislation is substantiated, based on the study of the family relations, the results of the analysis of the tendencies in the development of the domestic legislation, as well as the study of the foreign experience in the legal regulation of the family relations in some foreign countries. These amendments provide for the opportunity of inclusion in the marriage contract of conditions regulating some personal non-property relations between spouses.

Keywords and phrases: *spouses, family relations, family law, marriage contract, property relations of spouses, non-property relations of spouses.*

Регулирование имущественных отношений между супругами с помощью брачного договора стало не столь новым для российского общества. По данным Министерства юстиции РФ, количество заключенных брачных договоров на территории Российской Федерации за последние четыре года значительно возросло. Так, например, в 2018 году – это 110 тысяч брачных договоров [1], а в 2014 году их было значительно меньше – чуть больше 40 тысяч [2]. Причины, по которым количество брачных договоров растет, самые разнообразные: для приобретения жилья по ипотеке, в качестве обеспечения исполнения обязательства перед банком в той ситуации, когда один из супругов не имеет постоянного заработка, а кредитные обязательства возлагаются на другого работающего супруга, признанного единственным собственником ипотечного жилья; для имущественной стабильности на случай расторжения брака, предъявления требований кредиторов по личным обязательствам одного из супругов или смерти одного из них; дань моде и иные предпосылки. Однако основной целью заключения брачного договора, которую преследуют граждане, является защита их имущественных прав как в статусе супругов, так и бывших супругов.

Активный интерес к брачному договору за последнее время наблюдается не только среди общественности, но и со стороны законодателя. Для совершенствования гражданского оборота в России, защиты прав граждан, являющихся участниками сделок и имеющих статус супруга или бывшего супруга, пред-

усмотрено ведение нотариусами реестра брачных договоров с 1 июля 2014 года. В Федеральной нотариальной палате содержится вся информация о брачных договорах, заключенных на территории России, а также сведения о внесении в них изменений или расторжении. Получение информации о наличии у лица заключенного им брачного договора или его отсутствие осуществляется через нотариуса. Благодаря такому реестру могут предупреждаться мошеннические действия брачных аферистов, исключается возможность утаивания информации пережившим супругом о наличии такого договора при наследственных отношениях, гарантируется защита имущественных интересов кредиторов и граждан, вступающих или вступивших в брак с лицом, ранее состоявшим в браке. Кроме того, Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» [3] акцентировал внимание на брачном договоре как единственном юридическом факте, который позволяет изменить законный режим имущества супругов, а именно на долевой, совместный или раздельный режим собственности, как на все имущество супругов, так и его части. Отмеченные изменения законодательства исключили существовавшую ранее возможность урегулирования рассматриваемых отношений гражданско-правовым договором.

Исходя из содержания норм гражданского и семейного законодательства, брачным договором могут быть урегулированы только имущественные отно-

шения между супругами (бывшими супругами), которые могут охватывать не только моменты изменения законного режима имущества супругов, но и наступления правовых обязанностей имущественного характера. Соответственно, личные неимущественные отношения между сторонами брачного договора остаются за пределами его регулирования, что при несоблюдении данного требования приводит к признанию брачного договора недействительным на основании норм семейного права.

Однако не следует забывать, что для семейных правоотношений, в отличие от гражданских, первоочередное и доминирующее значение отводится личным неимущественным отношениям, являющимся основным содержанием предмета семейного права, от которых напрямую зависят многие имущественные отношения членов семьи. Именно данный признак как один из основных отличительных способствует обособлению семейного права от гражданского права, придавая ему статус самостоятельной отрасли российского права. Так, например, если супруги живут в добре и согласии, ни с чьей стороны нет ограничений в отношении выбора рода занятий, профессии, места жительства, каждый содействует благополучию и укреплению семьи, то соответственно, в такой семье не возникнет вопроса о расторжении брака и, как следствие, не будет поставлен вопрос о разделе совместно нажитого имущества. Нельзя исключить и другой ситуации, когда одним из супругов не исполнены или недолжным образом исполнены личные обязательства перед кредитором, который вправе потребовать раздела имущества, совместно нажитого супругами в период брака, для обращения взыскания на долю супруга-должника. В то же время пример предполагаемой ситуации больше относится к гражданско-правовым отношениям, а не к семейным, поэтому значимость личных неимущественных отношений не

играет в данной ситуации никакой роли. Или другой пример неразрывной связи между личными неимущественными отношениями и имущественными: при злоупотреблении родительскими правами, жестоком обращении с детьми, отказе забрать своего ребенка из медицинской или образовательной организации без уважительных причин или в результате иных действий, относящихся к основаниям для лишения родителей родительских прав, недобросовестный родитель не только перестает быть таковым с правовой точки зрения, но и становится плательщиком алиментов на основании решения суда.

В связи с тем, что имущественные отношения взаимосвязаны с личными неимущественными отношениями, которые являются первоочередными для семейных правоотношений, то, по нашему мнению, содержание брачного договора не следует ограничивать только регулированием имущественных отношений между супругами. На законодательном уровне целесообразно позволить супругам по своему усмотрению включать в текст брачного договора пункты, регулирующие их личные неимущественные отношения, как между собой, так и в отношении детей, если таковые имеются, за неисполнение которых предусматриваются меры имущественного воздействия. Поскольку семейное законодательство регулирует не все семейные отношения неимущественного характера, а наиболее значимые, соответственно, брачный договор не должен быть перегружен условиями банальных, повседневных проблем семьи – верности, моральной поддержки по отношению друг к другу, установления очередности приготовления пищи, уборки квартиры или сопровождения ребенка в дошкольные (школьные), медицинские организации и иные подобные случаи. Думается, что круг отношений личного неимущественного характера между супругами должен ограничиваться положениями ст. 31 Семейного

кодекса РФ (далее – СК РФ) [4]: выбор рода занятий, профессии, места пребывания и жительства, решение вопросов жизни семьи, построенных на взаимном уважении и взаимопомощи, в том числе материнства, отцовства, воспитания и образования детей, основанных исходя из принципа равенства супругов (родителей). Положения указанной статьи СК РФ ярко отражают конституционные права человека, за нарушение которых санкции предусмотрены не только семейным и гражданским законодательством, но и административным (ст.ст. 5.35, 5.61, 5.62, 6.1.1 КоАП РФ [5]) и уголовным (ст.ст. 111, 112, 115–117, 127 УК РФ [6]). Позволив супругам охватить подобного рода отношения в брачном договоре, полагаем, что законодатель способствует укреплению семьи и, как следствие, сокращению статистики бракоразводных процессов.

Меры имущественного характера, прописанные в брачном договоре, могли бы быть сильным рычагом воздействия на недобросовестного супруга, нарушившего обязанности неимущественного характера по отношению к другому супругу или детям (например, уменьшение доли при разделе общего имущества или переводе имущества или его части, принадлежащего недобросовестному супругу, на имя добросовестного супруга и т. д.). Предлагаемые нововведения нельзя расценивать как умаление личных неимущественных прав супругов через воздействие на них имущественными обязанностями. Основная цель данного предложения заключается в том, что за нарушение прав человека в сфере семейной жизни нарушитель понесет не только меры ответственности, предусмотренные нормами российского законодательства в зависимости от степени тяжести им совершенного деяния, но и будет претерпевать потери имущественного характера в виде уменьшения своей супружеской доли общего имущества по условиям брачного договора.

Такого рода ограничения заставят лицо контролировать свое поведение в семье, безнаказанность семейных тиранов уйдет на нет, так как современный человек в значительной степени зависим от материального благосостояния. Кроме того, будет справедливым и оправданным для предотвращения в семье психического и физического насилия предусмотреть в брачном договоре размер компенсации за причиненные физические и нравственные страдания более слабой стороне в брачном союзе, если нет возможности обратиться требования на имущество.

Конечно, современная редакция ст. 42 СК РФ содержит императивное правило, препятствующее включению в брачный договор положений, направленных на регулирование личных неимущественных отношений между супругами. Однако косвенная взаимосвязь личных неимущественных отношений с имущественными прослеживается в других положениях СК РФ. По соглашению между собой супруги могут осуществить раздел общего имущества, что предусмотрено п. 2 ст. 38 СК РФ. Кроме того, согласно п. 1 ст. 39 СК РФ при разделе совместно нажитого имущества супруги вправе отойти от принципа равенства долей, определив их размер договором. При этом законодатель не конкретизирует, каким именно – брачным договором, договором об определении долей в общем имуществе или договором о разделе общего имущества супругов. Законодатель не называет по каким причинам супруги инициируют раздел совместно нажитого имущества во внесудебном порядке и обстоятельства, которые могут послужить основанием для уменьшения или увеличения доли одного из супругов. Как правило, подобного рода действия связаны с недостойным поведением в семье одного из супругов – измена, причинение вреда здоровью членам семьи, равнодушие к семейной жизни, моральное угнетение личности и иное. Все перечисленные обстоятельства относятся к неимуществен-

ным отношениям, которые могут влиять на имущественные отношения между супругами. Законодатель указывает на обязательное нотариальное удостоверение соглашения по разделу общего имущества супругов, что, по сути, ничем формально не отличается от брачного договора, который также подлежит обязательному обличению в нотариальную форму и может содержать пункты относительно раздела общего имущества супругов.

Регулирование брачным договором личных неимущественных отношений между супругами известно законодательству иностранных государств. Так, законодательство Соединенных Штатов Америки позволяет супругам согласовать в брачном договоре не только условия имущественного характера, но и урегулировать личные неимущественные отношения, связанные, например, с ведением домашнего хозяйства [7, с. 236], поставить в зависимость имущественные отношения от личных неимущественных – рождение ребенка в семье, определение места жительства ребенка с одним из родителей и порядок общения с другим родителем после расторжения брака [8]. Семейное законодательство Республики Беларусь не исключает из содержания брачного договора личные неимущественные правоотношения между супругами, а предоставляет отразить в брачном договоре имущественные права, обязанности супругов, а также «иные вопросы взаимоотношений между супругами, родителями и детьми, если это не нарушает права и законные интересы других лиц и не противоречит законодательству» [9, с. 223].

Регулирование личных неимущественных отношений между супругами положениями брачного договора не следует ограничивать лишь теми, за неисполнение которых авторами статьи предлагается наступление негативных имущественных последствий. Это могут быть и иные условия соглашения,

которые регламентируют имущественные и неимущественные последствия, возникающие вследствие неисполнения неимущественных обязанностей, являющихся значимыми для пострадавшей стороны. К таковым можно отнести: определение на случай расторжения брака или раздельного проживания супругов места проживания несовершеннолетних детей и при необходимости порядок общения с родителем или родственниками, проживающими отдельно от ребенка. Такое видение вопроса объясняется тем, что положения п. 3 ст. 65 СК РФ позволяют по обоюдному согласию между родителями, раздельно проживающими от детей, определить их место жительства с помощью письменного соглашения об этом, а при отсутствии такового разрешить спор в судебном порядке. Кроме того, семейное законодательство позволяет урегулировать объем осуществления родительских прав родителя, проживающего отдельно от ребенка, также письменным соглашением между родителями. Полагаем, если такие условия будут включены в брачный договор, то это позволит предотвратить распри между родителями и судебные тяжбы, на которые может быть затрачено колоссальное количество сил и времени, а также защитить юридически каждую из заинтересованных сторон данных отношений.

Еще одним подтверждением того, что современное общество и российское законодательство уже подготовлено к тому, чтобы брачным договором регулировались не только имущественные отношения между супругами, но и личные неимущественные – это появление нового основания наследования – наследственного договора (ст. 1140.1 Гражданского кодекса РФ), который предусматривает регулирование между сторонами не только имущественных отношений, но и личных неимущественных, при этом не конкретизируя, какие именно, позволяя контрагентам самостоя-

тельно определить их пределы и меры ответственности за их неисполнение.

Таким образом, ряд норм семейного и гражданского законодательства и практика их применения подтверждают принципиальную возможность урегулирования некоторых личных неимущественных отношений на основе со-

глашения участников этих отношений. Поэтому считаем допустимым внесение изменений в семейное законодательство, предусматривающих возможность включения в брачный договор условий, регулирующих некоторые личные неимущественные отношения между супругами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куликов В. Семья и воля // Российская газета. 2019. № 112 (7870). 27 мая.
2. Куликов В. Любовь ушла на базу // Российская газета. 2014. № 162 (6434). 22 июня.
3. О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
7. Питинов А. С. Сравнительный аспект правового регулирования брачного договора в России и за рубежом // Молодой ученый. 2017. № 51. С. 235–238.
8. Хачуков А. Р. Брачный договор как способ регулирования имущественных отношений супругов // Apriori. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 4. URL: <http://www.apriori-journal.ru/serial/4-2018/Hachukov.pdf> (дата обращения: 08.11.2019).
9. Гривко А. А. Некоторые вопросы правового регулирования личных неимущественных отношений супругов // Молодой ученый. 2017. № 25. С. 222–224.

© Батурина Н. И.
© Котельников Н. В.

УДК 347.122

Р. Х. ГАЛИУЛЛИН, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент (г. Казань)

R. KH. GALIULLINA, senior lecturer of the Chair of Civil Law Disciplines of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of History, associate professor (Kazan)

Н. Ю. КОМЛЕВ, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Казань)

N. Y. KOMLEV, Head of the Chair of Civil Law Disciplines of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Kazan)

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СФЕРА ДЕЙСТВИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

CONSUMER PROTECTION: LEGAL REGULATION AND THE SCOPE OF THE ACTIONS OF THE EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

***Аннотация.** Осуществление прав потребителей относится к одной из наиболее распространенных сфер гражданских правовых отношений. Практика показывает, что нарушение прав потребителей имеет место в отношении отдельных граждан, групп населения, общества в целом. Это придает правам потребителей публичный характер, вызывает потребность в защите гражданско-правовыми способами, а также посредством императивных норм административного и уголовного законодательства. Таким образом, защита прав потребителей представляет собой значимый объект правоохранительной деятельности органов внутренних дел. Авторы рассматривают вопросы, связанные с правовым регулированием защиты прав потребителей с участием органов внутренних дел как субъекта административного права, определяют роль подразделений полиции в предупреждении правонарушений, совершаемых на розничном рынке, предлагают способы повышения эффективности их деятельности.*

***Ключевые слова и словосочетания:** защита прав потребителей, товары, работы, услуги, розничный рынок, профилактика правонарушений, юридическая ответственность.*

***Annotation.** The implementation of consumer rights is one of the most common areas of civil law relations. Practice shows that violation of consumer rights takes place in relation to individual citizens, groups of the population, the society as a whole. This gives a public character to the rights of consumers, causes the need for protection with civil law methods,*

as well as through peremptory norms of the administrative and criminal legislation. Thus, the protection of consumer rights is a significant object of law enforcement activity of the internal affairs bodies. The authors examine issues related to the legal regulation of consumer protection with the participation of internal affairs bodies as a subject of administrative law, define the role of police units in the prevention of offenses committed in the retail market, and suggest ways how to increase the efficiency of their activities.

Keyword and phrases: consumer protection, goods, works, services, retail market, crime prevention, legal responsibility.

Защита прав и законных интересов граждан является важной задачей и основополагающей функцией любого цивилизованного правового государства. Эта задача закреплена в ст. 2 Конституции РФ. Граждане (физические лица) являются потребителями различных товаров, работ, услуг. В соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон «О полиции») предназначение полиции состоит в защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, в противодействии преступности, охране общественного порядка, собственности и обеспечении общественной безопасности. Роль полиции в системе органов власти Российской Федерации определяется теми задачами, решение которых имеет значение для нормального функционирования и развития экономики, потребительского рынка, повседневной жизни граждан. Практика правоохранительной деятельности, охраны общественного порядка показывает, что количество дел о нарушении прав потребителей продавцами и производителями товаров, работ и услуг ежегодно увеличивается.

Рассмотрению вопросов, связанных с защитой прав потребителей, уделяется значительное внимание в учебной и научной литературе, которая была изучена при написании предлагаемой статьи. В учебной литературе – авторами комментариев к Закону от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» Н. Н. Агафоновым [1], Ю. Я. Макаровым [2]; авторами учебных пособий Г. Р. Гафаровой [3], А. А. Райлян [4]. Поскольку вопросы теории и практики защиты прав по-

требителей порождают немало проблем ввиду наличия в законодательстве пробелов права, коллизий, на практике – злоупотреблений правом, это находит отражение в поиске исследователями решений этих проблем. Например, диссертационные исследования, монографии посвящены ряду проблем, связанных с защитой прав потребителей, М. В. Кратенко [5], Л. С. Хачатрян [6]. Ряд вопросов правоприменительной практики защиты прав потребителей стали предметом осмысления в небольших научных изысканиях (статьях) Т. Ашитковой [7], Э. Корнилова [8], И. В. Матвеева [9], А. Е. Шерстобитова [10], А. М. Ширвиндта [11], Е. А. Шкурат [12]. Изучению деятельности сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) на потребительском рынке посвящены статьи А. Г. Авдейко [13] и С. Ф. Мазур [14].

Права потребителей как категория материального права относятся к частно-правовым отношениям и регламентируются ГК РФ, Законом от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. Федерального закона от 18 июля 2019 г. № 191-ФЗ) (далее – Закон РФ № 2300-1), иными федеральными законами. Осуществление прав потребителей, относящихся к одной из наиболее распространенных сфер гражданско-правовых отношений, сопряжено с нарушением прав отдельных граждан и групп населения, интересов общества в целом. Это придает правам потребителей публичный характер, вызывает потребность в защите не только гражданско-правовыми способами защиты, предусмотренными ст. 12 ГК РФ,

но и способами императивного воздействия посредством норм административного и уголовного законодательства. Предметом предлагаемого исследования определена правовая регламентация основных направлений деятельности ОВД по защите прав потребителей в Российской Федерации. Сотрудники ОВД принимают во внимание установленные Российской Федерацией положения государственной политики в области защиты прав потребителей в специально утвержденном распоряжении Правительства РФ от 28 августа 2017 г. № 1837-р «Стратегия государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 года».

Общепризнанные принципы и ратифицированные нормы международного нормотворчества являются частью системы права России (ст. 15 Конституции РФ). Если Российская Федерация стала участником международного договора, который установил иные нормы, отличающиеся от национальных норм защиты прав потребителей, то подлежат применению правила международного права (ст. 2 Закона РФ № 2300-1). Российское законодательство в изучаемой сфере в сравнении с международным правом (директивами Европейского Союза) носит более императивный характер. Преюдициальное утверждение, характерное для российского гражданского права: «Потребитель – “слабое место”», при оспаривании результатов потребительских договоров ведет к злоупотреблению интересами потребителей в ущерб интересам продавцов, поставщиков, подрядчиков. При этом не принимается во внимание факт, что возможности продавца на розничном рынке ограничены (пп. 1 и 4 ст. 503 ГК РФ). Представляет интерес положение в законодательстве Евросоюза о праве на односторонний отказ потребителя от исполнения договора, что не предусмотрено законодательством России [11, с. 51–52].

Права потребителя регламентированы нормами ГК РФ и специальным За-

коном РФ № 2300-1. ГК РФ устанавливает основополагающие нормы о статусе потребителя. Согласно ГК РФ действует правило, которое устанавливает, что если одна из сторон в обязательстве – гражданин, реализующий или имеющий намерение приобрести или заказать товары (работы, услуги) для личных бытовых нужд, то он обладает правами стороны в обязательстве и правами потребителя (ст. 9 в ред. Федерального закона от 26 января 1996 г. № 15-ФЗ).

В ст. 1 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ) общеизвестный принцип гражданского права – принцип добросовестности, дополнен положением о том, что никто не имеет права воспользоваться своим незаконным (недобросовестным) поведением (пп. 3, 4 ст. 1 ГК РФ). В ГК РФ налагаются запреты на девиантное поведение участников гражданских правоотношений: не допускаются осуществление гражданских прав с целью причинить вред другому лицу, так называемые действия «в обход закона», действия с целью ограничения конкуренции или использование доминирующего положения на рынке одним или несколькими участниками в ущерб интересам других участников гражданских правоотношений (п. 1 ст. 10 ГК РФ). В этом случае гражданин, индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, в отношении которого было совершено заведомо несправедливое осуществление гражданских прав, имеет право требовать возмещение причиненного ущерба.

Анализ предложенных изменений в ряд статей общей части ГК РФ показывает, что они не противоречат положениям Закона РФ № 2300-1, напротив, конкретизируют такие часто используемые категории закона, как объект договора оказания услуг (не работа, а «ее конкретный результат, обладающий качественными характеристиками»); характер действия (соответствует или не соответствует принципу добросовестности). Примене-

ние Закона РФ № 2300-1 не требует наличия ссылки на него в ГК РФ при условии, если он: во-первых, распространяет свое действие на отношения, которые не урегулированы ГК РФ; во-вторых, дополняет нормы ГК РФ; в-третьих, предусматривает иные правила, если ГК РФ допускает возможность их установления. Следует подчеркнуть, что в случае регулирования отдельных видов гражданско-правовых отношений не только нормами ГК РФ, но и специальными законами Российской Федерации (к примеру, договоры перевозки, энергоснабжения), такие отношения с участием потребителей могут регулироваться Законом РФ № 2300-1 в части, не противоречащей ГК РФ и специальному закону.

Особое внимание следует уделить постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17, которое конкретизировало действие Закона № 2300-1: «Закон применяется к гражданским отношениям в области защиты прав потребителей в той части, которая не урегулирована специальными нормативными актами или подзаконными нормативными актами». Следовательно, Закон № 2300-1 должен subsidiarily применяться к отношениям с участием потребителей. Таким образом, в системе права России институт защиты прав потребителей занимает особое место: его действие регламентируется нормами российского гражданского права, международного права и специальными законами. Подчеркнем, что защита прав потребителей имеет одну из самых обширных и успешных для граждан судебных практик.

В связи с тем, что функции полиции по защите прав и свобод граждан весьма обширны, каждое подразделение имеет свою компетенцию. Как следует из п. 9.1 приказа МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности», участковый уполномоченный в границах своего

участка принимает меры, направленные на предупреждение и пресечение правонарушений в пределах своей компетенции, а также осуществляет производство по делам об административных правонарушениях. В соответствии с приказом МВД России от 29 января 2008 г. № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» на сотрудников возложены задачи по обеспечению безопасности граждан и по профилактике и пресечению правонарушений и преступлений по месту несения службы.

При осуществлении своей правоохранительной деятельности сотрудники полиции применяют законодательство различных отраслей, что соответствует предписаниям Закона «О полиции» (ст. 2). Данный нормативный правовой акт прямым назначением сотрудников полиции определил «защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, а также охрану общественного порядка и собственности» (ст. 1). В контексте специального закона понятия «защита» и «защита прав и свобод граждан» формируют содержание таких категорий, как «безопасность общества» и «безопасность граждан». Примером конкретного выражения указанных категорий в сфере защиты прав потребителей является, в частности, практика применения участковыми уполномоченными, сотрудниками патрульно-постовой службы Закона № 2300-1 и Федерального закона от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (далее – Закон № 15). Закон № 2300-1 провозглашает защиту прав и законных интересов граждан на объекты материального мира (предметы потребления) и нематериального мира (жизнь и здоровье) в декларативном порядке. Закон № 15 касается конкретной сферы прав человека – жизни и здоровья граждан как категории публично-правового интереса (например,

здоровье несовершеннолетних), так и категории частно-правовой (например, вред, причиненный здоровью конкретного гражданина).

Сотрудники Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (далее – ГУЭБиПК) занимаются профилактикой и раскрытием преступлений экономической и коррупционной направленности, в том числе связанных с нарушением прав потребителей. Нормативное правовое регулирование деятельности ГУЭБиПК осуществляется следующими специальными актами: УПК РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ, Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», «Положением о ГУЭБиПК МВД России», утверждённым приказом МВД России от 16 марта 2015 г. № 340, «Инструкцией о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», утверждённой приказом МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199 (далее – приказ № 199). Согласно п. 25.4 приказа № 199 в ходе гласного обследования помещений, зданий, сооружений, в том числе находящихся на территории розничных рынков, составляются протоколы с перечнем изъятых предметов и документов, а также документов, имеющих признаки подделки, вещей, изъятых из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособных, находящихся у лиц без специального разрешения, с указанием их количества и индивидуальных признаков. Данные административных протоколов могут быть приобщены в качестве доказательств о ненадлежащем качестве товара в гражданском судопроизводстве по делам о защите прав потребителей. Однако подобная практика не получила распространения.

В компетенцию территориальных органов Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (далее – Роспотребнадзор), Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (далее – Росстандарт) входят задачи по сбору информации о составе и размере причиненного вреда жизни, здоровью или имуществу потребителей, ее предварительный анализ. По мнению ряда исследователей, для повышения эффективности деятельности ОВД подобную информацию о нарушенных правах потребителей следует направлять в территориальные подразделения ОВД [13, с. 25–26]. Так, сведения о причинении вреда здоровью граждан препаратами и веществами неустановленного происхождения передаются в территориальные подразделения Главного управления по контролю за оборотом наркотиков МВД России, те в свою очередь на основании п. 10.18 приказа МВД России от 23 апреля 2016 г. № 209 участвуют в мониторинге наркоситуации в Российской Федерации. В частности, формируют перечни неизвестных наркотических и психотропных веществ, выявленных на потребительском рынке, с целью внесения их в список изъятых из оборота наркотических веществ или ограниченных в обороте психотропных веществ, который ежегодно утверждается Правительством Российской Федерации. К сожалению, сложившаяся практика территориальных органов Роспотребнадзора и Росстандарта сводится к тому, что полученные сведения направляются по усмотрению их руководства. Следует обратить внимание, что своевременное получение информации от Роспотребнадзора о правонарушениях в сфере качества, безопасности товаров и услуг способствует своевременному принятию мер по защите прав потребителей. Примером тому является информация по такому составу административного правонарушения, как «реализация това-

ров, выполнение работ или оказание услуг населению ненадлежащего качества или с нарушением санитарных правил» (ст. 14.4 КоАП РФ).

Потребительский спрос реализуется главным образом через розничные рынки (ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 271-ФЗ «О розничных рынках и внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» (далее – Закон РФ № 271)). Предназначение розничного рынка строго определено: для хозяйственной деятельности предпринимательского характера с целью организации продажи товаров широкого потребления (выполнения работ, оказания услуг) гражданам на основе договоров розничной купли-продажи и договоров бытового подряда. Собственник территории розничного рынка (или управомоченное им лицо) обязан предоставить сотрудникам ОВД помещения на постоянной или временной основе для организации проведения проверок (ч. 6 ст. 12 Закона № 271).

В ходе проверок сотрудники ОВД занимаются:

– выявлением и пресечением фактов осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации или специального разрешения (лицензии), то есть занимается контролем исполнения Федерального закона от 22 апреля 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». В соответствии с ч. 2 ст. 18.16 КоАП РФ предоставление собственником розничного рынка или управомоченным лицом торговых мест, помещения другому лицу, не имеющему разрешения на привлечение и использование иностранных работников, может повлечь за собой административную ответственность в виде штрафа [7, с. 25].

Кроме того, собственник (или управомоченное им лицо) согласно ст. 15 Закона № 271 обязано с контролирующими и надзорными органами, в том числе и с ОВД, согласовать схему размещения тор-

говых мест в целях обеспечения безопасности. Несоблюдение этого правила может повлечь за собой административную ответственность (ст. 14.34 КоАП РФ). Право на торговое место подтверждает карточка продавца на торговое место (ст.ст. 20, 21 Закона № 271);

– выявлением правонарушений, связанных с продажей контрафактной и некачественной продукции, продукции без соответствующих документов. Безопасный характер реализуемой продукции подтверждается заключением лаборатории ветеринарно-санитарной экспертизы. Законный характер продажи продукции – квитанция об оплате торгового места [13, с. 25];

– проверкой лицензий и товаросопроводительных документов на объектах реализации алкогольной продукции. Статья 22 Закона № 271 раскрывает основные запреты и ограничения на виды продукции, в частности, алкоголь (ч. 2 ст. 16 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», ст. 14.16 КоАП РФ) и табачные изделия (ст. 19 Закона № 15-ФЗ);

– выявлением нарушений правил миграционного режима Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства, осуществляющими торговлю. Выполнение этой задачи возложено приказом МВД России от 15 апреля 2016 г. № 192 «Об утверждении Положения о Главном управлении по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации» на Главное управление по вопросам миграции МВД России. При осуществлении своих полномочий сотрудники миграционной службы руководствуются в том числе нормами законодательства о защите прав потребителей. Так, ч. 7 ст. 15 Закона № 271 ограничивает допуск к осуществлению торговой деятельности

иностранных граждан на розничном рынке. Квоты устанавливаются Правительством РФ. Игнорирование хозяйствующими субъектами указанного требования может повлечь наступление административной ответственности (ч. 1 ст. 18.17 КоАП РФ).

Сотрудники ОВД, занимаясь контролем за трудовой миграцией, руководствуясь Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Закон № 115), главой 50.1 Трудового кодекса РФ, должны знать общее правило: продавец должен иметь в наличии разрешение на осуществление иностранным гражданином трудовой деятельности на территории России (ч. 4 ст. 13 Закона № 115). Правило исходит из положения, что рынок труда является предметом потребительского спроса, и необходимо защищать, в первую очередь, интересы отечественного потребителя. Правило имеет исключения. В частности, разрешение не требуется, если: иностранные граждане постоянно или временно проживают на территории России; иностранные граждане являются участниками Государственной программы по добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом; имеется разрешение на работу (патент); по ряду иных оснований, указанных в Законе № 115. Общее правило также не распространяется на граждан государств-членов Евразийского экономического союза (далее – ЕвразЭС), поскольку в соответствии со ст. 97 Договора о ЕвразЭС, подписанного 29 мая 2014 г., работодатели вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств-членов ЕвразЭС без учета ограничений по защите национального рынка труда.

Таким образом, задачи подразделений ОВД в сфере защиты прав потребителей определены федеральными законами, подзаконными нормативными актами

достаточно ёмко: обеспечение охраны общественного порядка в местах торговли; контроль за режимом свободной торговли доброкачественными товарами; пресечение фактов злоупотреблений со стороны сообществ, монополизирующих торговлю, в отношении граждан при реализации собственной продукции; проведение проверок торговых мест и субъектов предпринимательской деятельности в сфере потребительского рынка с целью выявления и пресечения противоправных фактов.

Итак, в структуре законодательства о защите прав потребителей можно выделить два блока нормативных правовых актов, регулирующих отношения: 1) обязательным субъектом являются граждане – потребители; 2) обязательным объектом являются законные права и интересы граждан, защита законных прав и интересов граждан.

Природа потребительских отношений является частно-правовой, поэтому в правовом регулировании диспозитивные нормы преобладают над императивными. Рыночные отношения предполагают возникновение всякого рода административных и уголовных правонарушений, имеющих экономическую природу и нарушающих законные права и интересы граждан, также относятся к потребительским правам. Поэтому частно-правовые нормы, связанные с защитой прав потребителей, имеют отсылки к нормам публичных отраслей права, а отношения «продавец – покупатель» регулируются как диспозитивными нормами права, так и императивными в их юридическом единстве.

В систему оценки деятельности ОВД включен такой критерий, как эффективность предупреждения и пресечения преступности, в том числе совершаемых на потребительском рынке. Считаем, что критерий деятельности ОВД «профилактика преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых на потребительском рынке» необходимо

законодательно закрепить в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Обнародование данных о раскрытых административных правонарушениях и привлечении к административной ответственности нарушителей прав по-

требителей предоставило бы гражданам возможность, ссылаясь на постановления, вынесенные в административном судопроизводстве, а также протоколы о привлечении к административной ответственности, заявить о нарушенных правах потребителя и обосновать иски требования в гражданском процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонова Н. Н. Комментарий к Закону Российской Федерации «О защите прав потребителей» (постатейный). М.: Проспект, 2017. 240 с.
2. Макаров Ю. Я. Комментарий к Закону Российской Федерации «О защите прав потребителей»: (постатейный). М.: Проспект, 2018. 192 с.
3. Гафарова Г. Р. Защита прав потребителей: учебное пособие / под ред. З. М. Фаткудинова. М.: Юстицинформ, 2014. 336 с.
4. Райлян А. А. Потребительское право России. Основные положения: учебное пособие. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2015. 453 с.
5. Кратенко М. В. Защита прав потребителей услуг. М.: Проспект, 2015. 332 с.
6. Хачатрян Л. С. Предупреждение преступлений против здоровья населения, связанных с реализацией товаров, не отвечающих требованиям безопасности, на предприятиях общественного питания. М.: Проспект, 2015. 268 с.
7. Ашиткова Т., Маматов М. Защита прав потребителей // Законность. 2015. № 9. С. 23–26.
8. Корнилов Э. Вопросы совершенствования законодательства о защите прав потребителей // Хозяйство и право. 2017. № 4. С. 67–72.
9. Матвеев И. В. Зрелищные услуги как объекты гражданских прав // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 32–35.
10. Шерстобитов А. Е. Проблемы определения круга общественных отношений, регулируемых законодательством о защите прав потребителей // Проблемы современной цивилистики: сборник статей / отв. ред. Е. А. Суханов, М. В. Телюкина. М.: Статут, 2016. С. 71–74.
11. Ширвиндт А. М. Ограничение свободы договора в целях защиты прав потребителей в российском и европейском частном праве // Вестник гражданского права. 2018. № 1. С. 51–55.
12. Шкурат Е. А. Уполномоченная организация как особый субъект Закона «О защите прав потребителей» // Адвокат. 2017. № 9. С. 45–48.
13. Авдейко А. Г. Направления деятельности органов внутренних дел на потребительском рынке // Закон и право. 2016. № 1. С. 23–26.
14. Мазур С. Ф. Противодействие органов внутренних дел преступлениям и иным правонарушениям, совершаемым на потребительском рынке. М., 2014. С. 54–58.

© Галиуллина Р. Х.

© Комлев Н. Ю.

УДК 378.12:001.8:331.106.26-027.236(470)

С. С. ЧЕРНОВА, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук (г. Тюмень)

S. S. CHERNOVA, Deputy Head of the research editorial and publishing department of Tyumen Institute of advanced training of employees of the Ministry of internal Affairs of Russia, candidate of law (Tyumen)

**ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ
КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ЭФФЕКТИВНОГО КОНТРАКТА**

**INDICATORS OF EFFECTIVENESS OF SCIENTIFIC ACTIVITY
OF RESEARCH AND TEACHING STAFF AS ONE OF THE ELEMENTS
OF AN EFFECTIVE CONTRACT**

***Аннотация.** В статье на основе анализа законодательства и сложившейся в образовательных организациях практики рассматриваются особенности заключения эффективного контракта с научно-педагогическими работниками образовательных организаций. Автор, выделяя цели и задачи эффективного контракта, детально останавливается на одной из задач, а именно на критериях эффективности научной деятельности. Анализируя мнения исследователей, автор приходит к выводу о неприменимости введения единых критериев эффективного контракта научной деятельности научно-педагогических работников для всех образовательных организаций и необходимости деления указанных критериев на обязательные (базовые) и дополнительные (предусматривающие стимулирующие выплаты). В статье предложен перечень дополнительных критериев эффективного контракта применительно к научной деятельности как одному из элементов эффективного контракта, заключаемого с научно-педагогическим работником образовательной организации.*

***Ключевые слова и словосочетания:** эффективный контракт, научно-педагогические работники, показатели эффективности, научная деятельность, выплаты стимулирующего характера.*

***Annotation.** Based on the analysis of legislation and current practice in educational organizations, the article discusses the features of concluding an effective contract with research and teaching staff of educational organizations. The author, highlighting the goals and objectives of an effective contract, dwells in detail on one of the tasks, namely, the criteria for the effectiveness of scientific activities. Analyzing the opinions of researchers, the author comes to the conclusion that it is not applicable to introduce uniform criteria for the effective contract of scientific activity of scientific and pedagogical workers for all educational organizations and the need to divide these criteria into mandatory (basic) and additional (providing incentive payments). The article offers a list of additional criteria for an effective contract in relation to scientific activity as one of the elements of an effective contract concluded with a scientific and pedagogical employee of an educational organization.*

***Keywords and phrases:** effective contract, research and teaching staff, performance indicators, scientific activity, incentive payments.*

Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мерах по реализации государственной социальной политики» [1], предусматривающий поэтапное совершенствование оплаты труда работникам бюджетной сферы, послужил основой для реформирования нормативной правовой базы и предпосылкой для введения понятия «эффективный контракт». Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 гг. [2] определяет «эффективный контракт» как трудовой договор, в котором конкретизированы должностные обязанности работника, условия оплаты труда, меры социальной поддержки, показатели и критерии эффективности деятельности для назначения стимулирующих выплат в зависимости от результатов труда.

Аналогичное определение «эффективного контракта» нашло свое отражение в приказе Минтруда России от 26 апреля 2013 г. № 167н «Об утверждении рекомендаций по оформлению трудовых отношений с работником государственного (муниципального) учреждения при введении эффективного контракта» [3]. Вместе с тем Е. И. Чучкалова, М. Г. Лордкипанидзе и С. Н. Лапшина отмечают, что эффективный контракт не является новой правовой формой, поскольку оформляется дополнительным соглашением к трудовому договору с научно-педагогическим работником или показателем эффективности деятельности (в том числе научной) включаются в трудовой договор, заключаемый с лицом, вновь принимаемым на работу. Указанные авторы смысл введения эффективного контракта с научно-педагогическим работником видят в конкретизации в трудовом договоре должностных обязанностей, а также закреплении возможности повышения оплаты труда «в зависимости от дополнительных усилий» [4, с. 13].

С. В. Янкевич отмечает, что эффективный контракт связан с дифференци-

рованной оплатой труда, при которой поощрительные выплаты производятся за выполнение преподавателем большего объема работы по сравнению с объемами, установленными планами. Поддерживая введение системы оплаты труда научно-педагогических работников в соответствии с эффективным контрактом, С. В. Янкевич приводит в пример сложившуюся в отдельных странах практику, при которой основное внимание уделяется «достойной базовой компенсации» научным работникам взамен на соблюдение последними «жестких требований», связанных с результативностью деятельности [5, с. 113].

Е. И. Чучкалова, М. Г. Лордкипанидзе, С. Н. Лапшина, считая привлекательной для педагогических работников дифференциацию оплаты труда, указывают, что эффективный контракт повышает мотивацию педагогических и научных сотрудников на саморазвитие и самореализацию [4, с. 13]. Аналогичной позиции придерживаются в своих работах И. А. Алексеева и М. Г. Гильдингерш, рассматривающие эффективный контракт «в качестве действенного инструмента управления», повышающего мотивацию научно-педагогических работников [6, с. 32]. В структуру человеческого капитала научно-педагогического работника И. А. Алексеева, М. Г. Гильдингерш включают мотивационный капитал, подразделяя его на внешнюю мотивацию (например, наличие эффективного контракта) и самомотивацию (например, затрата времени на написание «неоплачиваемой» статьи, научной работы). Кроме того, заключение эффективного контракта позволяет направить усилия работника на достижение значимых для образовательной организации показателей (в том числе показателей научной деятельности). И. А. Алексеева и М. Г. Гильдингерш отмечают, что достижение значимых показателей образовательной организации (в том числе в научной деятельности), при условии

наличия эффективного контракта, возможно при незначительных затратах [6, с. 38].

Исходя из сказанного, можно выделить цели и задачи введения эффективного контракта научной деятельности научно-педагогических работников.

1. Цели:

– установление оплаты труда в зависимости от эффективности научной деятельности научно-педагогических работников по заданным показателям и критериям;

– повышение влияния стимулирующих выплат на эффективность научной деятельности научно-педагогических работников;

– повышение эффективности научной деятельности образовательной организации.

2. Задачи:

– систематическое проведение объективной оценки эффективности научной деятельности научно-педагогических работников;

– создание условий для профессионального роста;

– стимулирование продуктивности научно-исследовательской, научно-организационной деятельности;

– повышение показателей эффективности научной деятельности научно-педагогических работников образовательной организации, взаимосвязанных с индикаторами и показателями мониторинга эффективности учебных организаций;

– установление стимулирующих выплат в соответствии с критериями эффективности научной деятельности научно-педагогических работников.

Остановившись на одной из задач более подробно, а именно на критериях эффективности научной деятельности, отметим, что в словаре С. И. Ожегова под критерием понимается «мерило оценки» [7, с. 392].

«Примерный перечень критериев общероссийской системы оценки эф-

фективности деятельности высших учебных заведений», утвержденный Минобрнауки России 19.06.2012 [8], к критериям оценки эффективности научной деятельности относит количество публикаций и цитирований научно-педагогического работника в изданиях, индексируемых базами данных Web of Science, Scopus, а также удельный вес научных кадров, которым присвоена ученая степень в течение трех лет после окончания обучения в аспирантуре (докторантуре) и т. д.

И. В. Сидорова, анализируя целевые показатели образовательных организаций системы МВД России по направлению «Научная деятельность», выделяет количество публикаций в научных изданиях, индексируемых в библиографической базе данных Российского индекса научного цитирования (далее – РИНЦ) и проведенных научно-представительских мероприятий международного и всероссийского уровня, а также удельный вес численности научно-педагогических сотрудников (работников), задействованных в проведении научно-исследовательских работ, и т. д. [9, с. 112].

Г. П. Акимова, А. Ю. Даниленко и М. А. Пашкин считают, что применяемые на практике критерии оценки эффективности научной деятельности организаций не являются безупречными по причине использования большого числа таких критериев, а также по причине недостатков, связанных с методикой определения эффективности и достижением конечного результата [10, с. 40]. Анализируя такой критерий, как публикационная активность, исследователи указывают на необходимость учета как общего числа публикаций, так и их «качественного состава: монографии; издания, включённые в перечень рецензируемых научных изданий; зарубежные издания». Вместе с тем указанные авторы ставят под сомнение оценку количества публикаций в зарубежных изданиях, показывая несостоятельность этого

критерия на примере немецкоязычных и русскоязычных исследователей, работы которых сложно без искажения перевести на английский язык. В данном случае речь идет о работах гуманитарного характера (философия, эстетика, социология) [10, с. 41]. Т. С. Королева, И. А. Васильев, И. О. Торжков, рассматривая критерии, определяющие результативность деятельности научно-исследовательских организаций и отдельных ученых, выделяют:

– количество публикаций в международных журналах (по мнению авторов, указанный показатель «характеризует качество статей»);

– индикатор цитирования и индекс Хирша (по мнению авторов, указанный показатель показывает степень значимости проводимых исследований и признание научных школ мировым сообществом);

– публикационную нагрузку ученых (по мнению авторов, указанный показатель характеризует продуктивность ученого) и т. д. [11, с. 97].

Е. И. Вельмисова, выступающая против подобного подхода, считает, что установление «конкретных показателей эффективности научной деятельности преподавателя», а также неоднозначный подход образовательных организаций к описанию критериев научной деятельности научно-педагогических работников (развернутое описание или включение в эффективный контракт только нескольких пунктов) являются одной из проблем введения эффективного контракта. Кроме того, Е. И. Вельмисова считает, что сомнительное определение конкретных показателей эффективности деятельности – прерогатива учебных заведений [12, с. 899].

Позволим себе не согласиться с предложением Е. И. Вельмисовой о введении единых критериев эффективного контракта научной деятельности научно-педагогических работников для всех образовательных организаций.

Например, один из критериев научной деятельности, указанный в «Примерном перечне критериев общероссийской системы оценки эффективности деятельности высших учебных заведений», а именно «доля доходов от научно-исследовательских работ в общем доходе учебного заведения», не применим к образовательным организациям МВД России.

По нашему мнению, каждая образовательная организация вправе самостоятельно ввести критерии научной деятельности научно-педагогических работников. При этом предлагаем разделить критерии на обязательные (базовые) и дополнительные, предусматривающие стимулирующие выплаты. Подобный подход (деление критериев на обязательные и дополнительные), на наш взгляд, согласуется с мнением ряда научно-педагогических работников, предлагающих «внести в действующее законодательство о науке и высшем образовании запрет вменять в обязанность преподавателей публиковать результаты своих научных исследований в изданиях, индексируемых базами данных Scopus, Web of Science» [13]. К обязательным критериям научной деятельности научно-педагогических работников прежде всего целесообразно отнести публикации в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России, в журналах, включенных в РИНЦ; выполнение научно-исследовательских работ; участие в работе научных форумов и т. д.

К дополнительным критериям, предусматривающим стимулирующие выплаты, возможно отнесение следующих показателей:

– публикации в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России (сверх нормативов, установленных образовательной организацией);

– публикации в журналах, включенных в РИНЦ (сверх нормативов, установ-

ленных образовательной организацией);

– публикации в журналах, входящих в базы цитирования Scopus, Web of Science;

– опубликование в сторонней организации изданий с аффилиацией образовательной организацией:

1) публикации должны учитываться как аффилированные с образовательной организацией;

2) при указании в публикации двух и более аффилиаций у одного автора образовательная организация должна быть указана в качестве первой аффилиации;

3) при публикации научных трудов в соавторстве индивидуальный вклад научно-педагогического работника определяется делением установленных баллов на количество авторов;

4) за публикации, написанные в соавторстве с зарубежными учеными, баллы работнику образовательной организации начисляются без разделения авторства;

– защита кандидатской диссертации;

– защита докторской диссертации;

– создание и регистрация объектов интеллектуальной деятельности: патент, свидетельство;

– получение гранта и т. д.

Цели и задачи, критерии эффективного контракта научной деятельности научно-педагогических работников взаимосвязаны с принципами эффективного контракта:

– зависимость размеров стимулирующих выплат от достижения целей и показателей научной эффективности деятельности образовательной организации;

– условия получения стимулирующих выплат должны быть понятны работодателю и работнику и не допускать двойного толкования и волюнтаризма.

Остановившись на последнем из принципов, более подробно отметим, что именно непонимание условий получения стимулирующих выплат научно-педагогические работники выделяют в качестве одного из недостатков применения эффективного контракта. На аналогичный

недостаток указывают в своих работах и ученые.

Я. В. Танасейчук приходит к выводу о том, что одна из проблем реализации эффективного контракта заключается в «отсутствии понимания механизма действия новой оплаты труда» [14, с. 112]. И. А. Алексеева, М. Г. Гильдингерш указывают на «отсутствие ясности механизма назначения стимулирующих выплат» [6, с. 38–39]. Е. И. Чучалова, М. Г. Лордкипанидзе, С. Н. Лапшина считают, что отсутствует прозрачность, понятность получения выплат по эффективным контрактам [4, с. 13].

По нашему мнению, устранение одного из недостатков применения эффективного контракта, а именно непонимания условий получения стимулирующих выплат, возможно путем проведения разъяснительной работы руководства с научно-педагогическим коллективом образовательной организации.

Я. В. Танасейчук отмечает, что неоднозначность понимания эффективного контракта свойственна не только преподавателям, но и руководителям образовательных организаций [14, с. 112]. В качестве примера данный автор приводит решение Кировского районного суда г. Томска, который, рассмотрев иск об оспаривании положений эффективного контракта, установил, что руководством Национального исследовательского Томского политехнического университета в эффективные контракты были включены критерии, выполнение которых не зависит от преподавателя, а именно:

1) «руководство научно-исследовательской работой студента, ставшего призером олимпиады, научного конкурса и т. д.». Суд указал, что данный критерий не зависит от преподавателя, поскольку студенты могут отказаться участвовать в олимпиадах, грантах, конференциях и иных мероприятиях;

2) «участие в научной группе, проводящей исследование по грантам, контрактам и т. д.». Суд подчеркнул, что до-

говор заключается не с преподавателем, а с образовательной организацией. Если он заключен по тематике, не относящейся к научно-образовательной деятельности конкретного преподавателя, то последний не сможет принять участие в составе группы, производящей научное исследование;

3) количество публикаций. Суд пришел к выводу о том, что от преподавателя зависит «написание и сдача материала», но «от его воли не зависит время и количество публикаций статей в научных изданиях» [14, с. 113].

Е. И. Чучалова, М. Г. Лордкипанидзе и С. Н. Лапшина подчеркивают, что подобные критерии эффективного контракта, не зависящие от конкретного педагогического работника, присущи не только по направлению научной деятельности. Например, ведение курсов на иностранном языке является важным показателем для университета, но не гарантирует преподавателю, владеющему иностранным языком, наличия соответствующей учебной группы [4, с. 13].

Вместе с тем, анализируя решение Кировского районного суда г. Томска, приведенное в работе Я. В. Танасейчука, согласимся с его выводами лишь частично, позволив себе оспорить последний по отношению к количеству публикаций в научных изданиях, индексируемых в библиографической базе данных РИНЦ, а также в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий.

По нашему мнению, именно от авторов в большинстве случаев зависит «время и количество публикаций статей в научных изданиях», поскольку нужно не просто «написать и сдать материал», а подготовить качественно написанную статью и предоставить ее в редакцию журнала вместе с необходимыми документами. Так, в качестве недостатков, влияющих на принятие решения об отказе в опубликовании статьи в журнале, можно выделить следующие:

– статья некачественная (отсутствует актуальность, новизна и т. д.);

– нарушение публикационной этики (некорректные заимствования);

– статья не соответствует тематическому профилю и рубрикам журнала (неправильно выбран журнал);

– несоответствие рукописи требованиям журнала;

– нарушение автором комплектности предоставляемых документов.

Кроме непонимания условий получения стимулирующих выплат научно-педагогические работники выделяют в качестве недостатков:

1) отсутствие индивидуального подхода (заключение «типового» соглашения);

2) отсутствие гарантии реального увеличения оплаты труда (стоимость каждого показателя, критерия эффективности заранее неизвестна);

3) нездоровую конкуренцию (необходимость доказывать свою состоятельность).

Таким образом, введение эффективного контракта является сложным, но целесообразным нововведением, направленным на дифференциацию оплаты труда и повышение мотивации научно-педагогических работников.

Подводя итог, подчеркнем еще раз основные выводы. Каждая образовательная организация вправе самостоятельно ввести критерии научной деятельности научно-педагогических работников, разделив их на обязательные (базовые) и дополнительные, предусматривающие стимулирующие выплаты. Также устранение одного из недостатков применения эффективного контракта, а именно непонимания условий получения стимулирующих выплат, возможно путем проведения разъяснительной работы руководства с научно-педагогическим коллективом образовательной организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. О мерах по реализации государственной социальной политики: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 // Российская газета. 2012. № 102. 9 мая.
2. О программе поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 гг.: распоряжение Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. № 2190-р (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 49. Ст. 6909.
3. Об утверждении рекомендаций по оформлению трудовых отношений с работником государственного (муниципального) учреждения при введении эффективного контракта: приказ Минтруда России № 167н от 26 апреля 2013 г. (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Чучкалова Е. И., Лордкипанидзе М. Г., Лапшина С. Н. Некоторые проблемы введения эффективных контрактов в высших учебных заведениях // Управление экономическими системами. 2017. № 3 (97). С. 13–25.
5. Янкевич С. В. Эффективный контракт с научно-педагогическими работниками образовательных организаций высшего образования: правовые аспекты // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 112–122.
6. Гильдингерш М. Г., Алексеева И. А. Современные тенденции формирования человеческого капитала высших учебных заведений // Экономика труда. 2018. Т. 5. № 1. С. 30–42.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов. 24-е изд., испр. М., 2007. 1200 с.
8. Примерный перечень критериев общероссийской системы оценки эффективности деятельности высших учебных заведений: положение Минобрнауки России от 19.06.2012 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Сидорова И. В. О реализации мероприятий, направленных на повышение эффективности научной деятельности академии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4 (26). С. 121–122.
10. Акимова Г. П., Даниленко А. Ю., Пашкин М. А. Подходы к оценке научных коллективов // Труды ИСА РАН. 2015. № 2. С. 39–43.
11. Королева Т. С., Васильев И. А., Торжков И. О. Критерии оценки эффективности деятельности научных учреждений // Труды Санкт-Петербургского научно-исследовательского института лесного хозяйства. 2014. № 2. С. 94–111.
12. Вельмисова Е. И. Заработная плата педагогических работников сферы профессионального образования: новые стимулы и угрозы // Экономика труда. 2019. № 2. С. 896–900.
13. Профессора и преподаватели предлагают реформу высшего образования и 7 показателей оценки эффективности деятельности профильного Министерства России. URL: <http://park72.ru> (дата обращения: 09.09.2019).
14. Танасейчук Я. В. Эффективный контракт в образовании // Актуальные вопросы юридических наук: материалы III Международной научной конференции (г. Чита, апрель 2017 г.). Чита: Молодой ученый, 2017. С. 111–114.

© Чернова С. С.

**СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 372.881.161

О. И. ИЛЬЯНОВА, старший преподаватель кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России, кандидат юридических наук (г. Москва)

O. I. ILYANOVA, senior lecturer of the Chair of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Moscow)

**ЧАСТНАЯ МЕТОДИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ
НЕГАТИВНОЙ ВИДЕОИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ
НА ВИДЕОХОСТИНГОВЫХ САЙТАХ**

**A SEPARATE METHOD OF COUNTERACTING THE SPREAD
OF NEGATIVE VIDEO INFORMATION ABOUT POLICE ACTIVITIES
ON VIDEO HOSTING SITES**

***Аннотация.** Поддержание доверия общества к сотрудникам полиции и других силовых ведомств является одним из приоритетных направлений развития государства. В данной работе предложена частная методика противодействия распространению негативной видеoinформации в сети «Интернет», которая учитывает стихийность и неконтролируемость распространения видеороликов негативного характера и позволяет нивелировать их воздействие на общественное сознание за счёт адекватного распространения опровергающей или пропагандистской информации. Данная частная методика может входить в общую научно обоснованную имиджевую стратегию, проводимую ведомственными службами по связям с общественностью и должна лежать в основе практической подготовки руководителей данных служб.*

***Ключевые слова и словосочетания:** имидж сотрудника полиции, связи с общественностью, практическая подготовка руководителей, частная методика противодействия, видеoinформация.*

***Annotation.** Maintaining public confidence in police officers and other law enforcement agencies is one of the priorities of the state's development. In this paper, we propose a method for countering the spread of negative video information on the Internet, which takes into account the spontaneity and uncontrolled distribution of negative videos and allows you to level their impact on public consciousness through adequately distributing refuting or propaganda information. This method can be part of a General science-based image strategy carried out by departmental public relations services and should be the basis for practical training of managers of these services.*

***Keywords and phrases:** image of a police officer, public relations, practical training of managers, separate method of counteraction, video information.*

Одной из ключевых задач службы по связям с общественностью является формирование позитивного облика со-

трудника органов внутренних дел, а также противодействие распространению негативной информации о сотрудниках

полицей в средствах массовой информации и сети «Интернет». В академии управления МВД России в рамках дополнительного профессионального образования проходят подготовку руководители ведомственных служб по связям с общественностью. В области формируемых профессиональных компетенций одной из значимых является способность планировать и организовывать работу органа публичной власти, разрабатывать организационную структуру, осуществлять распределение функций и полномочий.

В рамках данной статьи рассматривается частная методика противодействия распространению негативного отношения к сотрудникам полиции в современном мультимедийном пространстве. Предлагаемая частная методика может входить в систему подготовки руководителя службы по связям с общественностью как частная методика, направленная на организацию работы сотрудников пресс-службы в области современного мультимедийного пространства.

В настоящее время новым феноменом в развитии средств массовой информации явилась сеть «Интернет», которая позволила многим газетам, радиостанциям, телевизионным каналам приобрести доступ к широкой аудитории, выводя их за пределы только местных интересов. Всё это способствует активизации взаимодействия двух социальных систем (органов внутренних дел и средств массовой информации), тем более что криминологическая тематика в целом в настоящее время является наиболее популярной и востребованной населением. Средства массовой информации в свою очередь идут навстречу удовлетворению такого спроса [1; 2]. Но как это не парадоксально, в результате влияния современных средств массовой информации наблюдается целенаправленное формирование негативного имиджа сотрудников полиции, что усложняет процесс его преодоления и изменения его модальности. В различных социальных сетях и ча-

тах любая информация, особенно негативная, распространяется мгновенно, и простое частное опровержение не способно нейтрализовать отрицательный пример поведения некоторых сотрудников полиции.

В этой связи актуальной является проблема противодействия распространению негативного отношения к сотрудникам полиции в современном мультимедийном пространстве. Эта задача должна быть возложена на ведомственные службы по связям с общественностью [2]. Данным подразделениям необходимо в своей деятельности использовать новейшие информационные технологии, методы и специальные инструменты влияния на формирование общественного мнения. Эти инструменты и технологии в части противодействия распространению негативной информации должны быть направлены на мониторинг информационного пространства и прогнозирование ситуации с целью упреждения конфликтов или распространения негативной информации.

В учебнике А. И. Гнетнёва и М. С. Филь рассматривается структура и принципы организации современной пресс-службы, несмотря на то что она может быть слегка идеализирована в современных условиях нехватки личного состава или финансирования, может не совпадать со структурой реальной ведомственной пресс-службы конкретного региона. Однако многие сотрудники могут совмещать несколько функций сотрудников «идеальной» пресс-службы. Рассматриваемая модель пресс-службы включает в себя: руководителя пресс-службы, группу мониторинга, аналитическую группу, группу текстовиков, группу орговиков, группу аккредитации и техническую группу [3].

Для выполнения задачи противодействия распространению негативной информации о сотрудниках полиции в сети «Интернет» руководитель пресс-службы должен прежде всего учитывать осо-

бенности распространения этой информации в современном мультимедийном пространстве. Именно «вирусовость» распространения информации делает необходимым разработку специальной методики противодействия, которая определяет действия всех сотрудников пресс-службы по эффективному противодействию распространения негативной информации [4].

В таблице 1 представлена частная методика противодействия распространению негативного отношения к сотрудникам полиции в сети «Интернет», которая может быть реализована сотрудниками пресс-службы. Задача руководителя пресс-службы – правильно организовать задействование сотрудников.

Таблица 1

Частная методика противодействия распространению негативного отношения к сотрудникам полиции в сети «Интернет»

№ п/п	Проводимое мероприятие	Задействованные специалисты
1.	Мониторинг информационного пространства	Группа мониторинга
2.	Временная и географическая привязка отобранного контента	Группа мониторинга
3.	Ранжирование отобранного видеоконтента	Аналитическая группа
4.	Экспертная оценка наиболее популярных «негативных» видеороликов	Аналитическая группа
5.	Разработка опровержений или пропагандистских роликов	Группа текстовиков, группа орговиков
6.	Продвижение опровержений или пропагандистских роликов в медиaprостранстве	Техническая группа

Мониторинг можно проводить с помощью стандартных поисковых систем или при помощи специально разработанных программных продуктов. Целью является поиск тематического видеоконтента. Следующим этапом является ранжирование полученных видеороликов, определение их эмоциональной окраски. Разработка алгоритмов ранжирования может быть построена на основе известных алгоритмов анализа брендов в маркетинге. В частности, должны быть проделаны следующие мероприятия:

1) проведён экспресс-аудит присутствия негативной информации в социальных медиа;

2) проведена оценка «репутации» и рейтинга видеоролика на основании опубликованных отзывов;

3) проведён анализ восприятия ролика зрителями;

4) исследована возможность вирусного распространения данного контента;

5) проведена экспертная оценка наиболее «опасных» видеороликов.

Автоматическое ранжирование возможно путём анализа текстовых комментариев или названия видеороликов. Первые два этапа предлагаемой методики следует проводить с привлечением мощных вычислительных ресурсов профильных научно-исследовательских институтов или других организаций. При

наличии возможности географической привязки отсортированной информации вероятно её передача в региональные прессслужбы для экспертной оценки, принятия необходимых управленческих решений и разработки эффективной пропагандистской стратегии.

После ранжирования отобранного контента следует провести экспертное оценивание наиболее популярных видеороликов с целью разработки опровержений негативных фактов или создания пропагандистских видеоматериалов или текстовых файлов. Для разработки эффективных способов противодействия распространению негативного видео необходимо понимание алгоритмов и методов продвижения видеоконтента в YouTube [5–7]. Факты опровержения и пропагандистские материалы должны быть преподнесены зрителям YouTube как такие же любительские видеоролики, но с положительным настроем. Ссылки на них должны быть в комментариях к наиболее просматриваемым роликам. В этом случае видео, формирующее положительный имидж сотрудников органов внутренних дел, будет распространяться вместе с негативным контентом и частично или полностью нивелировать его воздействие на общественное мнение. Для эффективного продвижения положительного видеоматериала необходим анализ следующих факторов:

- как долго пользователи смотрят ролик;
- переходят ли они после просмотра Вашего видео к просмотру другого (это положительный фактор);
- количество уникальных пользователей, посмотревших видео;
- количество посетителей канала, поделившихся роликом;
- число подписчиков канала;
- наличие ссылок на другие сайты.

Ролик обязан соответствовать тематике, а информация в нем должна быть представлена ясно и доступно для пользователей. После того, как видео готово,

выбирается имя загружаемого файла, которое привлечет внимание аудитории, прописываются теги, связанные с роликом. Один из наиболее удобных инструментов – KeywordTool.io [7]. Тщательно продумывается полное описание ролика (желательно не менее 200 слов). Видео помещается в соответствующую категорию или прикрепляется к «негативному контенту» в виде ссылки, устанавливается релевантность контента. YouTube использует эту информацию, чтобы понять, к каким запросам подходит видео и побуждает пользователя посмотреть ролик [4].

Таким образом, используя данную методику, можно выявить факты распространения негативного отношения к сотрудникам органов внутренних дел в сети «Интернет». Кроме того, возможно нейтрализовать или снизить влияние негативного видеоконтента на формирование общественного мнения за счёт своевременных и грамотных контрмер.

Подводя итог, стоит ещё раз отметить, что современные коммуникативные технологии за счёт неконтролируемости распространения информации могут достаточно быстро сформировать в общественном сознании негативное отношение к правоохранительным органам. В современных условиях органы внутренних дел должны не просто осуществлять мониторинг общественного мнения, но и проводить более активную политику по созданию положительного имиджа сотрудника полиции в глазах населения, работать над управлением общественным мнением. В рамках данной статьи предложен вариант методики предотвращения распространения негативного видеоконтента в сети «Интернет». Данная частная методика учитывает стихийность и неконтролируемость распространения видеороликов негативного характера и позволяет нивелировать их воздействие на общественное сознание за счёт адекватного распространения опровергающей или пропагандистской

информации. Она может быть использована для практической подготовки сотрудников ведомственных пресс-служб и полноценного формирования у них

профессиональных компетенций, учитывающих современное развитие медиaproстранства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Как работает алгоритм YouTube? Изменения 2017 года. URL: <https://network.bbtv.com/ru/kak-rabotaet-algoritm-youtube-2017/> (дата обращения: 09.08.2018).
2. Ранжирование видеороликов в Google и YouTube: исследуем различия (перевод). URL: <https://semantica.in/blog/ranzhirovanie-videorolikov-v-google-i-youtube-issleduem-razlichiya.html> (дата обращения: 09.08.2018).
3. Гнетнёв А. И., Филь М. С. Современная пресс-служба: учебник. Ростов н/д: Феникс, 2010. 414 с.
4. Youtube обогнал российские телеканалы по охвату. URL: <https://ru.epicstars.com/youtube-telekanal> (дата обращения: 09.08.2018).
5. Каданцева Н. П. Имидж сотрудников органов внутренних дел России: история и направления развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3. С. 183–186.
6. Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции: приказ МВД России от 1 декабря 2016 г. № 777 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Русаков А. Связи с общественностью в органах государственной власти: учебное пособие. СПб.: Изд-во В. Михайлова, 2013. 218 с.

© Ильянова О. И.

**КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.163.03:343.985.03(470)

В. Ф. ЛУГОВИК, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск)

V. F. LUGOVIK, Professor of the Chair of Operative-Detective Activity of Internal Affairs Bodies of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; leading scientific employee of the Scientific Research Institute FSIN of Russia, Doctor of Law, professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Omsk)

В. Н. БОРКОВ, начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент (г. Омск)

V. N. BORKOV, Head of the Chair of Criminal Law of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, associate professor (Omsk)

НАДЗОР ЗА ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: ВСЕГДА ЛИ ЗАКОННО ПРОКУРОРСКОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

SUPERVISION OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES: IS THE PROSECUTOR'S RULE-MAKING AND LAW ENFORCEMENT ALWAYS LEGAL?

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы привлечения сотрудников оперативных подразделений полиции к уголовной ответственности по требованию прокурора. В основе статьи – анализ оперативно-разыскной ситуации, результаты изучения судебной практики, актов прокурорского реагирования, опроса сотрудников оперативных подразделений. Делаются выводы о спорности прокурорского нормотворчества в части регулирования оснований надзорной проверки и распространенности фактов превышения прокурорами служебных полномочий при надзоре за оперативно-разыскной деятельностью.

Ключевые слова и словосочетания: прокурорский надзор, оперативно-разыскная деятельность, оперативные подразделения, конфиденент, прокурорское нормотворчество, правоприменение.

Annotation. The article deals with problematic issues of bringing employees of operational police units to criminal responsibility at the request of the Prosecutor. The article is based on the analysis of the operational search situation, the results of studying judicial practice, acts of Prosecutor's response, and a survey of employees of operational divisions. Conclusions are drawn about the controversy of

the Prosecutor's rulemaking in terms of regulating the grounds for Supervisory verification and the prevalence of cases of exceeding the official powers of prosecutors in the supervision of operational and investigative activities.

Keywords and phrases: *Prosecutor's supervision, operational and investigative activities, operational divisions, confidential, Prosecutor's rulemaking, law enforcement.*

Важнейшей гарантией обеспечения законности в оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) выступает прокурорский надзор, который является внешним «наблюдением» за соблюдением оперативными подразделениями Конституции РФ и исполнением законов. У ученых и практикующих юристов не вызывает сомнения важность независимого контроля за негласной сферой правоприменения. Действительно, судебный контроль за ОРД носит, как правило, статусный характер и осуществляется в ходе судебного санкционирования лишь отдельных оперативно-разыскных мероприятий, а ведомственный контроль вряд ли можно назвать беспристрастным и независимым, тем более что Европейский Суд по правам человека не признает его эффективным средством обеспечения прав и свобод человека. Вместе с тем, несмотря на 28 летнюю историю прокурорского надзора за ОРД, имеется ряд проблем в области правотворчества и правоприменения, не нашедших своего решения. Проиллюстрируем это на конкретной ситуации.

Прокурор Республики К. при осуществлении надзора за исполнением Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), нарушив процедуру прокурорской проверки и порядок ознакомления с документами, содержащими государственную тайну, выявив при этом факт проведения оперативного эксперимента по делу оперативного учета, в ходе которого были получены сведения о возможном совершении разрабатываемого вымогательства, самостоятельно рассекретил результаты ОРД, в том числе персональные данные лица, оказывавше-

го содействие оперативным подразделениям полиции, и передал их следователю. Кроме того, усмотрев в действиях сотрудников уголовного розыска, не представивших результаты ОРД следователю, признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ, направил материалы руководителю Следственного управления Следственного комитета России по Республике К. для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и привлечении их к уголовной ответственности.

Изучение отдельных оперативно-разыскных ситуаций и формулирование на этой основе обобщающих выводов мы рассматриваем в качестве допустимого метода научного познания, так как в единичном случае проявляются общие закономерности. Как писал В. И. Ленин, «общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое общее есть (частичка или сторона, или сущность) отдельного» [1, с. 318]. Кроме того, обобщение оперативно-разыскной практики показало, что рассматриваемая и аналогичные ей ситуации являются типичными. Все чаще сотрудники оперативных подразделений сталкиваются со случаями истребования персональных данных лиц, оказывающих содействие полиции, не только прокурорами, но и следователями, которые путем допроса конфиденнта пытаются восполнить недостающую доказательственную базу по уголовному делу. Зафиксированы факты принудительной выемки документов, содержащих секретные сведения о конфидентах, и обыска в помещениях оперативных подразделений с целью их обнаружения и изъятия.

Нарастающая тенденция игнорирования положений Закона об ОРД о

необходимости сохранения конфиденциальности факта содействия органам, осуществляющим ОРД, и пренебрежительного отношения к обеспечению безопасности лиц, оказывающих содействие оперативно-разыскным органам, позволяет утверждать о существовании нерешенных проблем законодательного регулирования и правоприменения. Практические проблемы требуют теоретического осмысления и побуждают к научному поиску.

В соответствии с ч. 2 ст. 21 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 27.12.2018) «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) проверка исполнения законов проводится только на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, в случае, если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения указанной проверки. Это так называемые инцидентные основания. Вместе с тем согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ допускается возможность проведения прокурорских проверок в инициативном порядке, однако основания и поводы для которых не могут определяться произвольно – они должны быть связаны с конкретными данными о наличии признаков нарушений законов [2]. Иными словами, фактические основания в виде информации о нарушении законов должны быть при любой надзорной проверке.

В связи с этим вряд ли можно признать соответствующим Конституции РФ и названному закону положение п. 5 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 15.02.2011 № 33 (ред. от 20.01.2017) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности», который гласит, что проверять исполнение законов при осуществлении ОРД следует не только по обращениям граждан и должностных лиц, но и по ре-

зультатам изучения материалов уголовных дел о нераскрытых преступлениях, в плановом порядке и по указанию вышестоящего уполномоченного прокурора.

Законодатель не предусмотрел каких-либо исключений относительно оснований проверки его исполнения, то есть инициативные, плановые и прочие надзорные проверки недопустимы, так как ни Законом об ОРД, ни Законом о прокуратуре они не предусмотрены. Однако может законодатель дает право Генеральному прокурору регулировать правоотношения, возникающие в ходе осуществления прокурорского надзора, и издавать нормативные правовые акты, регламентирующие основания надзорных проверок, обязательные для исполнения не только органами прокуратуры, но и иными учреждениями, организациями? Представляется, что на этот вопрос нужно дать отрицательный ответ. Приведем аргументы.

Во-первых, согласно ч. 1 ст. 17 Закона о прокуратуре Генеральному прокурору РФ предоставлено право руководить лишь системой прокуратуры Российской Федерации, но не иных органов, а также издавать приказы, указания, распоряжения, положения и инструкции, обязательные для исполнения только работниками органов и организаций прокуратуры. Статья 30 данного закона гласит, что полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие, устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами. Ни УПК РФ, ни иные законы не предоставляют Генеральному прокурору РФ права регламентировать основания проверок исполнения законов. Вводя дополнительные основания надзорных проверок, Генеральный прокурор РФ выходит за рамки предоставленных ему полномочий.

Во-вторых, Конституционный Суд РФ, рассматривая вопрос о соответствии

Конституции РФ положению п. 2 ст. 21 Закона о прокуратуре, отметил, что соблюдение законодательно установленных оснований прокурорских проверок выступает обязательным элементом конституционности правоприменения [3]. Тем самым было подтверждено исключительно законодательное регулирование оснований прокурорской проверки исполнения законов, и в этой части исключена сама возможность ведомственной регламентации.

В-третьих, произвольное установление оснований и поводов проверки является не только вторжением в сферу полномочий законодательных органов, но и в ходе правоприменения налагает на «поднадзорные» органы дополнительные обязательства, отвлекает от исполнения основной функции – предупреждения и раскрытия преступлений. В некоторых оперативных подразделениях органов внутренних дел, учитывая чрезмерный объем поступающих прокурорских запросов, даже вынуждены выделять специальных сотрудников, занимающихся исключительно подготовкой ответов и реагированием на протесты, представления и требования прокуроров.

Возникает вопрос: «Можно ли обжаловать неправомерные действия прокурора по проверке исполнения Закона об ОРД без наличия законодательно установленных оснований?». Нужно заметить, что прокурорские работники крайне негативно относятся к таким попыткам. Показательно в этом отношении суждение бывшего Генерального прокурора РФ Ю. Я. Чайки, который не допускает даже возможности обжалования действий прокуроров следователями: «Я категорический противник этого дела. Задача следователей – расследовать уголовные дела, а не обжаловать действия прокурора» [3]. Заметим, что речь идет о следователях, обладающих определенной уголовно-процессуальной самостоятельностью и статусом, что уж тут говорить о сотрудниках оперативных

подразделений, правовое положение которых четко не определено [4]. Тем не менее действия прокурора и акты прокурорского реагирования могут обжаловаться в порядке, предусмотренном гл. 22 Кодекса административного судопроизводства РФ [5].

Надзор за исполнением Закона об ОРД осуществляют Генеральный прокурор РФ и уполномоченные им прокуроры. Нужно обратить внимание, что на каждую проверку прокурором выносится письменное решение (ч. 3 ст. 21 Закона о прокуратуре). В данном документе обязательно указываются цели, основания и предмет проверки. Кроме того, на каждую проверку прокурор должен предъявить предписание и справку о форме допуска. С делами оперативного учета прокурор знакомится в специальном помещении в присутствии сотрудника принимающей организации (пп. 66–72 Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне, утвержденной постановлением Правительства РФ от 06.02.2010 № 63 (ред. от 29.12.2016)).

Следует заметить, что прокуратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории РФ (ст. 1 Закона о прокуратуре). Из этого следует, что надзор за соблюдением требований ведомственных нормативных правовых актов, в том числе и тех, которые регламентируют организацию и тактику ОРД, в полномочия прокурора не входит.

По требованию прокуроров руководители оперативно-разыскных органов предоставляют им оперативно-служебные документы, включающие в себя дела оперативного учета, материалы о проведении оперативно-разыскных мероприятий с использованием оперативно-технических средств, а также учетно-регистрационную документацию и ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок про-

ведения оперативно-разыскных мероприятий.

Сведения о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, а также о лицах, оказывающих содействие этим органам на конфиденциальной основе, предоставляются соответствующим прокурорам только с письменного согласия перечисленных лиц, за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности. Вопросы, относящиеся к организации, тактике, методам и средствам ОРД, в предмет прокурорского надзора не входят [6].

В анализируемой нами ситуации прокурор грубо нарушил нормативный порядок доступа к оперативно-служебным документам и ознакомился с теми из них, которые содержат сведения о лице, оказывающем конфиденциальное содействие оперативным подразделениям. Проигнорировав установленную процедуру доступа к сведениям, составляющим государственную тайну, и превысив свои полномочия, он тем самым лишил руководителя органа внутренних дел возможности выполнить требование ч. 2 ст. 25 Закона РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 29.07.2018) «О государственной тайне» (далее – Закон о государственной тайне) по организации таких условий, при которых должностное лицо или гражданин знакомятся только с теми сведениями, составляющими государственную тайну, и в таких объемах, которые необходимы ему для выполнения его должностных (функциональных) обязанностей, то есть в пределах компетенции и предмета проверки. В ч. 2 ст. 32 данного закона акцентировано, что доступ прокурорских работников к сведениям, составляющим государственную тайну, осуществляется в соответствии со ст. 25 Закона о государственной тайне.

В уголовно-процессуальном законе проведена граница между оперативно-разыскной и процессуальной

деятельностью по формам, методам и субъектам. В частности, ст. 41 УПК РФ не допускает возложение полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-разыскные мероприятия.

Неподтвержденность доказанности самого факта деяния, содержащего признаки преступления, зафиксированного средствами ОРД, дало законодателю право не игнорировать обязательность процессуального рассмотрения информации о таком деянии. Предположительный характер сведений о совершенном, совершаемом или подготавливаемом преступлении в соответствии со ст. 7 Закона об ОРД является основанием для проведения дальнейших проверочных оперативно-разыскных действий. Необходимость обеспечения законности, конспирация, а также соблюдение прав и свобод человека и гражданина детерминирует исключительно негласный характер проверки.

Конфидента нельзя принудить дать свидетельские показания. Это противоречило бы самой природе ОРД и институту содействия граждан оперативным подразделениям. По этой же причине далеко не все результаты ОРД могут быть представлены следователю. Исходя из этого, выскажем мнение о позиции прокурора, усмотревшего в действиях сотрудников уголовного розыска, не представивших результаты ОРД следователю, признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ, и потребовавшего привлечь их к уголовной ответственности.

Представление и легализация руководителем оперативно-разыскного органа результатов ОРД не может рассматриваться в качестве властного решения. Реализация этого права не может оцениваться как использование должностных полномочий или злоупотребление ими. Субъектом деяния по ст. 285 УК РФ может быть должностное лицо, осуществ-

вляющее функции представителя власти. В соответствии с примечанием к ст. 318 УК РФ таким субъектом признается лицо правоохранительного органа, «наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости». В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (далее – постановление № 19) отмечено, что такие полномочия заключаются в праве принимать решения, обязательные для исполнения физическими и юридическими лицами, независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности [7]. Таким образом, здесь недостаточно только статуса субъекта как сотрудника правоохранительного органа. В этом случае следует доказать, что лицо необоснованно использовало или не использовало собственно властные полномочия, т. е. субъект принял противоречащее интересам государства общественно опасное решение, которое имело юридическое значение для не подчиненных ему лиц или организаций.

В соответствии со ст. 11 Закона об ОРД результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, но сами по себе эти данные, а также постановление руководителя об их предоставлении правоотношений в сфере уголовного судопроизводства не порождают. Результаты ОРД не могут быть использованы в процессе доказывания, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам (ст. 89 УПК РФ). Как мы уже отмечали, законодатель всегда обращал внимание на меньшую «доказательственную» силу результатов ОРД в сравнении с уголовно-процессуальными результатами. Особенно это актуально при оценке первичной оперативной информации.

Законодатель, используя в ст. 11 Закона об ОРД выражение «результаты

оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы», подчеркивает дискреционный характер полномочий руководителя оперативно-разыскного органа по предоставлению результатов ОРД. Иными словами, это его право, а не обязанность. Только оценив все обстоятельства получения оперативно-разыскной информации (достоверность, полноту, возможность использования в доказывании, безопасность источника информации и др.), руководитель принимает решение о ее рассекречивании и предоставлении следователю. Никого другого (прокурора, следователя, судью и др.) законодатель таким правом не наделил.

В изученных нами постановлениях прокурора по анализируемому делу утверждается, что в ходе оперативно-розыскных действий получены доказательства совершения преступления, а наличие признаков укрытого криминального деяния доказано. Это ошибочное суждение. При осуществлении ОРД доказательства собраны быть не могут. Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что результаты оперативно-разыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, так как это предписывается ст.ст. 49 (ч. 1) и 50 (ч. 2) Конституции РФ.

Таким образом, непредоставление результатов ОРД следователю или отказ от их уголовно-процессуальной проверки оперативным подразделением недопустимо рассматривать как злоупотребление властными полномочиями по ряду причин. Во-первых, постановление о предоставлении результатов ОРД – не есть властное решение, не порождает правоотношения и не обеспечивает мерами государственного принуждения. Во-вторых, одной вспомогательной задачей ОРД выступает предварительная

проверка поступающей противоречивой, не всегда позитивно мотивированной, а иногда призванной дезориентировать и дезинформировать правоохранительные органы информации. Соответственно, должностные лица оперативных подразделений обладают дискреционными полномочиями при принятии решений по использованию полученных результатов ОРД. В-третьих, невозможность обеспечения безопасности участников ОРД исключает использование оперативной информации в публичном доказывании, и в этом случае результаты ОРД следователю не предоставляются.

Преступление, являясь общественно опасным деянием, посягает не только на конкретное правоотношение, но и наносит вред всему обществу. Как считает В. Д. Филимонов, «социальное содержание конкретных охраняемых государством общественных отношений (безопасности государства и личности, отношений собственности, общественной безопасности и др.), в свою очередь, во многом определяется реализованным в них принципом справедливости. Количественное содержание меры справедливости в общественных отношениях выражается категорией равенства – равной защитой законных интересов всех участников общественных отношений» [8, с. 138]. Нужно признать, что в анализируемой нами ситуации вред от действий прокурора явно превышает опасность якобы вскрытого им «посягательства». С одной стороны, мы имеем оперативно-разыскные данные о событии, вред от которого лицо считает незначительным, с другой – нарушение права данного гражданина на конфиденциальность сотрудничества, гарантированное ст.ст. 17 и 18 Закона об ОРД, подрыв авторитета правоохранительных органов и риск безопасности конфиденента.

В целом, выступая за расширение пределов прокурорского надзора в сфере ОРД, А. Д. Бабичев отмечает, что «личные данные негласных сотрудников, за исключением предусмотренных законом

случаев, не могут быть предметом прокурорского анализа. Это фундаментальные основы оперативно-разыскной науки и практики, которые как аксиома не требуют обсуждения» [9, с. 7].

Своим решением о рассекречивании результатов ОРД и направлении их следователю прокурор грубо нарушил право гражданина на конфиденциальность содействия оперативно-разыскным органам, закрепленное в ч. 1 ст. 17 Закона об ОРД, – сведения о лицах, оказывающих содействие правоохранительным органам на конфиденциальной основе, могут быть рассекречены только с их согласия, за исключением случаев, требующих привлечения указанных лиц к уголовной ответственности. Стало быть, прокурор превысил предоставленные ему полномочия.

В п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 указаны виды превышения должностных полномочий – совершение должностным лицом действий, относящихся к полномочиям другого должностного лица. Рассекречивание прокурором факта сотрудничества лица с оперативно-розыскным органом явно выходит за пределы его надзорных полномочий. Заметим, что прокурор вышел за пределы предоставленных ему полномочий способом, специально предусмотренным в ст. 283 УК РФ. В исследуемой ситуации незаконные действия прокурора привели к тому, что сведения, составляющие государственную тайну, стали достоянием других лиц по его инициативе. Доктриной квалификации должностных преступлений установлено, что в случае, когда действия должностного лица одновременно содержат признаки общей (ч. 1 ст. 286 УК РФ) и специальной нормы (ч. 1 ст. 283 УК РФ), ответственность наступает по специальной.

Анализ уголовного законодательства говорит в пользу того, что правовой интерес, наряду с обеспечением неотвратимости наказания и ответственности, состоит и в обеспечении безопасности

отдельных лиц. Более того, уголовно-правовая доктрина, да и законодатель, жизнь, здоровье и безопасность граждан оценивают выше неотвратимости ответственности. Действительно, в соответствии с примечаниями к ст.ст. 126, 206, 222, 222.1, 228 УК РФ лицо не подлежит уголовной ответственности при позитивном посткриминальном поведении.

Можно сделать вывод о том, что в действиях прокурора, требующего проверить сведения, содержащиеся в материалах ОРД, на предмет наличия совершенного преступления, разгласившего сведения, составляющие государственную тайну, нарушившего право гражданина на конфиденциальность сотрудничества с правоохранительными органами, подвергнув тем самым его жизни, здоровью опасности, содержатся признаки преступления, предусмотренного ст. 283 УК РФ.

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы. Нормативные правовые акты Генеральной прокуратуры РФ, регламентирующие прокурорский надзор за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», необходимо привести в соответствие с Конституцией РФ и Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации». Также Генеральной прокуратуре РФ и органам, уполномоченным на осуществление ОРД, целесообразно издать совместные нормативные правовые акты, регламентирующие процедуру проведения прокурорской проверки исполнения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и представления оперативными подразделениями оперативно-служебных документов надзирающему прокурору.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 29. URL: <http://bolshevick.org/teoriya-i-praktika-bolshevizma/lenin/29.pdf>.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П // Собрание законодательства РФ. 2015. № 9. Ст. 1389.
3. Чайка категорически против идеи Бастрыкина об обжаловании следователями решений прокуроров. URL: <https://pravo.ru/news/view/53087> (дата обращения: 25.12.2019).
4. Луговик В. Ф., Луговик С. М. Правовой статус оперуполномоченного при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография. М.: ИНФРА М, 2018. 154 с.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015) (ред. от 28.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
6. О порядке представления органами внутренних дел оперативно-служебных документов с целью осуществления прокурорами надзора за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: указание Генеральной прокуратуры РФ № 215/69, МВД России от 29.09.2008 № 1/7818 // СПС «КонсультантПлюс».
7. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 24.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Филимонов В. Д. Роль генезиса преступления в формировании его общественной опасности // Вестник Томского университета. Право. 2018. № 30. С. 137–146.
9. Бабичев А. Д. Пределы прокурорского надзора за законностью решений в оперативно-розыскной деятельности подразделений органов внутренних дел // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4. С. 103–108.

© Луговик В. Ф.
© Борков В. Н.

УДК 343.985.7:343.34:343.22(470)

И. А. ЯЦКИНА, адъюнкт адъюнктуры
Ростовского юридического института
МВД России (г. Ростов-на-Дону)

I. A. YATSKINA, adjunct of the post-graduate
course of Rostov Law Institute of the Ministry of
Internal Affairs of the Russia (Rostov-on-Don)

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ СУБЪЕКТОВ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРОПАГАНДОЙ ЭКСТРЕМИЗМА,
В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**FORENSIC STUDY OF THE IDENTITY OF THE SUBJECTS OF CRIMES
RELATED TO THE PROMOTION OF EXTREMISM IN THE CONTEXT OF
COUNTERING EXTREMIST ACTIVITIES**

Аннотация. Продолжая исследовать криминалистические аспекты борьбы с преступлениями экстремистской направленности, автор обращает внимание на специфические криминалистически значимые особенности субъектов преступлений, связанных с пропагандой экстремизма. Исследуются характерные индивидуально-психологические особенности обвиняемых, факторы, повлиявшие на формирование у них экстремистских убеждений, выражаются рекомендации по восполнению типичных недочетов в расследовании указанных деяний, связанных с совершенствованием криминалистического изучения данных лиц.

Ключевые слова и словосочетания: экстремизм, пропаганда экстремизма, экстремистская деятельность, деструктивные идеи, криминалистическое изучение личности.

Annotation. Continuing to investigate the forensic aspects of the fight against extremist crimes, the author pays attention to the specific forensically significant features of the subjects of crimes related to the promotion of extremism. The article examines the typical individual psychological characteristics of the accused, the factors that influenced the formation of their extremist beliefs, and the recommendations are made to fill in typical shortcomings in the investigation of these acts related to the forensic study of these individuals.

Keywords and phrases: extremism, propaganda of extremism, extremist activity, destructive ideas, forensic study of the individual.

Преступления экстремистской направленности образуют многочисленную категорию [1–3], классифицированную в юридической литературе по ряду критериев на разновидности, кардинально различающиеся по механизму их совершения [4, с. 8; 5, с. 32], а потому требующие неодинаковых подходов к выработке криминалистических рекомендаций по успешному их раскрытию, расследованию, предотвращению. В структуре экстремистских посягательств особое место занимают преступления, связанные с пропагандой экстремизма [6, с. 14], к которым мы склонны отнести прежде

всего преступления, предусмотренные ст.ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ», 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», а также некоторые иные деяния, например, хулиганство, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам вражды в отношении какой-либо

социальной группы (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ) и др.

Специфика указанных деяний обусловливается тем, что, казалось бы, их субъекты зачастую лично не совершают нападения, убийства, погромы и подобные агрессивные действия в отношении представителей власти, политической, национальной, расовой, религиозной, идеологической, иной социальной группы, трактуемой ими как враждебной и презираемой. Однако, транслируя в социум состояние крайней нетерпимости, ненависти и вражды, призывая к решительным действиям в отношении государственного устройства или конкретных государственных деятелей, а равно тех или иных социальных групп, вплоть до физического истребления либо вынужденной миграции их представителей, они постепенно занимаются популяризацией соответствующих деструктивных идей, их продвижением в массы, нахождением новых соратников.

Взращивая в обществе состояние тревоги, незащищенности, неуверенности в завтрашнем дне, дискредитируя работу государственных органов, нередко они добиваются психологического отклика у широких масс населения, готовых принять участие не только в уличных публичных акциях протеста, но и лично совершить насильственные действия. Иллюстрациями достижения подобных целей являются многочисленные «цветные» революции, прокатившиеся в последние десятилетия по ряду стран (зеленая революция в Иране, финиковая революция в Тунисе, революция лотоса в Египте и др.), в том числе в государствах бывшего социалистического лагеря (оранжевая революция в Украине, сиреневая революция в Молдавии, тюльпановая революция в Киргизии, революция роз в Грузии, бархатная революция в Чехословакии и т. д.), нередко приведшие к трагическим последствиям. Под предлогом демократизации и разрешения различных поли-

тических, социально-экономических и иных проблем и противоречий на деле нередко смена политического режима сопровождается массовыми беспорядками, разрухой и хаосом, крахом экономики и социальной инфраструктуры, массовым насилием, снижением уровня благосостояния большинства населения и т. д.

Конечно, роль самих по себе лидеров деструктивных оппозиционных движений не ограничивается совершением революций. Как известно, возникновению революции предшествует формирование революционных ситуаций. Объективно, в каждом социально-территориальном образовании, включая государство, периодически актуализируются различные кризисные ситуации, которые имманентно присущи социальному прогрессу. Во многих случаях они указывают на направления, требующие своего дальнейшего развития и совершенствования, т. е. эволюции, а также на факторы, условия, которые уже не соответствуют современным стандартам государственного и общественного устройства. Такие эволюционные процессы нередко могли бы быть вполне эффективны путем постепенного и поэтапного реформирования государственных институтов на основе своевременного и тщательного изучения проблем, присущих соответствующим подструктурам общества. Иными словами, вне насильственной смены государственного устройства в результате мятежа, массовых беспорядков, тем более свержения действующих правителей. Поэтому общеизвестно, что, помимо объективных условий для возникновения революции (в виде различных кризисных явлений, стимулирующих беспокойства и волнения народных масс), необходимо такое субъективное условие, как наличие лидера, способного организовать и возглавить соответствующие акции. То есть в основе всяких экстремистских акций: от попыток государственного переворота до нападений на представителей различных социальных групп, всегда

лежат соответствующие деструктивные идеи, которые лишь на первый взгляд могут быть продиктованы заботой о нуждах соотечественников, содержать определенное теоретическое обоснование и аргументацию, придающие им эффект убедительности.

С другой стороны, подавляющему большинству индивидуумов, наряду с базовыми физиологическими потребностями, присущи и запросы нематериального характера, имманентно продуцируемые человеческой психикой. Средствами реализации таких запросов выступают система духовных и культурных ценностей, этических норм поведения, религиозные постулаты, политические убеждения, различные идеологические взгляды, принципы, философские теории и учения и т. д. Безусловно, характер и масштаб данных нематериальных притязаний у каждого человека неодинаков, будучи обусловленным соотношением индивидуально-психологических качеств (эмоционально-волевых, интеллектуальных, коммуникативных и т. п.), уровнем развития личности, образованием и воспитанием, окружением и взаимоотношениями между близкими лицами, наличием перенесенных в раннем возрасте различных психотравмирующих ситуаций, страхов, лишений и т. д. В некоторых случаях система нематериальных потребностей ограничивается традиционными религиозными догмами и традициями, интересами семьи и прочих формализованных социальных общностей (учебной группы, трудового коллектива, спортивной секции и т. д.), принятым этикетом и правилами поведения и т. п., следуя которым человек ощущает себя реализованным как личность. Однако далеко не каждому лицу комфортна и достаточна такая так называемая обыденная степень реализации.

Идеологам экстремистских группировок, в отличие от рядовых участников нападений и «погромов», изначально присущ абстрактный интеллект, способ-

ность к нестандартному творческому мышлению и обоснованию своей позиции, видению действительных и субъективно значимых (мнимых) проблем и пороков, характерных государству и обществу, а также типичным современникам, в сочетании с высокой выраженностью интроверсии, избирательностью круга общения. То же можно сказать и о пропагандистах-одиночках, систематически публикующих нацистскую символику или иные экстремистские материалы в социальных сетях и дистанционно поддерживающих доверительные отношения лишь с лицами, разделяющими соответствующие деструктивные идеи, не имея реальных друзей в своем ближайшем окружении (по месту жительства, в трудовом коллективе или учебном заведении). Способности к креативному мышлению при недостаточной социальной адаптации, замкнутости в сочетании с внутренним ощущением интеллектуального превосходства обуславливают возникновение различных конфликтных ситуаций со сверстниками и другими лицами, оказавшимися в одном коллективном образовании с такими лицами, что усиливает и углубляет уровень их социальной отчужденности, враждебности.

Как показывают эмпирические источники, допрашиваемые в качестве свидетелей: соседи, коллеги, одноклассники, нередко характеризуют экстремистов как лиц скромных, немногословных, нелюдимых и неконфликтных, в сравнении, например, с обвиняемыми в совершении насилия на бытовой почве. Но под внешней неконфликтностью и отстраненностью зачастую скрывается внутриличностный кризис («когнитивный диссонанс»), пренебрежение к человеческой жизни как к «бессмысленному» явлению. Это сочетается с ненавистью к лицам, не разделяющим те или иные идеологические постулаты, либо сознание которых ограничено обыденными, бытовыми вопросами.

Например, С., имея хорошую успеваемость в период обучения в средней школе, в старших классах углубленно увлекся историей и обществознанием. Педагоги характеризовали старшеклассника как ученика скромного, исполнительного, способного. Вместе с тем он не имел друзей в классе, всегда держался обособленно от сверстников, не испытывая желания общения с ними, но в свободное время активно общался с единомышленниками в сети «Интернет». Заинтересовавшись историей Второй мировой войны, личностью Адольфа Гитлера, войсками «СС», он постепенно пришел к нацистским убеждениям в виде превосходства одной нации над другой. Восхищаясь личностью главного идеолога германского нацизма, разделяя его политику и идеи, он обосновывал и оправдывал нападение фашистской Германии на СССР в 1941 г., искренне считая данную вероломную акцию «жизненно важной для Германии» (на уровне вопроса обеспечения государственной безопасности для немцев). Однако совокупность материалов данного уголовного дела показывает, что формированию у данного лица деструктивной идеологии фактически во многом способствовали притеснения, осуществляемые в отношении него со стороны других учеников (сверстников) татарской национальности, породившие фрустрационные состояния и неспособность в силу психологических и физических особенностей данного лица оптимально разрешить данную ситуацию, а также гармонично реализоваться в социуме.

В результате неприятия, причиненные конкретными лицами, оказались психологически перенесены на представителей наций, имеющих, по мнению обвиняемого, более низкий уровень развития в сравнении с культурой германского народа. Систематически публикуя многочисленные экстремистские материалы на своей страничке в социальной сети «ВКонтакте» под ником «Эдвард

Штрейхер», он стремился добиться того, чтобы широкий круг лиц смог прийти к «правильному пониманию» личности Гитлера, а также «подлинной» роли военнослужащих подразделений «СС», которые якобы «доблестно и самоотверженно» сражались «против большевиков, которые поработили Россию» [7].

Криминалистикой всегда уделялось определенное внимание вопросам изучения личности субъектов, совершающих преступления [8; 9], включая описательный уровень (формирование информационной модели преступления в виде криминалистической характеристики) и динамический (в процессе непосредственного расследования преступлений) [10, с. 11–18]. Соглашаясь с представлениями о диалектическом единстве ранее познанных на основе эмпирического обобщения типичных качеств личности, склонной к совершению соответствующей группы деяний, и устанавливаемыми в результате расследования конкретных преступлений свойств и состояний реальных обвиняемых, позволим себе заметить, что криминалистическая характеристика личности субъектов преступлений должна носить не описательный, а скорее систематизированный характер.

Запрос на разработку соответствующих криминалистических рекомендаций, связанных с изучением личности субъектов преступных деяний, определен регламентированным ст. 73 УПК РФ универсальным перечнем обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам. Не перечисляя содержание названного перечня, обратим внимание, что в нем отражено требование как, собственно, установления лица, причастного к совершению конкретного деяния, доказывания его виновности и мотивов, так и определения его криминалистически значимых качеств, то есть общефизических (включая анатомические, функциональные признаки), психологических, социальных, профессиональных,

позволяющих изложить характеристику личности обвиняемого.

Применительно к криминалистическому изучению преступлений, связанных с пропагандой экстремизма, данный аспект наполняется специфическим содержанием. Помимо установления общефизических качеств (гендерных, возрастных, некоторых материально-фиксированных свойств и особенностей, позволяющих идентифицировать субъекта по его следам), а также значимых для расследования индивидуально-психологических (темперамента, характера, системы ценностей, мотивации), следует более тщательно устанавливать наличие у субъектов специфических психических состояний, оказывающих влияние на их поведенческие реакции как патологического, так и непатологического характера.

Анализ эмпирических материалов показывает, что в ряде случаев (в частности, по резонансным уголовным делам) следователи считают нужным назначить судебно-психиатрическую экспертизу, по результатам которой обвиняемые зачастую признаются виновными, т. е. способными осознавать общественный характер и противоправность собственных действий, руководить ими, а потому нести в полной мере ответственность. К сожалению, судебная психология, исследующая свойства психически здоровой личности (в форме назначения судебно-психологической или психолого-психиатрической экспертизы [11; 12]), в данном случае применяется редко. Это свидетельствует не только о неполном установлении личностных особенностей обвиняемого, но и о том,

что, реализуя принцип неотвратимости уголовной ответственности путем обеспечения осужденному наказания за совершенное преступление, уголовное судопроизводство в большей степени реализует карательные, нежели восстановительные (реабилитационные) меры.

Однако задачей криминалистики является не только раскрытие и расследование преступлений, но и их предотвращение [13, с. 172; 14, с. 7], что возможно посредством определения наличия деструктивных состояний непатологической природы и осуществления корректных и действенных мер по психологической реабилитации. Как мы показали в настоящей работе, формирование экстремистских убеждений осуществляется непроизвольно (исключительно по желанию самого субъекта), а при наличии у него определенной совокупности индивидуально-психологических качеств, развитие которых происходит дисгармонично под воздействием психотравмирующих ситуаций. Поэтому наказание субъектов преступлений, связанных с пропагандой экстремизма, не должно являться самоцелью. Справедливо назначаемое наказание (с точки зрения реального вреда и последствий, наступивших в результате преступления, а также личности обвиняемого) сочетать с осуществлением результативных мер по психологической реабилитации (включая учет квалифицированного мнения психолога, специализирующегося на исследовании личности субъектов данных деяний, на реальность психологической коррекции вне изоляции от общества).

ЛИТЕРАТУРА

1. Варданян А. В., Кулешов Р. В. Соотношение понятий экстремистской и террористической деятельности: гносеологический и правовой аспекты // Черные дыры в Российском законодательстве. 2015. № 4. С. 94–97.

2. Варданян А. В., Кулешов Р. В. Диалектическое единство экстремизма и терроризма как философская предпосылка для совершенствования подходов к криминалистическому научному обеспечению антитеррористической и антиэкстремистской деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 8. С. 115–118.
3. Варданян А. В., Кулешов Р. В. Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного познания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 40–45.
4. Варданян А. В., Кулешов Р. В. Криминалистические классификации преступлений и их системообразующая роль в формировании частных криминалистических методик расследования преступлений как научно обоснованных комплексов криминалистических рекомендаций // Российский следователь. 2015. № 21. С. 5–10.
5. Варданян А. В., Кулешов Р. В. О классификации явлений экстремизма и терроризма: единство сущности и поливариантность отображения в социуме // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4 (42). С. 31–35.
6. Кулешов Р. В. Теоретико-методологические основы раскрытия и расследования преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2017. 48 с.
7. Уголовное дело 2-25/2015. Верховный Суд Республики Крым // СПС «КонсультантПлюс».
8. Варданян А. В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 2. С. 244–251.
9. Варданян А. В. Научный потенциал методики построения психолого-криминалистического портрета личности типичного преступника в контексте проблемы совершенствования криминалистической характеристики преступлений // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник трудов XII Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2015. С. 3–11.
10. Малыгина Н. И. Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 31 с.
11. Варданян А. В. Некоторые проблемы назначения психолого-психиатрической экспертизы при расследовании насильственных посягательств на жизнь и здоровье личности, совершенных субъектами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2. С. 168–172.
12. Варданян А. В. Судебная экспертиза в структуре доказательств по уголовным делам: некоторые современные проблемы // Философия права. 2019. № 2 (89). С. 56–60.
13. Варданян А. В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 169–173.
14. Варданян А. В. Современные проблемы учения о криминалистическом предупреждении преступлений: гносеологические и правовые аспекты // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник трудов Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2017. С. 3–9.

© Яцкина И. А.

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ. ЯЗЫК И ПРАВО.
ЮРИСЛИНГВИСТИКА**

УДК 81+37

Л. М. БАЗАВЛУК, доцент кафедры иностранных и русского языков Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат филологических наук, доцент (г. Орел)

L. M. BAZAVLUK, Assistant Professor of the Chair of foreign and Russian languages of Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia named after V. V. Lukyanov, Candidate of Philology sciences, associate professor (Orel)

**О НЕКОТОРЫХ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ И СИНТАКСИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКОВОГО ОЩУЩЕНИЯ Н. В. ГОГОЛЯ**

**ABOUT SOME STRUCTURAL-SEMANTIC AND SYNTACTIC PECULIARITIES
OF LANGUAGE FEELING OF N. V. GOGOL**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые структурно-семантические и синтаксические особенности художественных и публицистических произведений Н. В. Гоголя, которые можно было бы использовать как иллюстративные примеры на занятиях по филологическим дисциплинам в образовательных организациях МВД России. В качестве таких особенностей, характеризующих индивидуальный стиль Н. В. Гоголя, нами рассмотрены синтаксические конструкции, в которых используется приём стилистического повтора, отражаются особенности побудительных предложений, а также анализируется синтаксическое оформление пословиц. Их использование в художественных, драматических и публицистических произведениях необходимо отнести к числу излюбленных приёмов писателя. Статья предназначена для специалистов, преподающих в юридических институтах дисциплины «Русский язык в деловой документации» и «Риторика».

Ключевые слова и словосочетания: индивидуальный стиль писателя, языковое ощущение, приём стилистического повтора, тавтология, языковая формула, воздействие на читателя, побудительные предложения, синтаксическое оформление пословиц.

Annotation. The article discusses some structural-semantic and syntactic features of N. V. Gogol's artistic and journalistic works, which could be used as illustrative examples in classes on philological disciplines in legal educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. As such features that characterize the individual style of N. V. Gogol, we have considered syntactic constructions in which the author uses the method of stylistic repetition, features of incentive offers are reflected, and the syntactic design of proverbs is also analyzed. Their use in works of art, drama and journalistic works should be considered among the writer's favorite methods. The article is intended for specialists who teach the disciplines «Russian Language in Business Documentation» and «Rhetoric» in law institutes.

Keywords and phrases: individual writing style, language feeling, stylistic repetition, tautology, language formula, effect on the reader, incentive offers, syntactic design of proverbs.

«Язык художественной литературы, её классиков, лучших национальных прозаиков и поэтов должен быть признан важнейшим источником изучения литературного языка», – читаем в «Русской грамматике» [1, с. 13]. Этим объясняется наше обращение к творчеству Н. В. Гоголя, ведь язык Н. В. Гоголя – великолепный образец богатой русской литературной речи.

При проведении занятий по филологическим дисциплинам в Орловском юридическом институте МВД России имени В. В. Лукьянова достаточно часто используются в качестве иллюстративных примеров текстовые структуры из произведений великого классика русской литературы. Рассмотрим некоторые структурно-семантические и синтаксические особенности художественных и публицистических произведений Н. В. Гоголя, которые, на наш взгляд, характеризуют индивидуальный стиль писателя, свидетельствуют о своеобразии его языкового ощущения.

Во-первых, как показал анализ художественных и публицистических произведений Н. В. Гоголя, писатель довольно часто прибегает к приёму повтора. Например, в поэме «Мёртвые души» реплика Ноздрёва в 4-ой главе: «– Ну её, жену, к...! важное в самом деле дело станете делать вместе!» [2, с. 73]; лирическое отступление в начале 6-ой главы: «... любопытного много открывал в нём [незнакомом месте] детский любопытный взгляд» [2, с. 103]; лирическое отступление автора в середине 8-ой главы: «Хотят [читатели высшего сословия] непременно, чтобы все было написано языком самым строгим, очищенным и благородным, – словом, хотят, чтобы русский язык сам собою опустился вдруг с облаков, обработанный как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рты да выставить его» [2, с. 151]; лирическое отступление в конце поэмы: «Дымом дымится под тобою [Русь-тройка] дорога, гремят мосты,

всё отстаёт и остаётся позади» [2, с. 225]. В «Авторской исповеди»: «Я думал, что теперь, более чем когда-либо, нужно нам [русским людям] обнаружить внаружу все, что ни есть внутри Руси» [2, с. 218]; «Все более или менее согласны в том, что писатель-творец творит творенье своё в поученье людей» [3, с. 225].

Известно, что тавтология относится к числу сниженных лексических языковых средств и является одной из разновидностей речевых ошибок. Однако можно ли, учитывая данный факт, говорить о бедности языка и скудости мыслей Н. В. Гоголя (вспомним существовавшее мнение о том, что писатель не вполне владеет грамматикой русского языка, допуская в своих текстах большое количество ошибок)? Ведь нужно учитывать и авторитетное мнение многочисленных исследователей языковой манеры писателя, прежде всего языка поэмы «Мёртвые души», которые отмечали как раз обратное. Следовательно, перед нами своеобразный приём стилистического повтора.

Использование стилистического повтора в качестве языкового средства можно объяснить гениальностью истинного художника слова. Авторство конструкции заключается именно в том, что, выстраивая цепочку слов с одинаковым корнем, Н. В. Гоголь усиливает, как бы возводит в степень своё индивидуальное представление о предмете речи. Благодаря этому писателю удаётся достичь наиболее точного и правильного понимания его мироощущения со стороны вдумчивого читателя. К этой стороне своего творчества Н. В. Гоголь на протяжении всей жизни относился особенно ревностно. Обидчивый и мнительный он не допускал недооценки и искажения смысла своих произведений.

Учитывая, что Гоголю была близка и понятна трагическая судьба пророка, обречённого на непонимание глухотой, глупостью, враждебностью тех, к кому он обращается с проповедью, можно пред-

положить, почему проблему, которая волнует и которую пытается разрешить писатель, он словесно облакает в своеобразную языковую формулу. Этот повтор главного (опорного) слова (а Н. В. Гоголь вновь и вновь возвращается к нему в процессе развития сюжета) оказывает экспрессивное воздействие на адресата речи таким образом, что даже читателям, имеющим слабое языковое чутьё, становится понятно то, что хотел подчеркнуть автор.

Особенно показательным в этом плане последнее из приведённых выше предложений, в котором Н. В. Гоголь трижды употребляет ключевое (стержневое) слово данного своего произведения – этого своеобразного авторского комментария на критику, последовавшую вслед за изданием книги писем «Выбранные места из переписки с друзьями». Объём «Авторской исповеди» составляет 475 предложений, причём было обнаружено 15 словоупотреблений корневой морфемы *твор-*: деепричастие «творя» встретилось 1 раз, существительные «творец», «творение/творенье», «творчество» – 2–4 раза; глагол «творить» – 5 раз. Как видно, слова по употребительности расположились лесенкой. И что удивительно, так это словесная живопись «ударной» конструкции: три рядом стоящих однокоренных слова как своего рода три гвоздя, вбиваемых одновременно в одно отверстие.

Музыкальное звучание конструкции перекликается с включением в неё и центральной для этого периода жизни целеустановки самого Н. В. Гоголя, что также доказывает стержневую позицию этого предложения в данном тексте – страстное тяготение к учительствованию. Последнее словосочетание конструкции «поученье людей», та смысловая параллель, которую проводит автор между собой и истинным Писателем, писателем от Бога, то есть творцом, а также многочисленные примеры побудительных предложений, встречающихся в текстах «Выбранных мест из переписки с друзь-

ями» и «Авторской исповеди», подтверждают предложенную гипотезу.

В центре «Выбранных мест из переписки с друзьями» находится воздействие на читателя, такое, которое является типичным для публицистического стиля речи, характеризующим его: Н. В. Гоголь «чувствовал в себе ... дар, нераскрытый, мучительно требовавший раскрытия ... дар вестничества миров восходящего ряда, дар проповедничества и учительства» [4, с. 197]. Поэтому писатель часто облакает такое воздействие на читателя в форму побудительной конструкции. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» видится вполне уместной общая приподнятость, а порой и торжественность слога, проповеднический и наставнический тон, рекомендации и советы по различным отраслям общественной жизни – то, что уместно и даже обусловлено жанром для обширного размышления о будущем России.

В авторской речи поэмы отмечено только 3 примера побудительных простых предложений. Один представляет собой совет писателя-рассказчика: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!» [2, с. 118]. Это взволнованное обращение к каждому читателю – предостережение; чувства горечи и боли за человека обнажены. Два других – совет-пожелание, даваемый писателям как бы со стороны читателей, то есть это их так называемая воображаемая речь: «Лучше же представляйте нам прекрасное, увлекательное. Пусть лучше позабудемся мы!» [2, с. 222].

Частотность побудительных предложений выше в «Выбранных местах из переписки с друзьями» ввиду особых воздействующих задач и функций этого произведения. Следовательно, было выявлено большее разнообразие указанных конструкций именно в публицистике.

Отмечается разнообразие в грамматическом выражении категории «императивность». Наиболее частотным оказалось традиционное её выражение глаголом в форме 2-го лица единственного или множественного числа, которое находится в зависимости от личных отношений Н. В. Гоголя к адресату – дружеское или официально-деловое, а также от его социального положения в обществе: «Страхни же сон с очей своих и порази сон других. Влетайте в него смело, с той же сияющей вашей улыбкой» [3, с. 17, 66]. Подобные побудительные простые предложения структурно представляют собой почти исключительно односоставные определённо-личные предложения, кроме двух двусоставных конструкций: «Загляните также и вы в свою. А ты сделай вот как» [3, с. 108, 125]. Таким образом, в данном случае налицо соответствие основным закономерностям функционирования побудительных предложений в русском языке. Помимо этого были обнаружены следующие грамматические средства оформления побудительных предложений:

1) аналитическая форма повелительного наклонения, включающая в себя глагол в форме 3-го лица единственного числа настоящего или будущего времени в сочетании с модально-волевыми частицами *пусть* и *да*, вносящими в предложение побудительный оттенок: «Слово гнило да не исходит из уст ваших! Пусть же бессильная женщина ему о том напомнит!» [3, с. 21, 122];

2) глагол-связка *быть* в форме повелительного наклонения: «Будь эгоист в этом случае!» [3, с. 68];

3) глагол в форме изъявительного наклонения в значении повелительного. Глагол в форме 1-го лица множественного числа употребляется для выражения приглашения к совместному действию: «А затем обратимся к самой статье» [3, с. 37];

4) сказуемое в форме инфинитива. Выражается категорический приказ: «Во-первых, ввести всякую должность в

её законные границы и всякого чиновника губернии в полное познание его должности» [3, с. 133];

5) сказуемое в форме сослагательного наклонения. Выражается желание или совет автора с помощью восклицательной частицы *хоть бы* или инфинитива в сочетании с частицей *бы*: «И хоть бы одна душа подала голос!» [3, с. 72];

6) безличные конструкции при помощи сказуемого, имеющего в своём составе слово категории состояния с модальным значением волеизъявления для выражения оттенков желательности, необходимости: «Нужно только хорошо осмотреться вокруг себя» [3, с. 15];

7) неполные предложения, где грамматическое значение побуждения выражается синтаксическими средствами и только с помощью особой интонации повелительности – призыва или просьбы: «Прежде всего благодарность за смертный приговор!» [3, с. 36];

8) сказуемое, выражающее отстранение, – междометный императив: «Прочь пустое приличие!» [3, с. 11].

Среди побудительных простых предложений нередко отмечается оформленность императивности в виде цепи однотипных конструкций, например: «Действуй оружием обоюдоострым! И это делай непременно! Ни в каком случае не своди глаз с самого себя. Имей всегда в предмете себя прежде всех» [3, с. 68].

Только в публицистике употребляется в структуре побудительного предложения устойчивое сочетание фразеологического характера «храни вас (нас, тебя) Бог», которое встретилось 5 раз, например: «Храни тебя Бог от запальчивости и горячки, хотя бы даже в малейшем выражении» [3, с. 50], а также неоднократно используются Н. В. Гоголем междометные выражения, включающие в качестве структурного компонента слово «Бог», например: «Ради Бога, не оставляй начатого дела!» [3, с. 65]. «С Богом, прекрасный друг мой!» [3, с. 147]. Данная особенность объясняется

общей религиозно-нравственной направленностью писем-статей.

Среди побудительных простых предложений оказались частотными конструкции, в которых употребляется глагол-сказуемое с отрицательной частицей *не*. В. В. Виноградов пишет: «Отрицание вносит новые экспрессивные оттенки в систему повелительного наклонения. Собственно, запрет может быть выражен лишь формой несовершенного вида с отрицанием *не*, форма совершенного вида придаёт повелительному наклонению оттенок предостережения» [5, с. 470]. В тексте «Выбранных мест из переписки с друзьями» были отмечены: во-первых, частое использование противительных смысловых отношений между членами простого предложения; во-вторых, авторский контрастный призыв-воздействие на читателей, направленный на их «положительное» действие, то есть своего рода «добропорядочное поведение», через отрицание различных негативных сторон, фактов, явлений действительности, например: «К спорам прислушивайся, но в них не вмешивайся» [3, с. 50]. «Слухам не верьте никаким» [3, с. 87]. «Мужика не бей» [3, с. 106].

На желание «поучать» обратили внимание многие современники Н. В. Гоголя, но, к сожалению, большинство из них смогли увидеть только негативную сторону этого факта. Непонимание привело к беспощадной критике и даже к словесным оскорблениям, которые точно охарактеризовал, как никто другой, сто лет спустя Д. Л. Андреев: «"Гоголь запостился...", "Гоголь замолился...", "Гоголь заблудился в мистицизме...". Как жалки эти, сто лет не сходящие со страниц нашей печати, пошлости» [4, с. 197].

Проблемы, с которыми столкнулся Н. В. Гоголь, заставляют его строже взглянуть на своё творчество, на употребление своего таланта, за который, он верил, даст ответ Богу. Ведь Муки Творчества, связанные с поиском нужного, единственно верного Слова, преследова-

ли писателя постоянно, часто доводили его до болезненного состояния аффекта (вспомним многочисленные примеры сожжения рукописей из-за неудовлетворённости своими творениями). Болезненность его усугублялась тем, что он «хотел насильно заставить писать себя», тогда как душа его «была не готова» к этому. «Я мучил себя, – признавался Н. В. Гоголь, – насилывал писать, страдал тяжким страданием, видя бессилие, и несколько раз даже причинял себе болезнь таким принуждением и ничего не мог сделать, и всё выходило принуждённо и дурно. И много, много раз тоска и даже чуть-чуть не отчаяние овладевали мною от этой причины». И даже в этом дружеском, непринуждённом признании встречаются повторы, что также свидетельствует об особенностях языкового ощущения Н. В. Гоголя. Говорить о тавтологии не приходится, так как здесь налицо философские поиски писателя. И, по-видимому, далеко не случайно и обращение к Богу, и путешествие в Святую Землю, и даже попытка оставить литературное поприще и уйти в монастырь.

Таким образом, рассмотренный стилистический приём свидетельствует о своеобразии языкового ощущения Н. В. Гоголя, который, кроме того, нередко помогает писателю добиться создания комического эффекта (см. в начале статьи примеры обыгрывания значений слов «дело» и «язык»).

Во-вторых, Н. В. Гоголь любил выражать свои заветные мысли в пословицах и поговорках. Оценивая важность пословиц, он писал в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Все великие люди, от Пушкина до Суворова и Петра, благоговели перед нашими пословицами. Известно, что если сумеешь замкнуть речь ловко прибранной пословицей, то сим объяснишь её вдруг народу, как бы сама по себе ни была она свыше его понятия» [3, с. 169].

«Невозможно понять «Мёртвые души» без учёта фольклорной традиции

и в первую очередь пословичной стихии, пронизывающей всю ткань поэмы», — пишет В. А. Воропаев [6, с. 4].

Учитывая, что «Гоголь гениально использует заключённый в пословицах идейно-эстетический потенциал» [6, с. 5], было бы интересно проанализировать разнообразные способы синтаксического оформления пословиц, которые он использует в своих художественных, драматических и публицистических произведениях и своём главном творении — поэме «Мёртвые души».

В тексте поэмы «Мёртвые души» Н. В. Гоголь использует пословицы и в авторском повествовании, и в речи персонажей. По словам В. А. Воропаева, писатель «заставляет своих героев «проговариваться» о себе в пословицах» [6, с. 10]. При этом синтаксическая конструкция, имеющая в своём составе пословицу, может прямо указывать на её наличие при помощи специального слова — «пословица» или «поговорка». Например, в речи Чичикова пословица приводится в качестве аргумента на реплики другого персонажа (Собакевича): «— ... зачем вы исчисляете все их качества, ведь в них толку теперь нет никакого, ведь это всё народ мёртвый. Мёртвым телом хоть забор подпирай, говорит пословица» [2, с. 96]. В речи Собакевича (в ответ на реплики Чичикова): «— Эк, право, затвердила сорока Якова одно про всякого, как говорит пословица; как наладили на два, так не хотите с них и съехать. Вы давайте настоящую цену!» [2, с. 98] (отрывок из поэмы, в котором встречается данная пословица, мы используем в качестве примера проведения деловых переговоров на практическом занятии по теме «Общение в юридической практике» по дисциплине «Риторика», выполняя следующее задание: в предложенном отрывке из «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя выделите варианты обсуждения и от имени участников (партнёров) составьте примерный план подготовки к данным переговорам; обратите внимание на тактику партнё-

ров, используемые уловки); «— Ну, когда не нуждается, так нечего и говорить. На вкусы нет закона: кто любит попа, а кто попадью, говорит пословица» [2, с. 101].

В речи Ноздрёва употребление пословицы помогает нам разглядеть авторскую иронию по отношению к этому персонажу. В подтексте выражена характеристика Ноздрёва — противоречивость героя рисуется через семантическое несоответствие между его репликами: «— Вот говорит пословица: «Для друга семь вёрст не околица!» — говорил он, снимая картуз. — Прохожу мимо, вижу свет в окне, дай, думаю себе, зайду, верно, не спит» [1, с. 194].

Аналогичный пример обнаружен и в авторской речи: «Один Бог разве мог сказать, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни сё, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы» [2, с. 25]. Здесь в авторском повествовании выражена оценочная характеристика персонажа. В косвенной речи: «Он [почтмейстер] не мог понять, как подобное обстоятельство не пришло ему в самом начале рассказа, и сознался, что совершенно справедлива поговорка: "Русский человек задним умом крепок"» [2, с. 187].

Часто названный выше способ оформления конструкции с пословицей встречается в книге писем Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Например: «Много есть таких предметов, которые страждут из-за того, что извратили смысл их; а так как вообще на свете есть много охотников действовать сгоряча, по пословице: «Рассердись на вши, да шубу в печь», то через это уничтожается много того, что послужило бы всем на пользу» [3, с. 60]; «Это [толкование слова «пословица»] выражается и в поговорке: "Одна речь не пословица"» [3, с. 169]; «И кого же выбрали? Того, кто приходился по женской линии родственником царю, от которого недавний ужас ходил по всей земле, так что

не только им притесняемые и казнимые бояре, но даже и самый народ, который почти ничего не потерпел от него, долго повторял поговорку: "Добро была голова, да слава Богу, что земля прибрала" [3, с. 45].

Особое оформление конструкции с пословицей обнаружено в «Авторской исповеди»: «А слово уже брошено. Слово – как воробей, говорит наша пословица: выпустивши его, не схватишь потом» [3, с. 227]. В других случаях указание на наличие пословицы происходит косвенно, при помощи других специальных лексических средств. Например, во внутренней речи персонажа (Чичикова) пословица помогает понять оценку, высказанную этим персонажем по отношению к другому персонажу (Собакевичу): «Как взглянул он на его спину, широкою, как у вятских приземистых лошадей, и на ноги его, походившие на чугунные тумбы, которые ставят на тротуарах, не мог не воскликнуть внутренно: "Эк наградил-то тебя Бог! вот уж точно, как говорят, неладно скроен, да крепко сшит!"» [2, с. 99]. В комедии «Ревизор» из монолога городничего: «– До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если Бог хочет наказать, так отнимет прежде разум» [7, с. 282]. В «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Это [отношение к умному человеку] отразилось в басне «Хор певчих», которую заключил он [Крылов] словами: "По мне, уж лучше пей, да дело разумей!"» [3, с. 170].

Отмечены также случаи, когда пословица вводится писателем непосредственно в высказывание повествователя или персонажа без помощи каких-либо специальных лексических средств. Понять, что перед нами пример конструкции с пословицей, помогает накопленный нами исторический опыт. В случае затруднения необходимо обращаться за помощью к специальным словарям. Такой пример встретился в речи Чичикова в качестве реплики-оценки другого персонажа (Коробочки): «– Да не найдёшь

слов с вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняжка, что лежит на сене: и сама не ест сена, и другим не даёт» [2, с. 53].

В авторском повествовании пословица используется в качестве характеристики одной из ключевых типических черт Ноздрёва (откровенное враньё): «И все согласились в том, что как с быком ни биться, а всё молока от него не добиться» [2, с. 191]. В монологической речи Чичикова пословицы употребляются с целью высказать отношение к сложившимся жизненным обстоятельствам: «Ну, что ж! – сказал Чичиков, – зацепил – поволок, сорвалось – не спрашивай. Плачем горю не пособить, нужно дело делать» [2, с. 213]. В комедии «Ревизор» из внутреннего монолога городничего: «– Не знаешь, с которой стороны и приняться. Ну, да уж попробовать не куда пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось» [7, с. 227].

Отметим некоторые другие интересные особенности конструкций с пословицами в произведениях Н. В. Гоголя. Так, в книге «Выбранные места из переписки с друзьями» писатель неоднократно использует предложения с пословицей с целью аргументировать собственное мнение на затронутую проблему, ссылаясь при этом на авторитет другого лица. Например: «Пушкин, когда видел заботу не о главном, но о том, что уже исходит из главного, обыкновенно выражался пословицей: "Было бы корыто, а свиньи будут"» [3, с. 132]. Народную пословицу «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» Н. В. Гоголь оформляет в качестве эпиграфа к своей комедии «Ревизор» [7, с. 203].

Таким образом, использование русских пословиц и поговорок в художественных, драматических и публицистических произведениях Н. В. Гоголя необходимо отнести к числу излюбленных приёмов писателя. Тексты Н. В. Гоголя показывают, как складывается национальный литературный язык, как

выражаются ход и результаты философско-религиозного и художественно-эстетического мышления писателя. Удивительно, но почти все народные «словечки», неповторимые «обороты» не устарели до сего дня. Они просто забыты рациональной эпохой, но живут в нацио-

нальной памяти. Эта неразрывная связь литературного и народного языка может быть примером для современных писателей. Гоголевские тексты показывают, что истинную информативность язык приобретает, если эта информация заключается в «поэтическую» форму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика: в 2 т. М., 1980. Т. 1. 317 с.
2. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 5. 608 с.
3. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 6. 560 с.
4. Андреев Д. Л. Роза Мира. М.: Товарищество «Клышников – Комаров и К^о», 1993. 304 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
6. Воропаев В. А. О Гоголе и его главной книге // Литература в школе. 1989. № 2. С. 3–17.
7. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 3. 560 с.

© Базавлук Л. М.

УДК 811.111'276.6'26:34

Г. Р. ИСКАНДАРОВА, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, доктор филологических наук, доцент (г. Уфа)

G. R. ISKANDAROVA, professor of the Chair of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Doctor of Philology, associate professor (Ufa)

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЮРИДИЧЕСКОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ОБЩЕЛИТЕРАТУРНОГО СТАНДАРТА

ON THE INTERACTION OF ENGLISH LANGUAGE OF LAW AND GENERAL LITERARY STANDARD

Аннотация. Взаимодействие между подязыком права и литературным языком связано, во-первых, с развитием иноязычной составляющей английского юридического языка в историческом аспекте; во-вторых, с популяризацией научного знания, разработкой нормотворческих процедур, созданием комиссий по модернизации языка права и т. д. На примере латинских и французских заимствований юридического английского языка показано, что они испытывают при переходе в национальный язык различные семантические сдвиги (утрату первоначального

значения, метафоризацию, реинтерпретацию). В процессе адаптации галлицизмов важную роль играют и экстралингвистические факторы, например, норманнское завоевание Англии. Демократизация юридического английского языка ведет к эффективной коммуникации между представителями юридических профессий и непрофессионалами. Проведенное исследование вносит определенный вклад в изучение вопросов взаимовлияния языков и современной языковой политики.

Ключевые слова и словосочетания: язык права, общелитературный язык, латинские и французские заимствования, лексический трансфер, движение «За понятный английский», взаимодействие.

Annotation. *The interaction between the sublanguage of law and the general literary language is connected, firstly, with the development of the foreign language component in the English legal language from a historical point of view and, secondly, with the popularization of scientific knowledge, the development of standard-setting procedures, the creation of commissions for the modernization of the language of law etc. On the example of Latin and French borrowed words it is shown that they experience different semantic changes (loss of original meaning, metaphorization, reinterpretation) during the transition to the national language. Extra-linguistic factors, such as the Norman conquest of England, play an important role in the adaptation or foreign words. Democratization of legal English leads to effective communication between representatives of legal professions and non-professionals. This research makes a certain contribution to the study of the interaction of languages and modern language policy.*

Keywords and phrases: *language of law, general literary language, Latin and French loanwords, lexical transfer, Plain English Movement, interaction.*

Общеизвестно, что между юридическим подязыком и общеупотребительным языком наблюдается тесное взаимодействие. Юристы и общественность осознанно стремятся к тому, чтобы юридический язык приспособился к общедоступному языку и был доступен широкой публике. Возможными путями решения вопросов понимания юридических текстов обычными гражданами выступают издание научно-популярной литературы, разработка справочников по нормотворческой технике и регламентов, регулирующих законодательство, выработка единых требований к переводу законодательных актов и постановлений, формирование комиссий по модернизации языка права. Кроме того, не менее важными оказываются исследование коммуникации между профессионалами и неспециалистами, изучение возможного взаимовлияния языков, проведение соответствующей языковой политики, преследующей идею того, что язык закона – это язык не только для посвященных.

В современных западных обществах за последние 50–100 лет произошли из-

менения, которые отразились на отношении общенационального языка и юридического подязыка. Демократизация общественного дискурса, или так называемая коллоквиализация, привела к увеличению разговорных элементов, прежде всего в средствах массовой информации. Примером демократизации юридического языка в англоязычных странах можно считать движение «За понятный английский» («Plain English Movement»), в рамках которого решается проблема понимания профессионального языка юристов широкой общественностью.

Модернизация юридического английского языка предполагает сокращение количества пассивных конструкций, использование глагола *must* или *to be to* вместо *shall*, размещение придаточного предложения цели в начале предложения, использование простых коротких синтаксических структур и т. д. [2, с. 193]. Так, в Законе о Гражданской Авиации 1980 года все еще используется *shall*: *If there is more than one personal representative, and their dates of knowledge are different, subsection (5)(b) above shall*

be read as referring to the earliest of those dates. В Законе об Удостоверяющих личность документах 2010 года уже наблюдается сдвиг от *shall* к *is/are to* с пассивной конструкцией: *In subsection (3)(a) the reference to 12 months in England and Wales is to be read, in relation to an offence committed before the commencement of section 154(1) of the Criminal Justice Act 2003, as a reference to 6 months* [2, с. 197].

Взаимодействие между юридическим и общеупотребительным языками можно рассматривать как преднамеренный и лексический трансфер, выступающий феноменом языковых изменений. К первому типу взаимодействия следует отнести вышеупомянутое движение «За понятный английский», популяризованные и учебные тексты, общение между экспертами и непрофессионалами. Лексический трансфер подразумевает утрату первоначального значения в одном из языков, сохранение значений в обоих языках, расширение (включая метафоризацию и метонимию), сужение, улучшение и ухудшение значения, стилистические и коннотативные изменения, заимствования из других языков и морфосинтаксические особенности (флексии, словообразовательные модели, синтаксические структуры).

Лексический трансфер исследуется не только в синхроническом, но и в диахроническом аспекте. Так, в средние века в Англии юридическим языком выступал не английский язык, а латинский и французский. Современный юридический английский язык, как и обиходный английский, содержит много латинских и французских выражений. В результате нормандского завоевания Англии в 1066 году языком писаного права стал французский. Латынь, которую употребляли уже до завоевания параллельно с английским, также продолжали использовать. Латинский и французский языки доминировали в английской правовой культуре. Еще в начале XVII в. Сборник судебных решений («Law Reports»)

составлялся на французском языке [4, с. 2486]. «Правовой французский» оставался языком юридических документов вплоть до XVII века [3, с. 24]. Протоколы судебных заседаний, письменные и другие юридические документы писали на латыни до XVIII в. Английская юридическая профессия была трехязычной: она использовала латинский, французский и английский – в зависимости от контекста: латынь была для письменных заявлений и юридических записей, английский – для слушания свидетелей, а французский – для устных выступлений. Иногда все три языка появляются в одном юридическом документе [1, с. 19].

Правоведы выступали в защиту французского и латинского языков, подчеркивая их точность [4, с. 2488]. Преимущество заимствований заключалось в том, что иноязычные выражения не имели повседневных речевых соответствий и являлись «однозначными» (одна форма – одно значение, одно понятие – один термин), что соответствовало требованиям, предъявляемым к юридическому языку.

В современном юридическом английском языке ряд выражений употребляется в своей первоначальной иноязычной форме, например: лат. *actus reus, amicus curiae, cum testamento annexo, ex post facto, malum in se*; фр. *chose in action, demurrer, estoppel, laches, oyez, voire dire* [6, с. 16]. Некоторые выражения сохранили французский порядок слов «существительное – прилагательное» (прилагательное в постпозиции), например: *accounts payable, fee tail, letters patent, malice aforethought, solicitor genera* [7, с. 30]. Из-за необычной формы эти слова не перешли в общелитературный язык. Также следует упомянуть некоторые выражения, состоящие из комбинации французского и английского языков, например: *devise and bequeath, breaking and entering, acknowledge and confess, had and received*. Возможно, это объясняется тем фактом, что в средневековые многие люди говори-

ли на двух языках и использовали двойные формы типа *on life ge on legere* 'in life and death', *manslagan and manswaran* 'murder and perjury', *word and weorc* 'word and deed' [5, с. 25].

Многие галлицизмы проникли в общий словарь в силу исторических и социокультурных причин. Господство французов в Англии в течение нескольких столетий привело к тому, что вследствие смешения коренного и чужеземного населения многие французские слова различных словообразовательных типов вошли в английский язык, и это облегчило возможный перенос правовых понятий в общелитературный язык. Языковые изменения в англоязычном мире происходили под влиянием процессов снижения роли религии в жизни общества и обеспечения экономики «живыми деньгами» для платежей и расчетов (секуляризация и монетизация). Изобретение книгопечатания, рост образованности населения, развитие науки и техники способствовали проникновению профессионально ориентированной лексики в повседневный язык. Слово, принадлежащее определенной социальной группе, получало распространение в общем языке, становилось понятием повседневности. Термин в обиходном языке не использовался в своем узконаправленном значении, а приобретал «семантическую гибкость». Кроме того, каждое слово привносит в общелитературный язык свою собственную «историю культуры», в связи с чем возникают трудности с толкованием значения, с пониманием процессов языковых (лексических) изменений.

Рассмотрим некоторые латинские и французские заимствования в юридическом английском языке, упоминаемые Давидом Меллинкоффом [6, с. 13–16], и проследим их историю на основе Оксфордского онлайн-словаря английского языка [8].

Agreement – заимствование из французского языка, уже в позднем среднем английском («Late Middle English») обо-

значало «имеющий юридическую силу, обязательный договор между сторонами о порядке действий»: *The final source of health care law comes from international agreements on human rights.*

Примерно в XV в. произошло расширение значения – добавилась сема «согласие, гармония»: *New Zealanders are in agreement that children should not be assaulted or brutalized.*

Alibi – латинское слово со значением «в другом месте» используется в английском языке с XVIII в. для обозначения обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии обвиняемого в месте совершения преступления в определенное время: *The appellant never himself gave evidence to support the alibi.*

С XX в. в американском разговорном варианте английского языка появляется значение «извинение»: *There is no need for an alibi to defend the colossal failure.*

Appeal – старофранцузское слово, имеет ряд юридических значений, которые исчезли или устарели, например: «обвинять кого-либо в преступлении» или «призывать кого-либо к самозащите». Сегодня, как и в XVI столетии, понятие обозначает «обращение в Верховный суд для пересмотра решения суда нижней инстанции»: *Prosecution lawyers now have two or three days in which they can apply to appeal against the decision.*

В общелитературном языке с XVIII в. *appeal* используется в значении «обращаться к кому-либо с просьбой о поддержке, привлечении внимания»: *It is an argument which appeals to the emotions rather than the intellect.*

Crime – прямое заимствование из французского (непрямое из латинского) относится к наказуемому деянию. Первые свидетельства восходят к XIV и XV вв. Спустя столетие *crime* используется в общем значении «плохое действие» как в христианском, так и абстрактном контекстах: *To deprive a Muslim child of their culture and language is a crime against humanity.*

Crime в смысле «детектив, детективная история» выступает сегодня в функции определения в таких словах, как *crime-drama*, *crime novel*, *crime story*, *crime-writer*.

Demise – в английском праве первоначальное французское понятие обозначало «передачу небольшого владения (имущества) одного лица по наследству или в аренду». Немного позже произошло расширение значения, добавилась сема «смерть, кончина»: значение «исполнение завещания» выдвинулось на передний план, и в этой связи факт кончины собственника переместился в центр семантического поля (явление метонимии). На втором этапе фокус перемещается на сему «смерть», имеющую отношение не только к человеку, но и к неодушевленным предметам (метафора): *The demise of that periodical prevented the publication*.

Heir – у данного понятия наблюдается семантический сдвиг. В юридическом языке оно обозначает человека, который правомерен после смерти другого человека принять его имущество. В обиходном употреблении не играет роли, является ли наследодатель живым или мертвым, можно выступать наследником в ожидании наследства. Кроме того, наблюдается перенос значения на конкретные (кроме имущества) и абстрактные существительные в том смысле, что это «наследство» причитается морально: *We are heirs to the true legacy of the humanism, and we must never forget this*.

Infant – понятие заимствовано из французского судебного языка и обозначает во французском языке (фр. *enfant*), как и в английском, «ребенок, несовершеннолетний». В английском правоведении под *infant* понимаются несовершеннолетние лица, т. е. лица, не достигшие 21 года. В речи повседневного общения данное понятие относится только к младенцам и маленьким детям, так как оно восходит к латинскому исходному значению «неспособный говорить». Возможно, здесь

сыграло роль и то, что заимствованное *infant* встретилось с исконным англо-саксонским *child* и таким образом – в отличие от французского языка – сохранило свое, свойственное ему, специфическое значение. Со временем *infant* получает дополнительные адъективные значения «незрелый», «новый», «на ранней стадии (своего) развития» и используется иногда с юмористическим оттенком: *Governments provided public goods and promoted infant industries. They caution that brain fingerprinting is in its infant stage and may never result in a reliable polygraph. If the third party is an infant or is mentally disordered, this lack of rational capacity may be regarded as sufficient to discount the third party's act in causal terms*.

Pardon – пришедший из французского языка глагол с XV в. получил значение в английском юридическом языке «освободить от наказания, поначалу чаще от смертной казни, а затем от долгов или других обязательств», в теологических текстах встречается значение «прощать». С XVI столетия слово приобретает общепотребительное значение «извинять, прощать кого-либо (в отношении выполнения поручений или обязанностей)». В современном употреблении известны также значения «освободить (из мест лишения свободы)», «амнистировать», «оправдывать»: *The convicted men were subsequently pardoned*.

Постепенно *pardon* вовлекается в процесс генерализации, получая значение «извиняться», и, наконец, становится экскламативным выражением вежливости: «Извините? Повторите, что Вы сказали». *«Pardon? I said, cupping a hand to my ear»*.

Проведенный анализ латинских и французских заимствований в английском языке права позволяет нам сделать некоторые выводы о взаимодействии подязыка юриспруденции с общепотребительным языком. В результате внедрения юридической лексики в обиходный язык в большинстве случаев

происходит, иногда с задержкой во времени (до одного столетия), расширение значения, которое может быть генерализованной природы (*agreement, alibi, crime*) или основываться на метафоре (*demise* – «смерть») или метонимии (*heir* – «потенциальный наследник»). Сдвиг в значении наблюдается у *infant* («ребенок или несовершеннолетний» – «маленький ребенок или грудничок»), причиной чего послужил исконный синоним *child*. Происходит универсальный процесс грамматикализации значения в сторону абстракции и субъективности. Юридические термины получают в общепринятом языке эмоциональный компонент или реинтерпретацию (*appeal – to appeal from Philip drunk to Philip sober* – «подать жалобу Филиппу трезвому на Филиппа пьяного» – о произволе судов, намек на короля Македонии, выносившего судебные приговоры в зависимости от степени своей трезвости или алкогольного опьянения). В эпоху современных средств массовой информации обнаруживается специализация значения у *crime* в различных словосочетаниях, например, для обозначения телевизионных жанров. Юридические термины в общелитературном языке уподобляются ситуативным контекстам, теряя свою семантическую однозначность.

Взаимодействие между языком права и общелитературным языком обусловлено природой языка (произвольностью языкового знака и лексическим многообразием), различными потребностями в коммуникации в сфере правоотношений (терминологическая однозначность vs. контекстно обусловленная семантическая гибкость), социокультурным развитием языкового сообщества в течение определенного промежутка времени.

Пополнение юридического английского языка латинскими и французскими словами связано с нормандским завоеванием и введением новой правовой системы в Англии, что в свою очередь затруднило общение между представителями юридической профессии и непрофессионалами. Тем не менее в истории английского языка происходит интеграция иноязычной юридической лексики в общенациональный контекст посредством соответствующей семантической ассимиляции. Кроме того, в англоязычном мире благодаря движению «За понятный английский» («Plain English Movement») утверждается особый стиль подязыка юриспруденции, который предпочитает общеупотребительную лексику в противовес профессиональной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романова Е. Н. Природа права как фактор развития юридического языка в Англии // Преподавание языковых дисциплин в высшей школе: традиции и инновации: материалы межрегионального круглого стола. Владимир: Владимирский юридический институт ФСИН России, 2017. С. 16–19.
2. Уильмс Кристофер. Юридический английский и простой английский: изменения и дополнения // Юрислингвистика. 2012. № 1 (12). С. 192–206.
3. Шепелёв А. Н. Ясность и простота – требование к юридическому языку // Право: история и современность. 2019. № 1. С. 21–27.
4. Berndt Rolf. The languages of the law in England, in: Hoffmann, Lothar et al., Fachsprachen. An international handbook of special-language and terminology research // Ein linguistisches Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft. Berlin. 1997. P. 2485–2494.
5. Hiltunen Risto. Chapters on legal English. Aspects past and present of the language of the law. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1990. 122 p.

6. Mellinkoff David. The language of the law. Boston: Little, Brown and Company, 1963. 526 p.
7. Tiersma Peter M. Legal language. Chicago: The University of Chicago Press, 1999. 328 p.
8. Оксфордский словарь английского языка. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 22.05.2019).

© Искандарова Г. Р.

УДК [811.161.1+811.111]’42

Е. А. КАЗАНЦЕВА, доцент кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, кандидат филологических наук, доцент (г. Уфа)

YE. A. KAZANTSEVA, assistant professor of the Chair of Foreign Languages of Ufa State Oil Technological University, Candidate of Philology, associate professor (Ufa)

Э. К. ВАЛИАХМЕТОВА, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, кандидат филологических наук, доцент (г. Уфа)

E. K. VALIAKHMETOVA, assistant professor of the Chair of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philology, associate professor (Ufa)

МЕСТО АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА СРЕДИ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

THE PLACE OF ACADEMIC DISCOURSE AMONG DISCURSIVE PRACTICES IN THE SPHERE OF EDUCATION AND SCIENCE

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа определения понятий педагогический, образовательный и академический дискурс, часто употребляемых как синонимичные, которые предлагаются в русско- и англоязычных толковых словарях. Авторы приходят к выводу о том, что функционально-семантическое поле английского концепта «academic» значительно объемнее. В то же время деривационный потенциал русского концепта педагогически шире, чем у соответствующего английского концепта. Авторы выдвигают предположение, что в английской и русской лингвокультурах понятия «академический» и «педагогический» соотносятся несколько по-разному, причем в англоязычных языковых сообществах больший акцент в сфере образования приходится на понятие «академический», а в русском – на «педагогический». Изучив сочетание ключевых лексем педагогического дискурса с лексемами педагогического и академического, авторы приходят к заключению, что термины педагогический дискурс, образовательный дискурс и академический дискурс не являются синонимичными, а находятся в родовидовых отношениях

друг к другу. В то же время академический дискурс является сферой, объединяющей научный и образовательный дискурсы, обеспечивая таким образом их преемственность и родство.

Ключевые слова и словосочетания: педагогический дискурс, образовательный дискурс, академический дискурс, лингвокультура, эмотивная лингвоэкология, межкультурное исследование.

Annotation. The article attempts to analyze the definitions of pedagogical, educational and academic discourse, often used as synonymous, which are given in Russian and English-language explanatory dictionaries. The authors come to the conclusion that the functional and semantic field of the English concept academic is much larger. At the same time, the derivational potential of the Russian concept is much wider than that of the corresponding English concept. The authors suggest that the concepts academic and pedagogical correlate differently in the English and Russian linguistic cultures, at that, in English-speaking communities the greater emphasis in the field of education falls on the concept «academic», and in Russian-speaking communities it falls on the concept «pedagogical». Having studied the combinations of the key lexemes of a pedagogical discourse with the lexemes of pedagogical and academic discourses, the authors draw the conclusion that the terms «pedagogical discourse», «educational discourse» and «academic discourse» are not synonymous but are in generic and specific relations to each other. At the same time, an academic discourse is a sphere that unites scientific and educational discourses, thus ensuring their continuity and affinity.

Keywords and phrases: pedagogical discourse, educational discourse, academic discourse, linguistic culture, emotive linguistic ecology, intercultural research.

В современной науке сложилось мнение, что многие виды дискурса, особенно институциональный, имеют условные различия, что привело к переходу на интегративные теории дискурса. Как справедливо отмечает Е. А. Петрова, «следует признать, что четкого и общепринятого определения понятия «дискурс», охватывающего все случаи его употребления, не существует» [1, с. 269]. Далее автор утверждает, что «в последние годы, когда развитие коммуникативной лингвистики показало необходимость синтеза идей, разработанных в языкознании, социологии, психологии, этнографии, философии, культурологии, термин «дискурс» вышел за пределы лингвистики текста» [1, с. 273]. Так, при исследовании жанров дискурса сферы образования ученые оперируют терминами педагогический дискурс, образовательный дискурс и академический дискурс, которые часто употребляются как синонимы. Чтобы разобраться с внутренней сутью этих терминов, необходимо обратиться к самому языку как наиболее надежному и объективному источнику данных. Рассмотрим определения, которые пред-

лагаются для этих понятий в русско- и англоязычных толковых словарях.

Педагогический: 1) педагог, педагогика, связанный с ними; 2) свойственный педагогу, педагогике, характерный для них; соответствующий правилам, требованиям педагогики; 3) состоящий из педагогов [2]. *Pedagogical – concerning teaching methods* (касающийся методов преподавания) [3, с. 1116].

Образовательный – содействующий образованию, просвещению [4]. *Educational – connected with education, providing education* (связанный с образованием, предоставлением образования) [3, с. 488].

Академический: 1) соблюдающий установившиеся традиции (в науке, искусстве); 2) учебный (в применении к высшим учебным заведениям) [5]. *Academic – connected with education, especially studying in schools and universities* (связанный с образованием, особенно учебной в школах и университетах) [3, с. 7].

Исходя из приведенных выше определений и применив анализ деривационного потенциала рассматриваемых языковых единиц, можно сделать следующие выводы:

1. Термин «педагогический» («*pedagogical*») фокусирует основное внимание на личности педагога как центрального участника коммуникации и на тех правилах и методах, которые он применяет для достижения соответствующих целей. Другие участники дискурса остаются на периферии этого концепта, поскольку инициатива речевого акта в данном случае предписывается именно педагогу, поэтому обучающиеся видятся как его потребители, то есть подчеркивается субъектно-объектная направленность данного термина [6, с. 58]. Это подтверждается устойчивыми сочетаниями, в которые вступает рассматриваемое прилагательное:

Рус.: педагогические технологии / методы / методики / приемы / рекомендации / ситуации / аспекты / беседы / взгляды / барьеры / библиотеки / задачи / заповеди / идеи / инновации / конфликты / наблюдения / эксперименты / этика / находки / ресурсы / ориентиры / ошибки / принципы / работники / способности / теории / умения / условия / адаптация / аттестация / психология / база / труд / характеристика / культура / коррекция / эмпатия / зоркость / документация / анализ / артистизм / контроль / вред / взаимодействие / гений / дар / долг / замысел / имидж / крик / оптимизм / пессимизм / риск / ракурс / стиль / такт / тон / тупик / бестактность / триумф / провал.

Англ.: *pedagogical approach / competence / credo / content knowledge / diagnostics / experiment / ethics / evaluation / experience / experiments / ideas / impact / innovations / mastering / methods / modelling / measurements / neglect / observation / orientation / psychology / practice / problems / planning / rhetoric / relation / technologies / testing / training / values / rapport.*

2. Термин «образовательный» («*educational*») ассоциируется с арсеналом средств, методов и действий, связанных с предоставлением образования и содей-

ствием образованию и воспитанию. Очевидно, это понятие является наиболее широким и охватывает не только сами образовательные учреждения со всем их содержанием, но и политику соответствующих органов государственного управления, научные технологии, техническое обеспечение образовательного процесса, формы предоставления образовательных услуг и др., т. е. все, что имеет прямое или косвенное отношение к образованию:

Рус.: образовательные системы / услуги / стандарты / программы / лицензии / модули / модели / ресурсы / технологии / возможности / порталы / сайты / каналы / гранты / проекты.

Англ.: *educational policy / system / program / attainment / administration / background / blogs / building / commission / center / cartoon / consulting agency / data / establishment / environment / facilities / films / games / goals / history / institutions / opportunities / level / license / management / marketing / migration / needs / norms / process / role / videos / website.*

3. Термин «академический» («*academic*»), в отличие от остальных, переносит акцент на соблюдение определенных традиций и норм, связанных со школьным и вузовским образованием. Устойчивые словосочетания, которые образуются с этим прилагательным, показывают, что этот термин включает в себя всех участников дискурса на территории образовательного учреждения, делая их равноценными речевыми партнерами:

Рус.: академические знания / степени / часы / права и свободы / выступления / классы / группы / достижения / жанры / степени / звания / исследования / лекции / мантии / науки / обмены / отпуск / результаты / сообщества / традиции / успехи / учебники / факторы / ценности / чтения / школы / язык.

Англ.: *academic achievement / assignment / assessment / behavior / bridge / climate / communication / commu-*

nication competence / council / calendar / credit / connections / certificate / culture / curriculum / discourse / discipline / dishonesty / dress / development / duties / effort / English / environment / essay / education / features (of the text) / fellowship / freedom / failure / gains / grade / genres / gowns / health / hedging words / help / hour / honesty idioms / leave / leader / load / major / minor / merit / meaning / motivation / nausea / policy / politeness / plagiarism / respect / rivalry / integrity / interests / knowledge / language / module / offence / performance / reading / research / sanctions / skills / staff / style / subjects / talent / test / title / vocabulary / words / writing / year.

Анализ сочетаемости показывает, что функционально-семантическое поле английского концепта «*academic*» значительно объемнее. В то же время деривационный потенциал русского концепта «педагогический» шире, чем у соответствующего английского концепта. Такая разнообъемность позволяет предположить, что в английской и русской лингвокультурах понятия «академический» и «педагогический» соотносятся несколько по-разному, причем в англоязычных языковых сообществах больший акцент в сфере образования приходится на понятие «академический», а в русском – на «педагогический». Возвращаясь к приведенному выше определению педагогического дискурса, рассмотрим сочетания его ключевых лексем с лексемами «педагогический» и «академический».

Педагогическая цель – это результат взаимодействия педагога и обучающегося, формируемый в сознании педагога в виде обобщенных мысленных представлений, в соответствии с которыми затем отбираются и соотносятся между собой все остальные компоненты педагогического процесса [7], то есть педагогические цели – это цели, которые ставит перед собой педагог, в семантике этого словосочетания не ощущается активного присутствия студента. Академические

цели, наоборот, объединяют педагога и студента в один, общий для них процесс.

Педагогические ценности – это нормы, регламентирующие деятельность преподавателя и выступающие звеном между сложившимся общественным мировоззрением в области образования и деятельностью педагога.

Академические ценности – это прежде всего ценность интеллектуальной работы, знаний, исследований, научного поиска. Этот вывод соотносится с тем фактом, что интерактивный подход к обучению в России начал разрабатываться несколько лет назад, в то время как в европейских странах его начали применять значительно раньше. Как следствие, в отличие от английской, русская лексема «академический» пока не образует устойчивых связей с такими концептами, как общение, климат, культура, вежливость, поведение, мотивация, здоровье, которые являются ключевыми индикаторами экологии общения.

Следует отметить, что именно лексема «академический» («*academic*») образует в обоих исследуемых языках словосочетание со словом язык: академический язык (*academic language*) точно так же, как и прилагательное «научный» – научный язык (*scientific language*), что наводит на мысль о том, что научный и академический дискурсы, возможно, являются наиболее интерактивными видами дискурса. В английской лингвокультуре словосочетание «*academic language*» («академический язык») относится к устному, письменному, слуховому и визуальному владению языком, необходимым для эффективного обучения в школах и вузах, т. е. это язык, который используется в классах, книгах, тестах и заданиях и который студенты обязаны освоить по программе, образовательному стандарту («*academic standard*»).

В отличие от бытового языка, академический язык включает в себя разнообразные специфические формально-языковые навыки, не только

лексику, грамматику, пунктуацию, синтаксис, предметно-специфическую терминологию, но и риторические конвенции, которые позволяют обучающимся приобретать знания и академические навыки, а также успешно соблюдать политику школы и установленные культурные нормы общения. Даже умным и способным студентам может быть тяжело в академической обстановке, если они не освоили определенные термины и концепции или не научились выражать себя и свои идеи ожидаемыми способами.

Исходя из вышесказанного, можно сделать заключение, что описанные выше термины «педагогический дискурс», «образовательный дискурс» и «академический дискурс» не являются синонимичными, они, скорее, находятся в родовидовых отношениях друг к другу. С другой стороны, академический дискурс является сферой, объединяющей научный и образовательный дискурс, обеспечивая таким образом их преемственность и родство. Помимо этих терминов, исследователи используют и другие: «учебный дискурс», «дидактический дискурс», «воспитательно-педагогический дискурс», «научно-педагогический дискурс»; в зарубежной литературе часто используется термин «*classroom discourse*» («аудиторный дискурс»).

Дидактический – наставительный, поучительный (книжное) [8]. *Didactic – designed to teach people sth, especially a moral lesson* (предназначенный для обучения людей, особенно моральным аспектам) [3, с. 422]:

дидактические материалы / игры / доски / единицы урока / жанры / концепции / требования / нормативы построения учебника / задачи / задания / карточки / упражнения / функции средств обучения / особенности обучения / формы обучения / основы обучения / принципы / приемы / средства / характеристики урока / цели урока / этапы урока.

Учебный: 1) относящийся к учению, обучению; 2) такой, где производит-

ся подготовка, тренировка для кого-нибудь рода службы, связанной с подготовкой, тренировкой кого-нибудь [9]. Понятию «учебный» больше соответствует английское «*instructional*» – *that teaches people sth* (который чему-то учит людей) [3, с. 806]:

учебные заведения / центры / занятия / недели / фильмы / библиотеки / базы практик / будни / центры / видео / вопросы / тексты / годы / карты / дисциплины / дни / единицы / издания / лаборатории / лагеря / мотивы / пособия / планы / ситуации / тревоги / хозяйства.

Научно-педагогические работники / сотрудники / кадры / исследования / методы / должности / достижения / концепции / конференции / форумы / показатели / стаж / технологии / условия / школы.

Научные школы / статьи / конференции / взгляды / абстракции / библиотеки / базы / выставки / горизонты / доказательства / деятели / достижения / журналы / издания / звания / интересы / разработки / литература / методы / направления / специальности / открытия / общества / публикации / порталы / работники / ресурсы / термины / теории / труды / факты / учреждения / эксперименты / язык / экспедиции.

Аудиторный (лат. *auditorium* – место для слушания) – помещение, предназначенное для устных выступлений перед публикой в учебном заведении или ином общественном здании [10]. *Classroom – a room where a class of children or students is taught* (помещение, в котором обучается группа детей или студентов) [3, с. 270]:

аудиторные занятия / часы / лекции / доски / группы / игры / формы / кресла / парты / мероприятия / показатели / работы / тренинги / упражнения / формы работы / формы обучения.

Classroom discourse – the language that teachers and students use to communicate with each other in the

classroom (язык, которым пользуются преподаватели и студенты для общения друг с другом в аудитории) [11].

Академический дискурс, объединяя научный и образовательный дискурсы и являясь их неотъемлемой частью, имеет собственную внутреннюю структуру, две основные ветви которой в образовательном пространстве представлены педагогическим и учебным дискурсами.

В Российской науке на данном этапе с позиций эмотивной лингвоэкологии изучению подвергается только педагогический дискурс, поэтому в фокусе исследований находится исключительно речь педагога как инициатора речевых актов. Тем самым он фактически становится в позицию единственного, кто несет ответственность за успешность, в том числе экологичность коммуникации [12; 13]. Известно, что любой речевой акт подразумевает как минимум двух его участников, и неэкологичный сценарий может быть запущен любой из этих сторон. «*Failed communication is a joint responsibility and not the fault of speaker or listener. Similarly, successful communication is an accomplishment jointly achieved and acknowledged*» («Коммуникативная неудача является совместной ответственностью, а не виной говорящего или слушающего. Подобным же образом успешная коммуникация является достижением совместно достигнутым и признанным») [14, с. 77].

Необходимо также учесть, что минимальный набор участников академического дискурса не ограничивается двумя речевыми партнерами. Как правило, он включает в себя три позиции – преподаватель, студент и учебный текст, которые находятся в отношениях взаимного влияния. При таком подходе академический дискурс представляет собой сложную иерархическую систему, структурированную от низших уровней к высшим (дискурсивные практики в речевом пространстве школы, вуза, научного сообщества), которые имеют значительные

различия. Тем не менее целью общения всех этих дискурсивных практик является именно передача, приобретение и/или обмен знаниями. К тому же на всех перечисленных уровнях коммуникация осуществляется как в симметрической (равно-статусной), так и асимметрической (разно-статусной) формах. Дополнительные характеристики, такие как социализация нового члена общества, также присутствуют на всем пространстве академического дискурса, хотя в наиболее полном объеме они проявляются на уровне дискурсивных практик общеобразовательной школы.

К подобным выводам пришли и некоторые отечественные исследователи языка, подразумевая под термином «академический дискурс» речевое общение преподавателей и студентов в вузе (В. В. Макаров, Т. В. Матвеева, А. В. Попова, А. А. Романов, И. Ф. Ухванова, Т. В. Чернышева и др.).

Некоторые исследователи определяют термин «педагогический дискурс» как родовидовое понятие по отношению к академическому. Проводя жесткую границу между школьным педагогическим и академическим педагогическим (университетским) дискурсами, Л. И. Зубкова приводит следующие аргументы:

1) школьный педагогический дискурс уступает академическому педагогическому дискурсу по числу системообразующих признаков;

2) участники отличаются по научному (педагоги) и возрастному (студенты) статусу;

3) школьный педагогический дискурс отличается от академического педагогического дискурса своим хронотопом: периодом обучения (11 лет vs 4–5 лет) и местом (школа vs вуз) [15, с. 28–30].

На наш взгляд, такое разграничение имеет смысл при противопоставлении данных понятий и при сопоставительных исследованиях школьного и университетского академического дискурсов. Однако исключение школьного дискурса

са из системы академических дискурсов вызывает возражения, поскольку оно лишает восприятие сферы образования и науки целостности и преемственности. Различия вытекают из преемственности и динамичности дискурсной системы образования и науки: на каждом новом уровне увеличивается число системообразующих признаков, изменяется портрет основных участников (напомним, что русским «ученик/школьник» и «студент» соответствует единая английская лексема «*student*», лексема «*pupil*» изменила свою предметную направленность и обозначает индивидуального ученика, подопечного). Что же касается хронотопа, то местом академического дискурса остается образовательная площадка (к которым относятся и школа, и вуз), а различия по периоду обучения не столь принципиальны, тем более что время обучения может сильно варьироваться в зависимости от индивидуальной академической траектории (например, школа – 9 лет, медицинский колледж – 4 года, медицинский университет – 6–7 лет).

Учитывая, что вышеописанные различия не являются принципиальными и системоразрушающими, можно сделать вывод о том, что для масштабных исследований термин «академический дискурс», имеющий широкую трактовку (школьный – университетский – научный дискурс), предпочтителен, поскольку он позволяет охватить исследовательским взором гораздо большие пространства, включая интеллектуальную эволюцию языковой личности. Необходимо отметить, что, в отличие от изолированного изучения научного и педагогического дискурсов, такой широкий интегриро-

ванный подход уже признается оправданным для проведения межкультурных исследований [16].

Проведенный сопоставительный анализ таксономии дискурсов сферы образования и науки дает возможность вполне закономерно применить к исследованию эмотивной лингвоэкологии дискурсивных практик в сфере образования и науки термин «академический дискурс», поскольку он:

- непротиворечиво описывает исследуемое явление;

- имеет наиболее интерактивную природу и отражает таким образом актуальные изменения в сфере образования (интерактивность, изменения статусно-ролевых отношений его участников);

- снимает проблему различения письменных и устных форм;

- в противовес педагогическому дискурсу смещает акцент с авторитарности педагога на авторитетность лидера, старшего по знаниям, направляя таким образом систему образования на более демократичный путь развития;

- отражает современную тенденцию к максимальному сближению образования и науки, интегрируя в единое целое весь процесс познавательной деятельности человека от школьной скамьи до научных организаций и учитывая роль образования в аспекте «общества, основанного на знаниях» [17, с. 217];

- демонстрирует наибольшее терминологическое сходство с объектом исследований англоязычных авторов, что делает его более уместным для проведения сопоставительных исследований с англоязычными культурами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова Е. А. Логико-когнитивная интерпретация субстантивно-номинативных пропозиций в диктентной дискурсивации: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2012. 55 с.
2. Толковый словарь русского языка. URL: <https://www.vedu.ru/expdic/84542> (дата обращения: 04.01.2020).

3. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2005. 1924 с.
4. Толковый словарь русского языка. URL: <https://www.vedu.ru/expdic/19305> (дата обращения: 04.01.2020).
5. Толковый словарь русского языка. URL: <https://www.vedu.ru/expdic/247> (дата обращения: 04.01.2020).
6. Тленкопачева М. Н. Основные элементы педагогического дискурса // Актуальные вопросы филологических наук: материалы Международной научно-практической конференции. Казань, 2015. С. 57–60.
7. Национальная педагогическая энциклопедия. URL: <https://didacts.ru/termin/cel-pedagogicheskaja.html> (дата обращения: 04.01.2020).
8. Толковый словарь русского языка. URL: <https://www.vedu.ru/expdic/7004> (дата обращения: 04.01.2020).
9. Толковый словарь русского языка. URL: <https://www.vedu.ru/expdic/37113> (дата обращения: 04.01.2020).
10. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/w/index.php?sort=relevance&search=аудитория&title=Служебная:Поиск&profile=advanced&fulltext=1&advancedSearch-current=%7B%7D&ns0=1> (дата обращения: 04.01.2020).
11. Classroom discourse, cognitive perspective: students, teacher, questions and comprehension. URL: <http://education.stateuniversity.com/pages/1916/Discourse.html#ixzz53n4ZykWS> (дата обращения: 04.01.2020).
12. Сущенко Е. А. Педагогическая лингвоэкология как фактор безопасности современного образовательного процесса // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 3-2. С. 223–224.
13. Иванян Е. П. Лингвоэкология педагогической речи // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2016. № 11-12. С. 48–56.
14. Richards Jack C., Rodgers Theodore S. Approaches and methods in language teaching: a description and analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 171 p.
15. Зубкова Л. И. Конститутивные признаки академического дискурса // Известия ВГПУ. 2009. № 5. С. 28–32.
16. Куликова Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: монография. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, 2006. 392 с.
17. Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society // Problems of Philosophy of Science. 2009. Vol. 22. No. 4. P. 3–19.

© Казанцева Е. А.
© Валиахметова Э. К.

УДК 81-25

Л. С. КРАВЧУК, заведующий кафедрой иностранных языков Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, доцент (г. Белгород)

L. S. KRAWTSCHUK, Head of the Chair of Foreign Languages of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin, associate professor (Belgorod)

М. Ю. ПОГОРЕЛЫЙ, доцент кафедры иностранных языков Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (г. Белгород)

M. YU. POGORELY, assistant professor of the Chair of Foreign Languages of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin (Belgorod)

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИМИДЖА СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ
С ПОМОЩЬЮ ИНОЯЗЫЧНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ**

**CREATING A POSITIVE PROFESSIONAL IMAGE OF A POLICE OFFICER
BY MEANS OF FOREIGN LANGUAGE PHONETIC SKILLS**

***Аннотация.** Данная статья посвящена исследованию иноязычных фонетических навыков в контексте имиджа сотрудника полиции. Систематизированы теоретические основы профессионального имиджа. Рассматриваются некоторые факторы, влияющие на имидж сотрудника полиции; сущность дефиниции «профессиональный имидж». Уточняется содержание термина «иноязычные фонетические навыки». По мнению авторов, сотрудник полиции должен обладать коммуникативной компетентностью и языковыми способностями, определенными моральными ценностями и нормами поведения, закрепленными в языке, владеть речевым поведением (речевые акты, коммуникативные стратегии и тактики), обладать хорошо развитыми иноязычными лингвистическими компетенциями для осуществления коммуникации в профессионально значимых ситуациях, что является основой профессионального имиджа сотрудника полиции, способствующей сотрудничеству с гражданами и установлению доверия.*

***Ключевые слова и словосочетания:** факторы, иноязычные фонетические навыки, имидж сотрудника полиции, формирование имиджа, положительный профессиональный имидж.*

***Annotation.** This article deals with the investigation of foreign language phonetic skills, taking into account the image of a policeman. The theoretical foundations of professional image are systematized. Some factors affecting the image of a policeman are considered. The authors explore the essence of the definition of «professional image». The term «foreign language phonetic skills» is concretized. According to the authors, a police officer must have communicative competence and language abilities, certain moral values and norms of behavior enshrined in the language. A police*

officer must possess speech behavior, speech acts, communication strategies and practices, as well as have well-developed foreign language linguistic competence to communicate in professionally significant situations. All this is the basis of the professional image of a law enforcement officer, which contributes to cooperation with citizens and the establishment of trust.

Keywords and phrases: *factors, foreign language phonetic skills, police officer image, creating image, positive professional image.*

На данном этапе развития общества большую актуальность приобрел вопрос, связанный с отношением граждан к правоохранительным органам, а также с самооценкой и профессиональным самосознанием сотрудников органов внутренних дел. Целью написания данной статьи является необходимость описать некоторые факторы, влияющие на профессиональный имидж сотрудника полиции в контексте иноязычных фонетических навыков.

Анализ литературы по теме применительно к имиджу сотрудников органов внутренних дел показал, что практически отсутствуют исследования в педагогическом аспекте. Изучение формирования имиджа сотрудников органов внутренних дел носит стихийный характер; отсутствует целостная система его создания. Это актуализирует проблему изучения имиджа сотрудника полиции и поиска путей и средств формирования позитивного имиджа на этапе профессиональной подготовки специалистов в образовательных организациях МВД России.

Один из эффективных методов формирования положительного имиджа – владение иностранным языком, что является неотъемлемым компонентом общей профессиональной культуры сотрудника полиции. Изучение иностранного языка в образовательных организациях нефилологического профиля положительно влияет на расширение кругозора и уровня образованности обучающихся, повышение культуры общения, мышления, речи, тем самым способствуя осуществлению гуманитаризации образования.

Задачи основанного на компетентностном подходе профессионально ориентированного курса иностранного языка для сотрудников полиции определены коммуникативными, познавательными и социокультурными потребностями специалиста. Владение иностранным языком является неотъемлемым компонентом общей профессиональной культуры сотрудника полиции.

В условиях интернационализации полицейского взаимодействия, усиления борьбы с терроризмом, другими видами международной преступности успех в деятельности правоохранительных органов обеспечивает владение иностранным языком и профессионально ориентированными социокультурными знаниями. Немаловажную роль в формировании положительного имиджа сотрудника полиции играют иноязычные фонетические навыки.

Для достижения поставленных в статье целей решаются сопутствующие задачи:

1. Исследовать некоторые факторы, влияющие на имидж сотрудника полиции, в контексте иноязычных фонетических навыков.
2. Раскрыть содержание термина «иноязычные фонетические навыки» с точки зрения имиджа сотрудника полиции.

Далее рассмотрим рисунок 1 «Образовательные организации высшего образования и научные организации, осуществляющие образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры» за период 1993–2018 гг. (на начало учебного года).

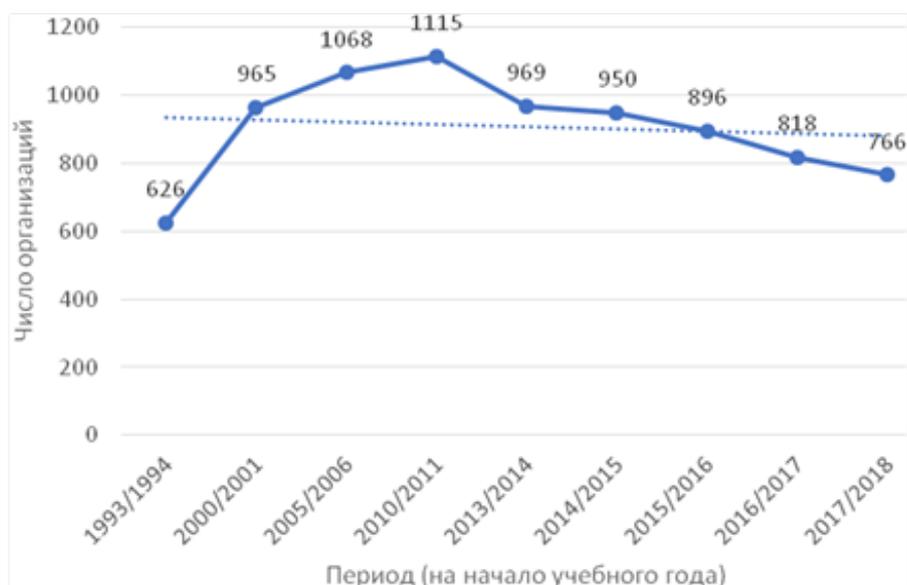

Рис. 1. Образовательные организации высшего образования и научные организации, осуществляющие образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры [1, с. 141]

Содержание рисунка 1 свидетельствует о возникновении нисходящего тренда. По состоянию на окончание 2018 года в России насчитывалось 766 образовательных организаций высшего образования и научных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры. Исходя из этого, мы можем предположить, что граждане страны стремятся быть образованными и культурными. Деятельность полицейского (инспектор ГИБДД, участковый уполномоченный полиции, следователь) заключается в большем контактировании с населением, в сравнении с другими видами профессий.

От имиджа сотрудников органов внутренних дел зависит степень доверия населения к МВД России и как следствие, эффективность профессиональной деятельности отдельных подразделений. В частности, в ст. 9 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» общественное мнение о деятельности полиции называется одним из основных критериев оценки их работы. Оно связано с имид-

жем органов внутренних дел и отражает степень доверия граждан к органам власти.

Следует отметить тот факт, что научной тематике имиджа в психологии, педагогике уделяется определенное внимание российскими и иностранными учеными. Несмотря на социальную значимость данного явления, понятие имиджа в литературе имеет множество толкований как по структуре, так и по содержанию. Начиная с 90-х годов прошлого века, появилось большое количество исследований имиджа, сформировалась наука имиджелогия и профессия имиджмейкера.

В рамках данной тематики определенный интерес представляют исследования О. Н. Астафьевой (о новых моделях в условиях глобализации) [2, с. 255], М. Н. Богомоловой (о специфике формирования позитивного имиджа делового человека) [3, с. 4], З. Н. Босчаевой (об имидже просто человека и делового человека) [4, с. 398], Е. В. Димитровой (об основных компонентах имиджа делового человека) [5, с. 65], Ф. А. Игбаевой (о ролевых моделях поведения

в современных управленческих технологиях) [6, с. 98], М. О. Кошляковой (об имидже и социальной идентичности в условиях глобализации) [7, с. 182], И. А. Муратовой (о применении новой методологии в изучении имиджа человека, позволяющей рефлексировать его строение) [8, с. 117], Д. Д. Саврасовой (об имидже делового человека) [9, с. 273]. Большинство авторов определяют структуру имиджа будущего специалиста как систему взаимосвязанных характеристик: внешняя составляющая, культура вербального и невербального общения, социальная роль, ценности профессиональной деятельности, нравственные ценности и модель поведения.

«Имидж [англ. *image* – образ] – целенаправленно сформированный образ (какого-либо лица, явления, предмета), выделяющий определенные целостные характеристики, призванный оказать эмоционально психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т. п.» [10, с. 229]. Поскольку реклама характерна для товарно-денежных отношений, то рекламной деятельностью занимаются производители различных товаров, услуг и результатов интеллектуальной деятельности с целью увеличения объёмов продаж производимой ими продукции. Современные производители активно используют бренд, цель которого побудить потребителя приобрести именно их товар, поскольку бренд якобы гарантирует высокое качество товара, услуги или результата интеллектуальной деятельности *a priori* (лат). Существует мнение, согласно которому бренд производителя произошёл от испанского слова «*firma*», когда ремесленник ставил на произведенный им товар свою подпись. Именно этот знак гарантировал определенный стандарт качества товара. С другой стороны, Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» закрепляет в ст. 1 «Назначение полиции» следующее положение: «Полиция предназначена для защиты жизни, здоровья,

прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства (далее – граждане; лица), для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности» [11, с. 3]. На наш взгляд, рассматривать профессиональный имидж полицейского в контексте рекламы некорректно. Будет ли верным утверждать, что статус сотрудника полиции нуждается в популяризации? Для этого обратимся к одному из популярных сайтов вакансий – HeadHunter (далее – hh.ru), который помогает соискателю найти работу в России. Компания hh.ru позиционирует себя в виртуальной среде как один из лидеров Интернет-рекрутмента. По состоянию на май 2019 г. сайт hh.ru предлагал за прошедший месяц 8 вакансий в Москве, а сайт «<https://ru.jooble.org>» – 10 вакансий в Краснодаре и Краснодарском крае.

Имеются объявления относительно вакансий полицейского в других городах и регионах нашей страны. Вышеприведенная информация свидетельствует о некотором уровне текучести кадров, следовательно, говоря об имидже полицейского, вернее будет рассматривать эту составляющую в контексте популяризации данной профессии среди граждан.

Для нас представляет интерес содержание дефиниции «иноязычные фонетические навыки» в контексте профессионального имиджа сотрудника полиции. В этой связи обратимся к мнению В. Г. Орешкина, который считает, что «дальнейшее исследование речевой составляющей профессионального имиджа как целенаправленного выражения субъектом своего профессионального качества в дискурсе делового общения позволило определить речевой имидж специалиста как целенаправленную презентацию определенных личностных характеристик и выражение профессионального качества адресату общения (индивидуальному, групповому, массо-

вому) в условиях деловой или массовой коммуникации речевыми средствами» [12, с. 14]. Исследователь В. Г. Орешкин применяет термин «речевой имидж специалиста», который близок к дефиниции «иноязычные фонетические навыки». Мы полностью разделяем данную точку зрения, хотя речевой имидж специалиста в большей степени относится к речевым навыкам сотрудника полиции на русском языке. Наряду с высокой культурой, образованием, самосознанием, культура речи, хорошо развитые иноязычные фонетические навыки являются наиболее значимыми составляющими, влияющими на имидж сотрудника органов внутренних дел.

Авторы Т. В. Парникова, С. Н. Озерская в своей научной статье отмечают: «*The aims of foreign language teaching at non-linguistic universities are the following: practical, educational and cultural*» [13, с. 203]. Можно поставить под сомнение применение «*practical*» aim вместе с «*educational*» aim, поскольку образование подразумевает не только усвоение теоретических знаний, но и формирование практических навыков. Особенно это важно в контексте обучения иностранному языку в образовательных организациях нефилологического профиля, в том числе МВД России, поскольку современный образ полицейского, его профессиональный имидж предполагает совокупность высоких профессиональных качеств в комбинации с высокой этикой делового общения, независимо от содержания выполняемых профессиональных функций, реальных задач и приказов вышестоящего командования.

Успешному формированию у обучающихся иноязычных фонетических навыков способствуют следующие виды упражнений: перевод, выполнение практических фонетических упражнений, упражнений типа «вопрос-ответ», составление монологических и диалогических высказываний, представление презентаций, участие в анализе и обсуж-

дении презентаций, формулирование высказываний с обоснованной собственной позицией для участия в ролевой игре, аудирование.

Авторы статьи не отрицают полезности применения у обучающихся и иных форм формирования иноязычных фонетических навыков, но следует уточнить, что стремление правильно и красиво высказать свою точку зрения на иностранном языке предполагает, помимо иноязычных фонетических навыков, знания в области грамматики и лексики. Исходя из этого, мы уделяем большое внимание в своей практике преподавания иностранных языков изучению грамматики, лексики, работе с оригинальными текстами. В этом смысле обратимся к содержанию научной статьи авторов Т. В. Парниковой и С. Н. Озерской: «*We believe that together with speaking reading is one of the two main aims of instruction in the foreign language and reading texts gives great opportunities in achievement of the practical, educational and cultural aims of teaching English*» [13, с. 203]. На наш взгляд, употребление «*with speaking reading is*» является спорным, хотя такой авторский оборот подчёркивает необходимость комплексного подхода к формированию у обучающихся иноязычных фонетических навыков.

Классический академический подход к изучению иностранного языка предполагает в обязательном порядке необходимость составления и ведения собственного глоссария, в котором обучающийся использует общепринятые методы транскрипции. Однако это требование иногда вызывает у обучающихся возражение. По их мнению, при наличии автоматических переводчиков известных поисковых систем Интернета (веб-браузеров) Yandex, Google, Yahoo, Opera, AOL, медийный и сервисный Интернет-портал Rambler и т. п. нет необходимости в собственном глоссарии. Мы придерживаемся общепринятых академических требований, которые

обеспечивают формирование и развитие иноязычных фонетических навыков, определяющих высокую культуру делового общения.

Речевые навыки, качество письменной и устной речи сотрудника полиции являются значимыми для сотрудников правоохранительной сферы и играют важную роль в успешности их деятельности, так как профессия полицейского относится к сфере «человек – человек», в котором большинство задач выполняется в процессе субъект-субъектного и субъект-объектного взаимодействия, причем коммуникативная сторона является обязательной составляющей. Таким образом, сотрудник полиции должен обладать коммуникативной компетентностью и языковыми способностями,

определенными моральными ценностями и нормами поведения, закрепленными в языке, владеть речевым поведением (речевые акты, коммуникативные стратегии и тактики), обладать хорошо развитыми иноязычными лингвистическими компетенциями для осуществления коммуникации в профессионально значимых ситуациях, что является основой профессионального имиджа сотрудника полиции, способствующей сотрудничеству с гражданами и установлению доверия. Отличная фонетика как элемент иноязычных речевых навыков сотрудника полиции является своего рода визитной карточкой. Правильные фонетические навыки сотрудника полиции в ходе деловой коммуникации способны вызвать симпатию у граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россия в цифрах: краткий статистический сборник. М.: Ростат, 2018. 522 с.
2. Астафьева О. Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории: научный альманах / под ред. Ю. И. Резника, М. В. Глостановой. М.: Ассоциация «Международное общество социальной теории», 2010. 528 с.
3. Богомолова М. Н. Специфика формирования позитивного имиджа делового человека // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 12 (28). URL: <http://human/snauka.ru/2013/12/5240>.
4. Босчаева З. Н. Об имидже: просто человека, делового человека, предприятия и организации. Элиста: Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, 2018. С. 398–404.
5. Димитрова Е. В. Имидж делового человека // Научные записки ОрелГИЭТ. 2016. № 2 (14). С. 65–67.
6. Игебаева Ф. А. Ролевые модели поведения в современных управленческих технологиях // Перспективы развития современной России (экономический, социальный, философский, правовой аспекты): материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Саратов: Изд-во «КУБиК», 2011. С. 98–100.
7. Кошлякова М. О. Имидж в условиях глобализации // Вестник Российского нового университета. 2011. № 2. С. 182–185.
8. Муратова И. А. Имидж человека как текстуальная реальность // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2-1 (40). С. 117–120.
9. Саврасова Д. Д. Имидж делового человека // Экономические науки и прикладные исследования: фундаментальные проблемы модернизации экономики России: сборник научных трудов XI Международной научно-практической конференции. Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2014. С. 273–274.

10. Современный словарь иностранных слов: около 20 000 слов. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 2001. 742 с.

11. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

12. Орешкин В. Г. Формирование речевого имиджа в системе профессиональной подготовки специалиста (на примере профессий типа «человек – человек»): автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб.: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2006. 28 с.

13. Парникова Т. В. The Use of English and American Authors' Texts in Improvement of Students' Reading Habits and Skills at Non-Linguistic Universities // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76). С. 203–205.

© **Кравчук Л. С.**

© **Погорелый М. Ю.**

**ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ.
ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

УДК 378.14.015.62

О. М. БУЛГАКОВ, *первый заместитель начальника Краснодарского университета МВД России (г. Краснодар)*

O. M. BULGAKOV, *First Deputy Head of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar)*

Е. Н. ГРИВЕННАЯ, *заместитель начальника методического отдела управления учебно-методической работы Краснодарского университета МВД России (г. Краснодар)*

E. N. GRIVENNAYA, *Deputy Head of the Methodical Department of Management of Educational and Methodological Work of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar)*

**ПРОБЛЕМА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЛУЖЕБНЫХ
ОТЗЫВОВ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ВЫПУСКНИКОВ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ**

**THE PROBLEM OF PEDAGOGICAL INTERPRETATION OF OFFICIAL
REVIEWS OF HEADS OF DEPARTMENTS OF BODIES OF INTERNAL AFFAIRS
ON PROFESSIONAL PREPARATION OF GRADUATES OF EDUCATIONAL
INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

Аннотация. В статье проанализированы состояние и перспективы развития институциональных исследований профессиональной подготовленности выпускников вузов на основе обратной связи с работодателями. Научно обосновано, что результаты подобного мониторинга отражают уровень выраженности личного потенциала молодых специалистов и степень их конкурентных преимуществ. Систематизированы отдельные результаты инспектирования образовательных организаций, подведомственных МВД России, позволяющие квалифицировать степень сформированности механизмов обратной связи с органами внутренних дел в части, касающейся экспертной оценки профессиональной и служебной деятельности выпускников вузов, как недостаточную. Предложены критерии и математическая модель оценки начального этапа службы выпускников образовательных организаций МВД России. Описана авторская информационная система, включающая в себя модуль сбора данных, обеспечивающий репрезентативность выборки данных и необходимый уровень их достоверности; аналитический и презентационный модуль, предназначенный для доведения результатов исследования до различных целевых аудиторий, субъектов образовательного процесса и заинтересованных лиц.

Ключевые слова и словосочетания: качество образования, образовательный стандарт, квалификационные требования, мониторинг, профессионально значимые качества, служебный отзыв, экспертная оценка.

Annotation. The article analyzes the state and prospects for the development of institutional studies of the professional preparedness of university graduates based on feedback from employers. It is scientifically grounded that the results of such monitoring reflect the level of expression of the personal potential of young specialists and the degree of their competitive advantages. The individual results of inspections of educational organizations subordinate to the Ministry of Internal Affairs of Russia are systematized, which make it possible to qualify the degree of formation of feedback mechanisms with internal affairs bodies regarding the expert assessment of the professional and official activities of university graduates as insufficient. Criteria and a mathematical model for assessing the initial stage of the service of graduates of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia are proposed. The author's information system is described, which includes a data collection module that provides representative data sampling and the necessary level of their reliability; analytical and presentation module designed to bring the results of the study to various target audiences, subjects of the educational process and stakeholders.

Keywords and phrases: quality of education, educational standard, qualification requirements, monitoring, professionally significant qualities, job reviews, expert assessment.

Одним из этапов мониторинга деятельности образовательной организации высшего образования являются институциональные исследования на основе обратной связи с работодателями. Получаемые данные информируют руководство вузов о существующих проблемах в обеспечении необходимого уровня профессиональной подготовленности специалистов и позволяют принимать обоснованные управленческие решения [1].

Проведение подобных исследований обеспечивает качество образования за счет актуализации содержания и технологий обучения, способствует развитию системы информирования сотрудников и анализа деятельности различных структурных подразделений вуза, повышению согласованности их работы, позволяет отладить механизмы взаимодействия вуза с заказчиками контингента обучающихся, а также предоставляет возможность приведения традиционных академических ценностей в соответствие изменяющейся конъюнктуре рынка труда [2]. Важнейшим компонентом анализа оценок работодателей сформированных у выпускников вуза компетенций является прогноз динамики профессиональных требований к специалистам, позволяющий об-

разовательной организации выстраивать обоснованную политику в области научных исследований и ресурсного обеспечения образовательной деятельности, включая его кадровую компоненту.

Необходимость системного мониторинга качества реализации образовательных программ высшего и дополнительного профессионального образования формирует у руководства образовательных организаций потребность в комплексном анализе взаимодействия с обучающимися на разных этапах: до поступления в вуз, во время обучения и после его окончания. Для состоятельной оценки выполнения показателей деятельности образовательной организации и реализации мероприятий по достижению этих показателей его руководящим и профессорско-преподавательским составом особенно необходимы системно функционирующие механизмы обратной связи с работодателями. Тем не менее, несмотря на возрастающую потребность заинтересованных субъектов организации и контроля качества образовательного процесса в развитии форм эффективного взаимодействия с потребителями образовательных услуг, вопрос применения результатов исследований обратной

связи с ними на практике по-прежнему стоит весьма остро.

Изучение актов о результатах инспектирования образовательных организаций, подведомственных МВД России, в период с 2010 г. по настоящее время дает основание к выводу о том, что в ведомственной системе образования механизмы обратной связи с органами внутренних дел (далее – ОВД) в части, касающейся экспертной оценки профессиональной и служебной деятельности выпускников вузов, все еще недостаточно сформированы, носят эпизодичный характер, мониторинг чаще всего не дополняется единовременными целевыми исследованиями, а заменяется ими. Как следствие, несистемность и нерегулярность исследовательских практик не всегда позволяет руководству образовательных организаций отслеживать динамику мнений и ожиданий руководителей комплектовующих органов, совершенствовать образовательные программы с учетом актуальных изменений квалификационных требований к выпускникам.

С другой стороны, инициативы получения актуальной информации о выпускниках образовательных организаций ограничиваются краткосрочным периодом, начальным этапом профессиональной деятельности молодых сотрудников ОВД. Практически не проводятся мониторинговые исследования по изучению профессиональных и образовательных траекторий специалистов после 5–10 лет с момента окончания вуза, не анализируется информация о выпускниках адъюнктуры и факультетов заочного обучения.

Немаловажной характеристикой внутривузовских исследований по обеспечению результативности обратной связи с работодателями является малая степень их открытости, публичное представление их результатов преимущественно узкому кругу внутренних целевых аудиторий. Такая практика затрудняет не только совершенствование методик исследований на основе опыта других образовательных систем, но и развитие механизмов обрат-

ной связи с потребителями ведомственных образовательных услуг, внедрение новых практик взаимодействия с ними.

Отсутствие единых подходов к получению, интерпретации анализу информации о начальном этапе службы выпускников образовательных организаций, научно обоснованных критериев и корректных математических моделей оценки результатов образовательной деятельности вузов и ведомственной системы образования в целом не только ставит под сомнение корректность такого рода оценок, но и в определенной степени ограничивает возможности развивать методологию и методику исследований качества профессиональной подготовленности выпускников с учетом стратегических задач образовательной политики МВД России.

Анализ результатов начального этапа служебной деятельности выпускников образовательной организации, подведомственной МВД России, подразумевает разработку информационной системы, включающей в себя:

1. Модуль сбора данных, обеспечивающий репрезентативность выборки данных и необходимый уровень их достоверности за счёт:

- охвата анкетированием максимального количества комплектовующих органов и руководителей их подразделений;
- достаточности перечня оцениваемых характеристики качеств выпускников;
- корректной структуры опросного листа (анкеты);
- актуальности получаемых данных и минимизации времени их сбора;
- реализации возможности прямой (повторный опрос) или косвенной верификации первичных данных.

2. Аналитический модуль, составными частями которого являются:

- математическая модель отбраковки (блокировки) потенциально недостоверных эмпирических данных;
- математическая модель первичного анализа и интерпретации эмпирических данных;

– алгоритм углубленного анализа, основанный на моделях причинно-следственных связей и ориентированный на выявление проблем мест в содержании и технологиях обучения, его кадровом, информационном и материально-техническом обеспечении.

3. Презентационный модуль, предназначенный для доведения результатов исследования до различных целевых аудиторий, субъектов образовательного процесса и заинтересованных лиц.

Опыт Краснодарского университета МВД России доказывает перспективность комплексного подхода к оценке образовательных и профессиональных траекторий выпускников, включающего не только показатели результативности начального этапа профессиональной деятельности (назначение выпускников на должности, соответствующие полученной специальности, включение в кадровый резерв, оценки руководителями подразделений ОВД уровня знаний и умений), но и данные о профессионально значимых личностных качествах выпускников, служебных достижениях, которые характеризуют их личностный потенциал, накопленный за время обучения в вузе. Ежегодно количество служебных отзывов, поступающих в университет на выпускников очной формы обучения, составляет свыше 90 % (2016 год – 95 %, 2017 год – 94 %, 2018 год – 92 %), что позволяет считать выборку репрезентативной, а данные – достоверными.

Служебный отзыв представлен четырьмя блоками оценок личностных и профессионально значимых качеств, знаний и умений выпускников. Оценки первого блока направлены на выявление удовлетворенности руководителей подразделений ОВД уровнем служебно-профессиональной мотивации выпускников, их теоретических знаний, специальных знаний и умений. Второй блок вопросов обеспечивает оценку профессионально значимых качеств выпускников, таких как уровень ин-

теллектуального развития, профессиональная этика, стрессоустойчивость, организаторские способности и др. [3]. Третий блок вопросов позволяет выявить результаты профессиональной деятельности выпускников, четвертый – отражает перспективность выпускников по службе. Респондентам предлагается оценивать уровень сформированности перечисленных качеств как высокий, средний или низкий.

Главная проблема педагогической интерпретации служебных отзывов руководителей комплекующих органов о профессиональной подготовленности выпускников для разработки и реализации управленческих мер по совершенствованию содержания и технологий обучения образовательных услуг состоит в исключении субъективной компоненты оценок, а также разработке особого порядка учёта оценок в случае несоответствия должности, на которую трудоустроен выпускник, освоенной им образовательной программе.

Мы поддерживаем мнение исследователей об отсутствии прямой взаимосвязи между показателями успеваемости выпускника и их последующими показателями профессиональной деятельности, включая профильное трудоустройство, ввиду разных позиций оценивания «успешного выпускника» вузом и работодателями, а также объективного различия между сформированными у выпускника за период обучения компетенциями и их востребованностью в сфере его профессиональной деятельности [4]. Профильное трудоустройство – это назначение выпускника образовательной организации на должность, полностью соответствующую освоенной им образовательной программе высшего образования, включая специальность, специализацию и узкую специализацию при её наличии.

В связи с ускорением темпов обновления профессиональных технологий от специалиста с высшим образованием требуется не только владение актуаль-

ными компетенциями, но и знание основных тенденций развития профессии, определение своей профессиональной и квалификационной траектории, выражающееся в чётком понимании своих профессиональных предпочтений и условий их реализации, готовность к быстрому освоению инноваций в сфере первичной трудовой деятельности или профессиональной переподготовке с переходом в смежные сферы с более привлекательными перспективами профессиональной и личностной самореализации. Данное положение подтверждается большим количеством успешных в профессиональной карьере выпускников вузов, трудоустроенных на должности, отличные от профиля полученного образования [5].

Среди выпускников Краснодарского университета МВД России 2018 года, по сравнению с выпуском 2017 года, процент непрофильного трудоустройства снизился на 7 %. Наименее подвержены непрофильному трудоустройству оказались выпускники, обучавшиеся по специальности Правовое обеспечение национальной безопасности – 27 %. Наибольший процент назначений на должности не в соответствии с полученным образованием составил у выпускников, обучавшихся по специальностям «Экономическая безопасность» (45 %), «Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере» (44 %), «Психология служебной деятельности» (42 %).

Несмотря на положительную динамику профильного трудоустройства последних лет, должность каждого третьего выпускника Краснодарского университета МВД России 2018 года в той ли иной степени не соответствовала его диплому о высшем образовании, что снижает состоятельность оценок результатов их служебной деятельности и соответствия занимаемой должности, а также требует специального подхода к анализу и интерпретации статистических данных, получаемых в ходе обработки служебных отзывов. В этой

связи важное значение приобретает сопоставление оценок сформированности у выпускника профессионально значимого качества по мнению руководителя подразделения и результатам освоения выпускником образовательной программы. Методика сопоставления оценок такого рода должна формироваться с учетом типичных проблем, возникающих в ходе обработки результатов любого психолого-педагогического исследования: проблемы количественной интерпретации качественных показателей исследования, корректного выбора статистических методов, педагогической интерпретации результатов применения статистических методов [6].

В Краснодарском университете МВД России для демонстрации степени статистической взаимосвязи результатов контроля качества учебного процесса в университете и показателей служебных отзывов используются корреляционные диаграммы [7] (см. рис. 1). Анализируемыми показателями являются оценки теоретической, практической, боевой и физической, юридической подготовки выпускников: одна из сравниваемых величин – оценка уровня (высокий, средний, низкий) какого-либо показателя служебных отзывов (всей выборки и по отдельной специальности); вторая – средний балл промежуточной аттестации по совокупности изученных дисциплин, характеризующий рассматриваемый показатель отзыва, с установлением следующей шкалы соответствия: средний балл от 4,4 до 5 баллов – высокий уровень сформированности; от 3,3 до 4,4 балла – средний уровень сформированности; от 3 до 3,3 балла – низкий уровень сформированности.

На примере трех специальностей методом экспертного опроса руководителей профильных кафедр университета установлены следующие совокупности дисциплин, оценки промежуточной аттестации по которым характеризуют уровень перечисленных видов подготовки выпускников (см. таблицу 1).

Совокупность дисциплин по видам подготовки выпускников

Наименование специальности	Совокупность дисциплин по видам подготовки выпускников			
	Теоретическая	Практическая	Юридическая	Боевая и физическая
Правовое обеспечение национальной безопасности	Уголовное право Уголовный процесс Криминалистика Криминология	Юридическая психология Предварительное следствие в органах внутренних дел Расследование преступлений против личности и собственности Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению Преддипломная практика	Конституционное право России Административное право Гражданское право Уголовное право Уголовный процесс	Физическая подготовка Огневая подготовка Тактико-специальная подготовка
Правоохранительная деятельность (профиль подготовки – участковый уполномоченный полиции)	Организация деятельности участкового уполномоченного полиции Административное право Уголовное право Административная деятельность полиции Предупреждение преступлений и административных правонарушений органов внутренних дел	Предупреждение преступлений и административных правонарушений органов внутренних дел Практикум по проведению следственных действий Экспертно-криминалистическая деятельность полиции Организация деятельности участкового уполномоченного полиции Преддипломная практика	Конституционное право России Административное право Гражданское право Уголовное право Уголовный процесс	Физическая подготовка Огневая подготовка Тактико-специальная подготовка

Экономическая безопасность	Математика Эконометрика Экономическая теория Мировая эконо- мика Статистика Экономический анализ Бухгалтерский учет Деньги, кредит, банки Оценка рисков Экономика организации (предприятия) Аудит Страхование Бухгалтерский управленче- ский учет Рынок ценных бумаг Налоги и нало- гообложение Контроль и ре- визия Экономическая безопасность Судебная эконо- мическая экс- пертиза	Лабораторный практикум по бухгалтерскому учету Информатика и информацион- ные технологии в профессио- нальной дея- тельности Налоги и нало- гообложение Организация и методика нало- говых проверок Бухгалтерский учет Оперативно-ра- зыскная дея- тельность орга- нов внутренних дел Органы вну- тренних дел в сфере экономи- ческих престу- плений Аудит Ситуационный практикум по налогообло- жению Преддипломная практика	Администра- тивное право Уголовное право Уголовный процесс Основы граж- данского права	Физическая подготовка Огневая подго- товка Тактико-специ- альная подго- товка
-------------------------------	---	--	--	---

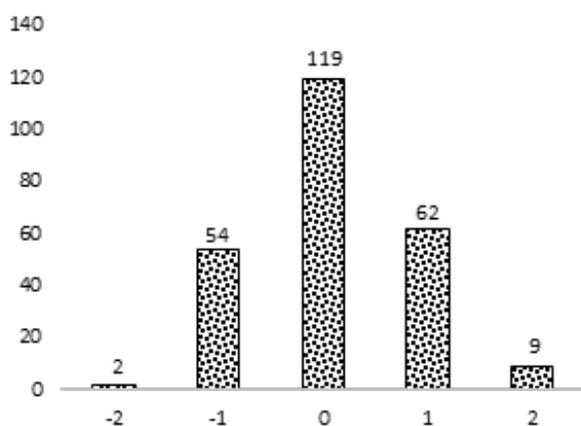
Для всей выборки выпуска очной формы обучения 2018 года (243 поступивших и обработанных служебных отзыва) построены корреляционные диаграммы, отражающие степень статистической взаимосвязи двух описанных выше оцениваемых величин. По оси абсцисс диаграмм отложена разность оценок промежуточной аттестации и служебных отзывов, по оси ординат – количество соответствующих разностей.

Полученные данные подтверждают объективность и достаточное соот-

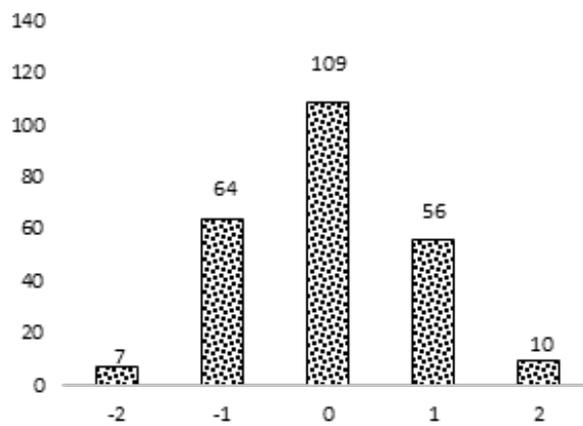
ветствие двух видов оценки профессиональной подготовки выпускников университета – в период получения высшего образования и по итогам первого года служебной деятельности в ОВД. По трём показателям (см. рис. 1 а, в, г) лишь у 0,8–1,2 % выпускников оценки руководителей по месту службы существенно ниже, чем их оценки в период обучения в вузе («низкий» уровень вместо «высокого»). Несколько больше такого рода расхождений в оценках практической подготовки – у 2,9 %

выпускников (см. рис. 1 б). С другой стороны, по каждому из четырёх анализируемых показателей явное большинство (31 из 45) существенных (на две позиции) расхождений в оценках оказалось

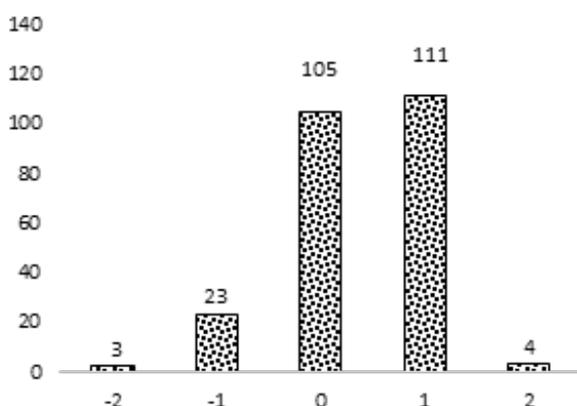
«в пользу вуза», т. е. когда начальники подразделений ОВД оценили уровень подготовки как «высокий», при оценке вуза – «низкий».

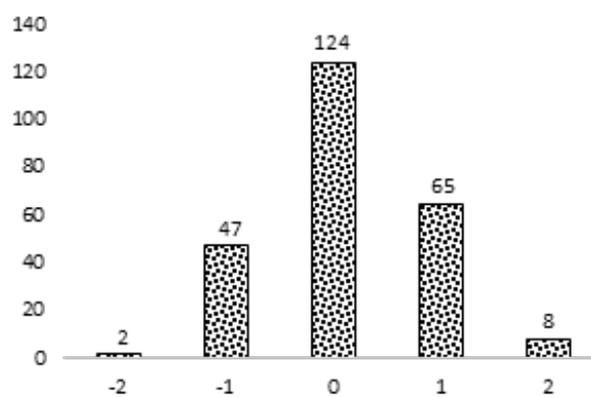
а) теоретическая подготовка

б) практическая подготовка

в) боевая и физическая подготовка

г) юридическая подготовка

Рис. 1. Корреляция оценок знаний и умений выпускников университета 2018 г.

По совокупности четырёх диаграмм среди несущественных отклонений на одну позицию преобладают отклонения на +1 (по отдельности – по боевой и физической, теоретической, юридической подготовке), когда в территориальном органе дали оценку «высокий» или «средний» уровню подготовки выпускника, оцененному в вузе, соответственно, как «средний» или «низкий».

Из корреляционной диаграммы оценок практической подготовки выпускников (см. рис. 1 б) можно сделать вывод о необходимости в образовательной организации ужесточать критерии оценки практической подготовки курсантов и слушателей, принципиальнее оценивать их умения на экзаменах и зачетах по дисциплинам профильной направленности, практикам, защите выпускной квалификационной работы.

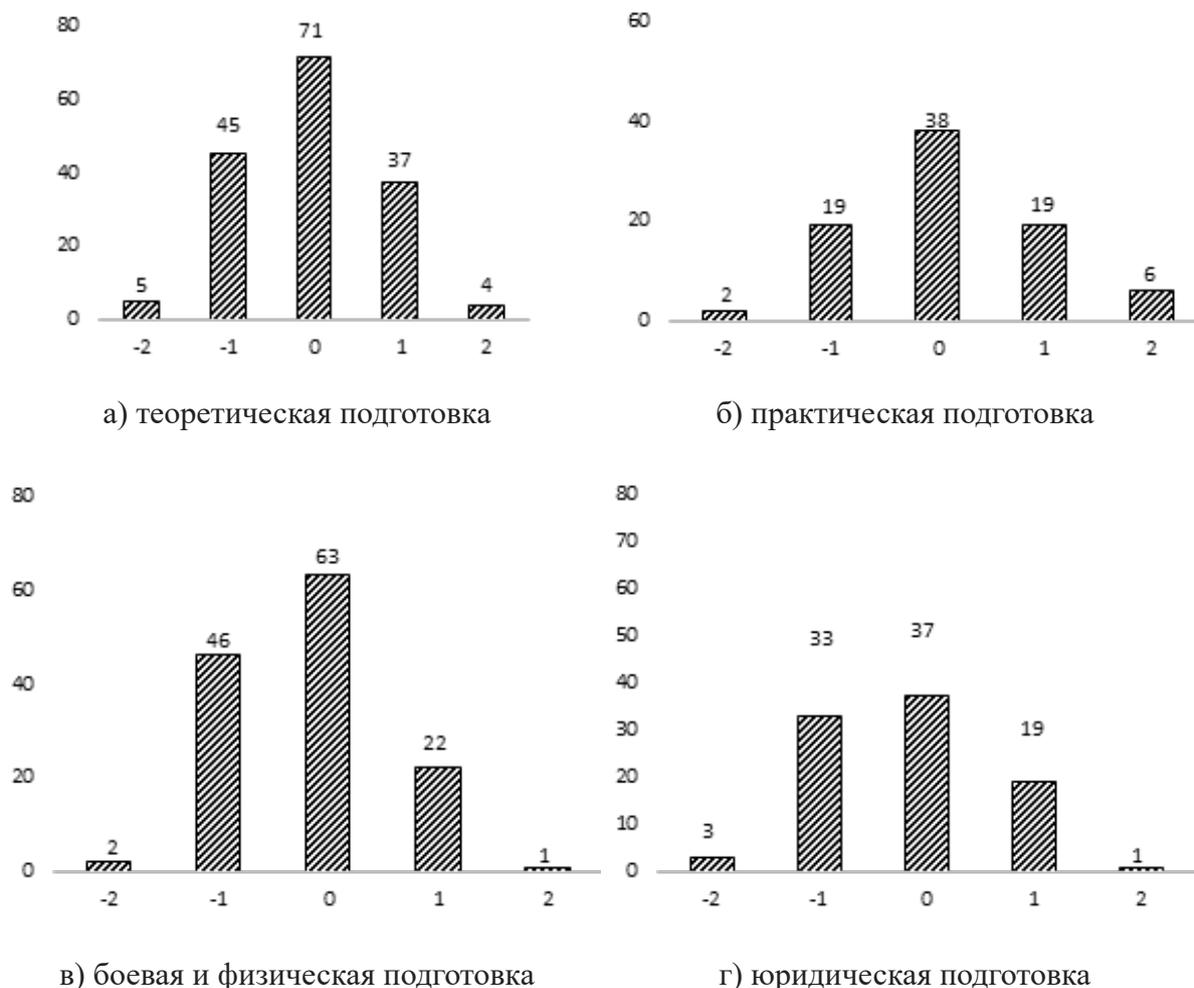

Рис. 2. Корреляция оценок практической подготовки выпускников университета 2018 (а, б) и 2017 (в, г) гг., с профильным (а, в) и непрофильным трудоустройством

Как показывают диаграммы на рис. 2, даже в таком наименее согласованном по оценкам вуза и территориальных органов показателе, как практическая подготовка, расхождения в оценках практически не различаются для выпускников, чьи должности соответствуют освоённой образовательной программе, и выпускников, работающих не по специальности, специализации или узкой специализации. Напротив, практические умения выпускников 2018 года, работающих на «непрофильных» должностях, оценены их руководителями в целом выше, чем образовательной организацией, в сравнении с теми, кто трудоустроен точно в соответствии с узкой специализацией. Это говорит о том, что

заложенный в вузе потенциал саморазвития, сформированные универсальные компетенции, трудолюбие и мотивация позволяют молодым специалистам преодолевать трудности начального этапа службы и адаптироваться к ней даже вопреки неоптимальным стартовым условиям. С другой стороны, недоработки образовательной организации в подготовке специалистов проявляются в первый год их службы, невзирая на соответствие полученного образования занимаемой должности. Этот вывод наглядно подтверждается диаграммами рис. 3.

Важным, на наш взгляд, результатом интерпретации эмпирических данных, представленных на рис. 2 и 3, является дополнительный аргумент против чрез-

мерного объема узкопрофессиональной компоненты в содержании высшего образования, «натаскивания» обучающихся на специализированные профессиональ-

ные компетенции в ущерб фундаментальным знаниям и широкому профессиональному кругозору.

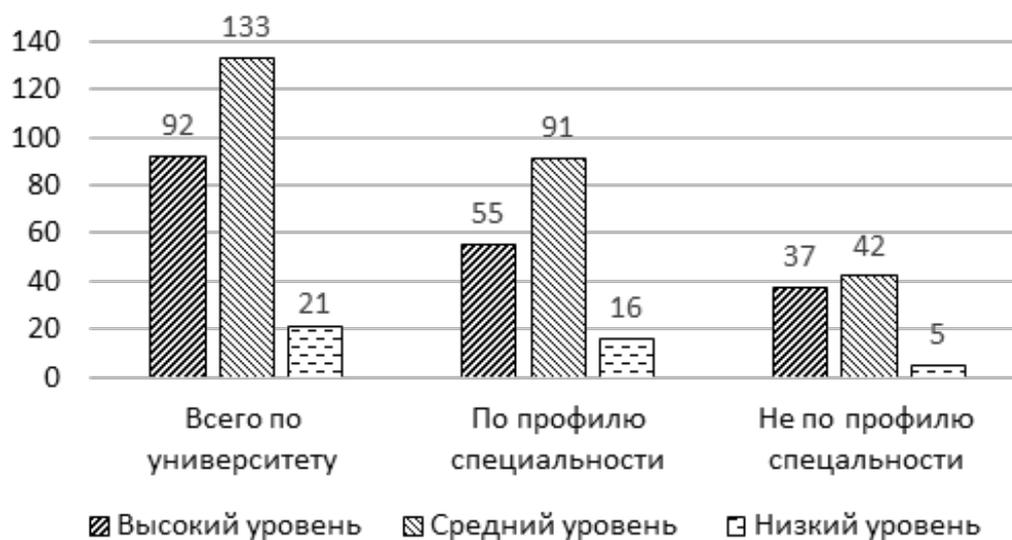

Рис. 3. Оценки практической подготовки выпускников университета 2018 г. руководителями подразделений территориальных ОВД

Проведение системных исследований по вопросам качества подготовки выпускников образовательных организаций, подведомственных МВД России, на основе оценок руководителей подразделений практических органов открывает широкие возможности для стратегического и оперативного управления содержанием и структурой ведомственного образования. При организации таких исследований на регулярной основе следуют объективные трудности, такие как необходимость обеспечения достоверности и надежности эмпирических данных и синхронизации процессов сбора, обработки и анализа информации; труднодоступность некоторых целевых аудиторий, в частности, подразделений полиции ближнего зарубежья; отсутствие распространения практик сравнительных межвузовских исследований; отсутствие механизмов многосторонней верификации оценок, приводимых в служебных отзывах на выпускников и иных оценочных документах руководителей территориальных органов; недостаточная

разработанность математических моделей и алгоритмов интерпретации и анализа эмпирических данных с учетом особенностей объекта исследования.

В числе первоочередных задач совершенствования работы по изучению Краснодарским университетом МВД России мнения руководителей подразделений территориальных ОВД о качестве подготовки специалистов посредством оценки профессионально-требуемых знаний, умений и личностных качеств выпускников:

– сравнительный анализ служебных отзывов руководителей подразделений территориальных органов, заключений на слушателей выпускных курсов по месту прохождения преддипломной практики, результатов государственной итоговой аттестации, конкурсов профессионального мастерства и самооценки выпускников;

– анализ результативности реализации отдельных образовательных программ и динамики оценок знаний, умений и личностных качеств выпускников

руководителями подразделений территориальных органов подготовки специалистов на основе обобщённых показателей удовлетворённости руководителей качеством подготовки специалистов и эффективности адаптации выпускников к условиям службы на её начальном этапе.

Для повышения эффективности мониторинговых институциональных исследований в масштабах ведомственной системы образования и обратной связи с практическими органами необходимо обобщение опыта локальных исследований, проводимых отдельными образовательными организациями:

– разработка единой ведомственной методологии и офлайн-методики формирования служебных отзывов руководителей комплекующих органов о профессиональной и служебной деятельности различных категорий выпускников образовательных организаций МВД России;

– создание ведомственной базы данных для удаленного размещения служеб-

ных отзывов в многопользовательском режиме;

– обеспечение репрезентативного объема целевой выборки выпуска молодых специалистов и достоверности оценочных данных с целью детализированного анализа результатов начального этапа их служебной деятельности;

– разработка механизмов анализа профессиональных траекторий выпускников образовательных организаций в течение первых нескольких лет после их трудоустройства, включая статистические и прогностические математические модели;

– определение актуальных параметров, характеризующих удовлетворенность практических органов качеством подготовки специалистов, на основе математических моделей поиска и подбора соответствий для корректировки образовательных программ ведомственных вузов и образовательных траекторий обучающихся и действующих сотрудников ОВД.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенова Т. В. Межвузовские исследования как важный инструмент изучения системы высшего образования // *Universitas*. 2013. № 3. С. 9–19.
2. Григорян А. К., Заславская М. И. О некоторых особенностях измерения обратной связи со студентами в контексте управления университетом // *Университетское управление: практика и анализ*. 2017. № 2. С. 155–161.
3. Булгаков О. М., Гривенная Е. Н. Мониторинг сформированности профессионально значимых качеств выпускников // *Психология и педагогика служебной деятельности*. 2019. № 2. С. 76–79.
4. Павлова О. Н., Казин Ф. А., Бутаков Н. А. Профильность трудоустройства выпускников вузов: анализ данных социальных сетей // *Университетское управление: практика и анализ*. 2017. № 3. С. 38–56.
5. Сандлер Д. Г., Сущенко А. Д., Кузнецов П. Д., Печенкина Т. Е. трудоустройство выпускников и его связь с качеством высшего образования // *Университетское управление: практика и анализ*. 2018. № 3. С. 73–85.
6. Кузьмин Р. И., Макарова Л. Н. Специфика корреляционно-регрессионного моделирования в рамках психолого-педагогических исследований // *Вестник ТГУ*. 2012. Т. 17. Вып. 3. С. 1059–1067.
7. Булгаков О. М., Ладыга А. И., Рябошапка О. Н. Интерпретация результатов контроля остаточных знаний с применением элементов корреляционного анализа и математической статистики // *Вестник Воронежского института ФСИН России*. 2018. № 2. С. 38–45.

© Булгаков О. М.
© Гривенная Е. Н.

УДК 387.6.351.74.015.3:316.628(470)

В. Л. ЛИНЕВИЧ, начальник кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат психологических наук, доцент (г. Уфа)

V. L. LINEVICH, Head of the Chair of pedagogy and psychology in law enforcement bodies activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Psychology, associate professor (Ufa)

ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

FORMATION OF EDUCATIONAL MOTIVATION AMONG STUDENTS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению современных теорий учебной мотивации. Анализируются факторы, влияющие на формирование учебной мотивации у обучающихся, а также предлагаемые педагогические приемы и методы по ее формированию. Представлены результаты собственного исследования зависимости учебной мотивации у обучающихся образовательных организаций МВД России от основания выбора и удовлетворенности профессией. Рассматривается зависимость учебной мотивации обучающихся образовательных организаций МВД России от форм и методов использования информационных технологий в учебном процессе. Подчеркивается важность сохранения традиционного образования наряду с информационными образовательными технологиями в учебном процессе. Обосновывается необходимость мониторинга учебной мотивации у обучающихся образовательных организаций МВД России как элемент исследования данной актуальной проблемы.

Ключевые слова и словосочетания: теории формирования мотивации, учебная мотивация, технологии повышения, обучающиеся, образовательные организации.

Annotation. The article is devoted to the consideration of modern theories of educational motivation. The article analyzes the factors that influence the formation of educational motivation among students, as well as the proposed pedagogical techniques and methods of its formation. The results of own research based on academic motivation among students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia from the foundation of choice and satisfaction with the profession. The article considers dependence of educational motivation of students of educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia from the forms and methods of using information technologies in the educational process. The importance of preserving traditional education along with information educational technologies in the educational process is emphasized. The article substantiates the necessity to monitor the educational motivation of students of educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia as an element of the study of this urgent problem.

Keywords and phrases: theory of formation of motivation, educational motivation, improvement technologies, students, educational organizations.

Проблемы изучения учебной мотивации являлись актуальными в XIX–XX вв. и остаются объектом исследований в XXI в. Данная актуальность очевидна, так как никакие, даже самые эффективные образовательные технологии, не могут быть успешными при отсутствии у обучающихся познавательного интереса, желания учиться, приобретать профессиональные знания и навыки. Именно поэтому количество теорий, пытающихся выявить ключевые механизмы учебной мотивации обучающихся, не уменьшается.

Изучение учебной мотивации остается актуальной на протяжении всей истории человеческой цивилизации. В течение развития общества, технических революций, привносящих не только новые теории и подходы в понимании основных законов общества, но и создание новых технологий, затрагивающих все сферы науки, практики и образования в том числе. В XXI в. исследования учебной мотивации обучающихся всех уровней образования не утратили своей значимости и являются логическим продолжением подобных изысканий, проводимых ранее. Вместе с тем современные исследования привносят новое понимание исследуемых проблем. Так, на сегодняшний день является очевидным, что учебная мотивация – это не какая-то изолированная форма или феномен, а следствие связи желания осваивать учебный материал обучающимися с индивидуальными, личностными характеристиками индивида и социальным контекстом образовательного процесса. В данном разделе мы рассмотрим основные теории учебной мотивации, лежащие в основе научных исследований ученых в XXI в.

Теория контроля и значимости эмоций достижения принадлежит профессору Мюнхенского университета Рэйнхарду Перкуну. По его мнению, роль эмоций крайне важна при анализе академической успеваемости обучающихся. Анализ возникновения эмоций достижения важен

для понимания связи осуществляемой деятельности (удовольствие или скука) и эмоций, возникающих на результат деятельности (радость, гордость, тревога, злость и др.), и проявляется в ощущении успеха или неудачи. Автор считает, что обучающиеся испытывают в процессе обучения разнообразные эмоции, влияющие как на образовательный процесс, так и на личностное развитие, физическое и психическое здоровье обучающегося. Р. Перкун считает важным увеличивать в процессе обучения количество позитивных эмоций и снижать негативные, что, по мнению автора, позволит развивать обучающимся уверенность в себе, интерес и внутреннюю (личностную) ценность приобретаемых знаний. Условиями достижений этого является: высокая квалификация преподавателя, его позитивное эмоциональное состояние в процессе преподавания, создание в группе обучающихся позитивной обстановки, способствующей глубокому овладению учебной дисциплиной. Исследования, проводимые в рамках данной теории, выявили, что цели достижения – мастерство, стремление продемонстрировать результат или желание скрыть результат усвоения материала дисциплины, определяются эмоциями, преимущественно испытываемыми в процессе изучения учебного материала, получившими название «эмоции достижения» (удовольствие, надежда, гордость, гнев, стыд, тревога, безнадежность, скука), позволяют прогнозировать достижение результата обучения. Исследователи отмечают, что полученные результаты надежны и достоверны с учетом гендерных, социальных различий и уровня способностей обучающихся [1, с. 100–101].

В теории целей достижения свой вклад внесли такие ученые, как А. Каплан, М. Майер, Д. Николлс, К. Дуэк, Э. Эллиот и ряд других. Авторы изучали учебную мотивацию в двух ее вариантах: компетентность – направленность на мастерство и стремлением произвести

хорошее впечатление, выглядеть профессионалом в глазах преподавателя, одноклассников, окружающих; профессионализм – направленность на демонстрацию результата. Первая направленность предполагает нацеленность на изучение предмета, развитие соответствующих навыков, что определяет положительные результаты обучения, проявляющиеся в усердии, самоэффективности, желании решать сложные задачи, формировании навыков саморегуляции психического состояния, позитивных эмоциях. Вторая направленность выражается в поверхностном изучении материала, формировании образа профессионала, избегании ситуаций, которые могут вскрыть собственную некомпетентность. Первоначально стратегия на формирование результата рассматривалась как неэффективная, но проведенные исследования опровергли данную однозначно негативную позицию. Последующие исследования подтвердили значимость социального фактора (социального окружения) на выбор направленности и целей обучения. Исследователи указывают на необходимость проведения интервенций (циклов занятий) по формированию у обучающихся направленности на мастерство, понимание ценности самого процесса обучения и его результатов [1, с. 102].

Согласно теории атрибуции Бернарда Вайнера люди склонны расценивать определенные события как причины соответствующих когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций. Автор выделял восемь таких «предопределяющих» причин: отношение к процессу обучения (усердие или лень); старание или безразличие в определенный момент времени к решаемой задаче; помощь, поддержка со стороны преподавателя обучающемуся в процессе освоения материала или предвзятое негативное отношение педагога к данному обучающемуся; помощь, поддержка обучающемуся со стороны близких, окружающих его

людей или отсутствие таковой; хорошее настроение, положительное физическое и психическое состояние обучающегося или усталость, плохое настроение и самочувствие; сложная, нестандартная задача или простое, типичное задание; благоприятное стечение обстоятельств, удача, везение или отсутствие такового. Б. Вайнер данные причины разделял по следующим трем основаниям: внешний или внутренний локус контроль, стабильность или нестабильность «предопределяющих» причин, контролируемость или неконтролируемость. Одним из способов приобретения чувства контроля над ситуацией является наличие обратной связи со значимым для обучающегося человеком: преподавателем, родителем, другом. Контроль над ситуацией формируется у обучающегося при условии, что значимый для него человек демонстрирует соответствующую модель поведения, тем самым способствует развитию такового у обучающегося. В рамках данной теории ученые установили, что наглядная демонстрация обучающимся их «борьбы» с учебными трудностями повышает результативность таковых не только в процессе подобной интервенции, но и в дальнейшем процессе обучения, проявляясь повышением успеваемости и снижением числа обучающихся, отчисляемых за неуспеваемость [1, с. 102–103].

В соответствии с теорией ожиданий и ценностей, предложенной Джоном Аткинсоном, рассматривается зависимость учебной мотивации обучающихся от понимания ими важности получаемых знаний и навыков в последующей жизни и профессиональной деятельности. Проведенные исследования выявили зависимость выраженности учебной мотивации обучающихся в приобретении различных видов знаний от влияния их матерей в детском, подростковом и юношеском возрасте. Таким образом, было подтверждено влияние на процесс формирования учебной мотивации значимого окруже-

ния обучающихся и характера взаимоотношений между ними [1, с. 103].

Согласно теории постановки целей поведение человека определяется теми целями, которые он ставит перед собой, и насколько человек осознает намерения по достижению значимых целей. Другими словами, осознание цели и мотивация их достижения – это то, что лежит в основе осознанного, целенаправленного и эффективного поведения человека. В процессе исследования учебной мотивации в рамках данной теории было установлено, что четкое, детальное описывание своих целей, планов по их реализации, а также личностной значимости достижения намеченных целей положительно сказываются на результативности их реализации как в процессе подобной интервенции, так и после ее завершения [1, с. 104].

В соответствии с имплицидными теориями интеллекта, предложенными Кэролом Дуэком, учебная мотивация обучающихся зависит от представлений человека о своем уровне интеллекта. В соответствии с первой имплицидной теорией интеллект может развиваться, а со второй – интеллект является фиксированным, постоянным. Проведенные исследования в рамках данной теории выявили возможность повысить интеллект обучающихся, решая сложные проблемы и задачи (минимум раз в неделю на одном из проводимых занятий) [1, с. 104].

В изучении роли интереса в формировании мотивации к учебной деятельности внесли свой вклад такие ученые, как С. Хайди, Э. Рэннингер, Д. Газри, А. Крапп, М. Прэнзэль и ряд других. Авторы, изучая процесс формирования учебной мотивации, выделили следующие фазы: 1) возникновение ситуативного интереса к предмету; 2) поддержание ситуативного интереса к предмету; 3) зарождение индивидуального интереса; 4) развитие индивидуального интереса. При этом исследователи утвержда-

ют, что переход от одной фазы к другой осуществляется только при определенных условиях (развитие интереса посредством использования наблюдения, рисования, конструирования), однако это не означает исчезновение предыдущей. Предшествующие и последующие стадии проявляются и функционируют параллельно, взаимодействуя и стимулируя развитие друг друга. Исследователи утверждают, что наиболее трудным является переход от второй фазы к третьей.

Таким образом, авторы доказывают, что развитие индивидуального интереса является основой долговременной внутренней учебной мотивации, побуждающей обучающегося продолжать решать проблемы, возникающие в процессе обучения, несмотря на их количество и сложность [1, с. 105].

В соответствии с теорией возможных Я, предложенной Дафной Ойзенман, каждый человек имеет в себе как положительные, так и отрицательные образы. В контексте обучения «возможные Я» образы включают позитивные или негативные ожидания относительно успеваемости, академических достижений или неудач, непосредственные цели – завершение обучения, успешное начало профессиональной деятельности и т. д. На формирование возможного образа Я влияют как индивидуальные факторы, так и социальное окружение. Окружающие люди могут быть не только образцом для подражания, но и примером негативных перспектив. Имеющийся опыт успеха и неудач расширяют или сужают перспективный образ Я. В исследованиях в рамках данной теории было установлено, что у обучающихся при четкой сформированности стратегии на достижение цели повышалась эффективность на фоне положительных эмоций, улучшалась академическая успеваемость. Так, исследователями был сделан вывод о том, что ориентированный на учебу положительный образ Я положительно влияет на учебную мотивацию [1, с. 106].

Теория самодетерминации Эдварда Деси и Ричарда Райна является одной из наиболее экспериментально подтвержденной и часто используемой. Авторы считают, что обучающийся будет достаточно мотивированным (заинтересованным), сможет функционировать на оптимальном уровне, т. е. быть продуктивным без излишних затрат сил и времени, только при удовлетворении следующих психологических потребностей: в компетентности, автономии, взаимосвязи с другими людьми (в группе, коллективе) [1, с. 106].

В соответствии с теорией самоэффективности, предложенной Альбертом Бандурой, мотивированный человек верит в свои способности успешно достигать намеченных целей. Автор утверждает, что люди, уверенные в своей эффективности, способны генерировать и пробовать альтернативные модели поведения, если ранее используемые стратегии не принесли должного результата. Высокая самоэффективность достигается за счет прикладываемых усилий, настойчивости, развития способностей справляться с новыми, нестандартными проблемными ситуациями, максимально эффективно используя когнитивные и эмоциональные процессы, обусловленные ситуацией. А. Бандура выделял следующие элементы самоэффективности: способность выстраивать поведение, при этом предыдущий положительный опыт или неудача порождают высокие ожидания в случае успеха; косвенный опыт (чужой пример), предполагающий возможность реализации стоящей перед человеком задачи; вербальное убеждение как проявление веры человека в способность справиться с задачей; эмоциональный подъем как склонность людей соотносить уровень своей эффективности с уровнем эмоциональной напряженности, чтобы в стрессовой ситуации справиться с ним [1, с. 106].

Согласно теории социальной принадлежности Роя Баймейстера и Марка

Лири чувство принадлежности является фундаментальным психологическим мотивом поведения человека, так как основные потребности личности во власти, одобрении, достижениях, близости и т. д. определяются потребностью в принадлежности. Исследования, проведенные в рамках данной теории, установили, что если обучающиеся выстраивают более тесные связи со значимыми для них людьми в группе (коллективе), тем самым снижая чувство неопределенности во взаимоотношениях с окружающими, то это усиливает их уверенность в собственных силах, и проявляется повышение академической успеваемости [2, с. 69].

В соответствии с теорией преобразующего опыта, предложенной Кэвином Пью и Джоном Дьюи, обучение может обогащаться вневузовским опытом, расширять восприятие, стимулировать осмысленное отношение обучающегося к предстоящей профессиональной деятельности. Данная теория предполагает переосмысление процесса обучения таким образом, чтобы ежедневно повышать ценность изучаемого материала (контента) для каждого обучающегося посредством трех стратегий обучения: преподаватель должен преподносить рассматриваемый материал как идею, которую нужно вообразить, представить, а не как концепцию, которую нужно изучить; учить обучающихся видеть новые объекты как новые идеи; учить обучающихся моделировать ситуации, преобразовывать имеющийся опыт [3, с. 19–20].

Несмотря на проводимые исследования, в настоящее время нет единой сформированной концепции, раскрывающей сущность, причины и условия формирования, критерии сформированности мотивации. Принято считать, что достижения человека в различных сферах его жизнедеятельности, включая образовательную, не более чем на 1/3 обусловленное его интеллектуальным уровнем, а 2/3 – его мотивацией [4, с. 216]. В свою очередь профессиональная мо-

тивация – это совокупность мотивов, определяющих выбор профессии, лежащая в основе желаний личности совершенствоваться в данной профессии, развиваться как личность. Наличие и степень выраженности профессиональной мотивации у обучающихся определяют: заинтересованность или обременительность процесса освоения учебной программы; сформированность тенденции на достижение успеха в выбранной профессии или получение минимального количества профессиональных знаний, навыков и умений; степень удовлетворенности своей настоящей и будущей деятельностью или разочарование в выбранной профессии и желание ее сменить.

Принято выделять три группы мотивов трудовой деятельности: 1) мотив выбора профессии; 2) мотив выбора деятельности (специализации); 3) мотив выбора места работы. Совокупность данных мотивов определяет наличие профессиональной мотивации или ее отсутствие. Для изучения зависимости учебной мотивации от осознанности выбора профессии нами был проведен анкетный опрос обучающихся 2 курса по специальности Правовое обеспечение национальной безопасности в количестве 47 человек. По результатам опроса обучающихся было установлено, что 4,3 % опрошенных частично удовлетворены выбранной профессией; 23,4 % – удовлетворены; 48,9 % – в основном удовлетворены; 23,4 % – полностью удовлетворены. Таким образом, 27,7 % опрошенных частично не удовлетворены выбранной профессией; 72,3 % – преимущественно удовлетворены выбранной профессией.

При опросе оценивалось влияние социального окружения на выбор профессии. В ходе исследования было установлено, что 44,6 % респондентов выбрали профессию с учетом стабильного материального обеспечения, социальной ценности и престижности; 27,7 % – по роман-

тическим мотивам; 12,8 % – на основе советов родных, знакомых; 2,1 % – не смогли указать мотивы выбора профессии, выбрав ее случайно; 12,8 % – выбрали профессию по нескольким мотивам. Учитывая тот факт, что все респонденты являются обучающимися 2 курса, можно констатировать, что причины выбора профессии существенно не повлияли на уровень учебной мотивации и позволили всем респондентам успешно освоить программу 1 курса.

Принято считать, что период адаптации обучающихся, в том числе и учебная составляющая, зависит от условий обучения, сложности программ, реализуемых образовательной организацией, и индивидуальных особенностей личности (адаптационный потенциал обучающегося). К таковым относятся наличие и степень выраженности личностных качеств. Совокупность внешних и внутренних факторов обуславливает длительность протекания стадий адаптационного процесса.

Первый этап (ознакомление), как правило, занимает месяц и сопровождается получением информации о новой ситуации (вузе, критериях оценки действий (успеваемости), нормах поведения в учебной группе, на курсе и в институте в целом, знакомство и привыкание к учебному взводу). Второй этап (приспособление) может длиться до года и сопровождается переоценкой системы ценностей, признанием новой системы при частичной или полностью сохранившейся ранее сложившейся, приоритетов, стереотипов поведения. Длительность третьего этапа (ассимиляции) индивидуальна и характеризуется полным привыканием к учебной группе, предъявляемым требованиям, характеру взаимоотношений в коллективе и, в конечном итоге, идентификацией себя с группой. Длительность (идентификации) завершающего этапа адаптации индивидуальна.

Решение проблемы адаптации обучающихся 1 курса осуществляется

посредством комплекса мер: недели первокурсника; программы морально-психологического обеспечения учебно-воспитательного процесса, рассчитанного на весь период обучения в вузе. Критерии эффективности их учебной адаптации можно разделить на субъективные и объективные. Первая группа факторов была выявлена при опросе обучающихся 1 курса по истечению трех месяцев обучения в вузе, который показал, что практически все респонденты привыкли к условиям и требованиям учебного процесса в институте. Примерно четверть опрошенных указала, что наибольшую сложность привыкания у них вызвали режим и питание; еще одна четверть респондентов указали, что наиболее сложными для них были выстраивание взаимоотношений с однокурсниками, примерно половина респондентов не смогла указать, что было наиболее трудным. Все опрошенные, независимо от успеваемости, считают, что вполне адаптировались.

К объективным критериям успешности адаптации обучающихся можно отнести: академическую успеваемость (количество и качество оценок, количество пропусков и время, требующееся на их обработку, динамика успеваемо-

сти и др.); наличие конфликтов в группе и фактов нарушения дисциплины (повторяющиеся (некорректирующиеся) нарушения поведения); результаты промежуточной аттестации обучающихся в период сессии (семь зачетов, три экзамена).

Таким образом, проведенное исследование позволяет предположить, что уровень учебной мотивации обучающихся не зависит от мотивов выбора профессии, а обусловлен индивидуальными адаптационными особенностями обучающихся и эффективностью комплекса мероприятий, проводимых вузом по адаптации обучающихся к новым для них условиям образовательной деятельности и службы. Можно также констатировать, что большинство современных теорий, рассматривающих учебную мотивацию, выделяют следующие значимые элементы, определяющие мотивационную составляющую личности и, как следствие, повышающие академическую успеваемость обучающихся: социально-когнитивный фактор, эмоциональная составляющая, система взаимоотношений обучающегося со значимыми людьми в группе, коллективе, социуме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитская М. Г., Толстых Н. Н. Зарубежные исследования учебной мотивации: XXI век // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 2. С. 100–113.
2. Прудникова Т. А., Посакалова Т. А. Зарубежный опыт применения информационно-коммуникативных технологий в целях повышения учебной мотивации // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 2. С. 67–82.
3. Фролова Н. Б., Ермолова Т. В. Мотивация обучения и достижения успеха. Обзор монографии доктора Бобби Хоффмана // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 2. С. 19–25.
4. Мясищев В. Н. Психология отношений: избранные психологические труды / под ред. А. А. Бодалева. 4-е изд. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2011. 398 с.

© **Линевич В. Л.**

ПАМЯТКА
АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

• Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в образовательных организациях системы МВД России, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

12.00.01 – Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве (юридические науки).

12.00.08 – Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право (юридические науки).

12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки).

12.00.02 – Конституционное право. Конституционный судебный процесс. Муниципальное право (юридические науки).

12.00.03 – Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право. Международное частное право (юридические науки).

12.00.11 – Судебная деятельность. Прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки).

12.00.12 – Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-разыскная деятельность (юридические науки).

12.00.14 – Административное право. Административный процесс (юридические науки).

10.02.01 – Русский язык (филологические науки).

10.02.04 – Германские языки (филологические науки).

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки).

• Рукописи представляются в 2-х экземплярах с приложением электронного варианта.

• Структура статьи:

название на русском и английском языках (печатаются заглавными буквами с соблюдением симметрии, шрифт – № 14);

сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются заглавными буквами, размер шрифта – 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, размер шрифта – 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати);

аннотация (100–150 слов) и **ключевые слова** (6–10 слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках – печатаются курсивом, размер шрифта – 12;

рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе MICROSOFT WORD с использованием шрифта Times New Roman, размером 14 пунктов через одинарный интервал. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi;

оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %;

пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается конце текста, размер шрифта – 12, Times New Roman. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница;

индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

- При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

- Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

- К направляемым в редакцию научным статьям прилагаются рецензия (подписи рецензентов заверяются гербовой печатью), выписка из протокола заседания кафедры с рекомендацией статьи к опубликованию, справка о проверке текста статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения, заверенная автором.

- Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

- К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.

- Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

- К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

<p>Заявка на опубликование научной статьи (рецензии/обзора) в научно-практическом журнале «Вестник Уфимского юридического института МВД России»</p> <p>Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи</p> <hr/> <p style="text-align: center;">(название статьи)</p> <hr/> <p>в рубрике _____</p> <p>Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети «Интернет».</p> <p>Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф дсп, «секретно», а также служебные материалы других организаций.</p> <p>Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.</p> <p>Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.</p> <p>О себе сообщаю следующую информацию:</p> <p>ФИО (полностью): _____</p> <p>Должность: _____</p> <p>Место работы: _____</p> <p>Ученая степень: _____</p> <p>Ученое звание: _____</p> <p>Адрес: _____</p> <p>Телефон для связи: _____</p> <p>e-mail: _____</p> <p>Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается.</p> <p>Дата. подпись. расшифровка подписи.</p>
--

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК
УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»**